

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№ 1(33)

2023

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

1 (33)
2023

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014 г.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры; 5.4.7. Социология управления; 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики; 5.7.1. Онтология и теория познания; 5.7.2. История философии; 5.7.6. Философия науки и техники; 5.7.7. Социальная и политическая философия; 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 30.06.2023. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 2283.
Дата выхода в свет: 24.07.2023. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет, 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, г. Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускаются только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – отв. секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аришинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Гарбузов Валерий Николаевич, д-р ист. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дашковский Петр Константинович, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Ершов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Кузнецов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Набиев Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Сомов Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Спириова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопоьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Илиева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левичка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

SocioTime

Социальное время

ISSN 2410-0773

1 (33)
2023

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgategn.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes; 5.4.5. Political Sociology; 5.4.6. Sociology of Culture; 5.4.7. Sociology of Management; 5.6.1. National History; 5.6.2. General History; 5.6.3. Archaeology; 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography; 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy; 5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.6. Philosophy of science and technology; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture.

Editor *N. M. Moskvicheva*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 30.06.2023 The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 2283.
Release date: 24.07.2023. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2023

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafova O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Garbuzov V. N., Doctor of History (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dashkovsky P. K., Doctor of History (Barnaul)
Dumets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Kuznetsov A. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (Saint Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Somov V. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinchek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoiev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Артамонов Д. С., Сквородко А. Д.

Медиа и проблема безусловного принятия в интерпретации Ж. Деррида этики Э. Левинаса	9
--	---

Бурнашев К. Э.

Формирование личности в аспекте теории социальной стандартизации	19
--	----

Гавров С. Н., Бунтякова А. С.

Ревитализация культуры: философско-культурологическая рефлексия по книгам И. Семецки	26
---	----

Джубатчанова И.

Технонаука как гетерогенная сеть на примере биобанкинга	34
---	----

Ковалев А. А.

Философско-антропологический подход к осмыслению феномена ментальных войн	45
--	----

Larina O. V.

Linguistic peculiarities of national worldimages and their significance for philosophic and semiotic analysis of historical narrations (Ларина О. В. Лингвистические особенности национальных картин мира и их значимость для философско-семиотического анализа исторических повествований)	58
---	----

СОЦИОЛОГИЯ

Беляев В. А., Сибеева Г. Р., Волков В. Р.

Индигенизация vs глобализация: элиминация или гомеостаз Вестфальской системы	67
---	----

Гостев А. Н., Ботвиньев К. П., Бelyшев А. А., Мосин Э. В., Назимкина А. А.

Молодежный потребитель общественных благ: поведение в условиях социально-политической неопределенности	80
---	----

Грошева Л. И., Грошев И. Л., Грошева И. А.

Новая реальность современных межличностных отношений: фрустрация в условиях плюрализма	95
---	----

ИСТОРИЯ

Печников А. О.

Российско-финляндское исследование древней истории финно-угров европейской России XIX-XX вв.	108
--	-----

Подготовка и порядок приема рукописей	121
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Artamonov D. S., Skovorodko A. D.

Media and the problem of unconditional acceptance in J. Derrida's interpretation of the ethics of E. Levinas	9
--	---

Burnashev K. E.

Personality formation in the aspect of social standardization theory	19
--	----

Gavrov S. N., Buntuyakova A. S.

Revitalization of culture: philosophical and culturological reflection on the books of I. Semetski	26
--	----

Jubatchanova I.

Technoscience as a heterogeneous network on the example of biobanking	34
---	----

Kovalev A. A.

Philosophical and anthropological approach to understanding the phenomenon of mental wars	45
---	----

Larina O. V.

Linguistic peculiarities of national worldimages and their significance for philosophic and semiotic analysis of historical narrations	58
--	----

SOCIOLOGY

Belyaev V. A., Sibaeva G. R., Volkov V. R.

Indigenization vs globalization: elimination or homeostasis of the Westphalian system	67
---	----

Gostev A. N., Botviniev K. P., Belyshev A. A., Mosin E. V., Nazimkina A. A.

The youngest consumer of public goods: behaviour in the context of socio-political uncertainty	80
--	----

Grosheva L. I., Groshev I. L., Grosheva I. A.

The new reality of contemporary interpersonal relations: frustration in the conditions of pluralism	95
---	----

HISTORY

Pechnikov A. O.

Russian-Finnish study of the ancient Finno-Ugrians history of European Russia (XIX – XX centuries)	108
--	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В тридцать третьем номере научного журнала «**SocioTime / Социальное время**» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учеными и исследователями из различных университетов и научных центров России. Материалы журнала посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе выпуска – современные и исторические процессы развития человека, общества и культуры.

Журнал позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук, из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежья: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана и др.

География участников тридцать третьего номера «**SocioTime**» традиционно широка: опубликовано десять научных работ авторов из Москвы, Казани, Санкт-Петербурга, Саратова, Коломны, Тюмени, Йошкар-Олы.

В раздел «**Философия**» включены шесть научных работ. В совместной статье **Д. С. Артамонова и А. Д. Сковородко** (*Саратовский государственный университет, г. Саратов*) анализируются современные медиа в контексте проблемы принятия в интерпретации Ж. Деррида этики Э. Левинаса. В центре внимания статьи **К. Э. Бурнашева** (*Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола*) оказалась проблема формирования личности в аспекте теории социальной стандартизации. Проблема ревитализации культуры в пространстве философско-культурологической рефлексии по книгам И. Семецки – в центре внимания статьи **С. Н. Гаврова и А. С. Бунтякова** (*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*). В статье **И. Джубатчановой** (*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань*) исследованию подвергнута тема технотехники как гетерогенной сети на примере биобанкинга. Философско-антропологический подход к осмыслению феномена ментальных войн стал предметом анализа **А. А. Ковалева** (*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург*). В статье **О. В. Лариной** (*Коломенский институт (филиал) Московского политехнического университета, г. Коломна*) исследованию подвергнуты лингвистические особенности национальных картин мира и их значимости для философско-семиотического анализа исторических повествований.

В раздел «**Социология**» включены три научные работы. В совместной статье авторов из Казани **В. А. Беляева, В. Р. Волкова** (*Казанский национальный исследовательский технический университет – КИИ им. А. Н. Туполева, г. Казань*), **Г. Р. Сибаевой** (*Казанский государственный энергетический университет, г. Казань*) иссле-

дована проблема индигенизации VS глобализации как проблема элиминации или го-меостаза вестфальской системы. В совместной статье **А. Н. Гостева** (*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва*), **К. П. Ботвиньева**, **А. А. Бельшева**, **Э. В. Мосина**, **А. А. Назимкиной** (*Московский педагогический государственный университет, г. Москва*) рассмотрено поведение молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-политической неопределенности. В заключительной статье раздела **Л. И. Грошевой**, **И. Л. Грошева** (*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень*), **И. А. Грошевой** (*Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры», г. Тюмень*) исследована проблема новой реальности современных межличностных отношений как проблема фрустрации в условиях плюрализма.

Раздел **«История»** представлен статьей **А. О. Печникова** (*Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола*), в центре внимания которой оказалась тема российско-финляндского исследования древней истории финно-угров европейской России XIX–XX веков.

Тридцать третий номер журнала отличается широкая палитра представленных работ, охватывающих актуальные вопросы современного человека и общества и носящих проблемный характер. Центральное место в номере занимает проблематика российского общества, продолжающего свое развитие в непростых условиях современности.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвященные творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «SocioTime / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор.

УДК 101.1: 316«312»

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.9

МЕДИА И ПРОБЛЕМА БЕЗУСЛОВНОГО ПРИНЯТИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ж. ДЕРРИДА ЭТИКИ Э. ЛЕВИНАСА

Д. С. Артамонов¹, А. Д. Сковородко^{1, 2}

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет,
г. Саратов (Россия)

²Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич – СГУ, г. Саратов (Россия)

Введение. Сегодня проблема безусловного принятия связана с утверждаемой необходимостью в репрезентации как можно большего числа различий между людьми, которые отныне вольны сами конструировать собственную идентичность. В сфере медиа (например, в модной индустрии и индустрии кино) это приводит к повышенному вниманию за тем, чтобы одобрение и признание могли получить также и те, кто до недавних пор не соответствовал принятым стандартам красоты.

Методы. В основе исследования лежит компаративистский анализ, через который будет рассмотрена этическая философия Э. Левинаса и Ж. Деррида, посвященная принятию Другого и оказавшая влияние на современный дискурс об инаковости.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Отталкиваясь от практической философии И. Канта и этической мысли Э. Левинаса, Ж. Деррида полагает необходимым безусловное принятие Другого как особую этическую максиму. Соглашаясь с Кантом в том, что желание не должно обуславливать человеческую волю в следовании универсальным законам нравственности, Деррида стремится отвязать принятие и от самого долга. Принимать Другого, исходя из желания так поступить или только из чувства долга (единственное, что остаётся после отказа от желания), становится невозможным и недопустимым, согласно самому этому долгу. В таком случае безусловное принятие образует невозможную фигуру, будучи одновременно едва ли осуществимым, но всё же необходимым.

Заключение. Поскольку желание и какая-либо иная личная расположенность не должны, согласно данным авторам, быть основанием для безусловного принятия, то современная тенденция к созданию привлекательного образа Другого, руководствующаяся этическими соображениями, может быть рассмотрена как избыточная по отношению к самому требованию безусловного принятия, если мы будем считать желанность и привлекательность средством для выполнения этого требования, а не косвенным результатом следования ему.

Ключевые слова: желание, деконструкция, медиа, мода, принятие, этика.

Введение. Сегодня постановка вопроса об отношении к Другому/ различию характеризуется тем, что, во-первых, рассматривается теперь в контексте не терпимости или «толерантности», а «*признания*». «Толерантности...же слишком мало, а потому заявление о терпимости будет восприниматься как оскорбление. Однажды добившись толерантности, различные меньшинства борются уже за признание» [15, с. 105]. Но кажется, что и «признание» не полностью отвечает современному положению дел, и что приходится говорить скорее о *принятии* (ибо признание можно заработать негативным путем: через непринятие и неприязнь). Дело заключается не

просто в том, чтобы создать комфортную и безопасную среду для Другого, но принять, то есть *полюбить* его, каким бы тот ни был – такова новая *этическая* максима. Это требование выполняется на самых разных уровнях, но мы хотели бы обратить внимание на его воплощение в среде медиа. На определенные подвижки в отношении к инаковости указывает тот же пересмотр политики модных журналов или кастинга актёров и создания персонажей в киносъёмках в сторону идей бодипозитива, который по определению связан с признанием, так как в рамках его мировоззрения «любая фигура не просто приемлема, а *прекрасна от начала и до конца*» [7], и пропагандируются «безусловное принятие человеческого тела *любой* формы и борьба с дискриминацией по внешности» [10].

Предметом настоящей статьи является возникшая в цифровой культуре сцепка этики и эстетики, когда первое и второе проникают друг в друга: эстетика и те впечатления, что мы получаем от созерцания образа чужого тела, снова становятся предметом этики. «Основной принцип современной моды – принятие разнообразия» [13, с. 76]. Этика теперь не ограничивается следованием некоторым универсальным максимам, но требует, *как кажется*, куда большего: любви, восхищения и желания по отношению к Другому. На это любят указывать как возможные сторонники подобных нововведений [13], полагающие такой опыт гуманным и положительным с этической точки зрения, так и противники [2], для которых трансформация общественных вкусов имеет насильственный характер и продиктована узкой, заинтересованной в том политической группой (будь то финансовые элиты или «маргинальные» слои общества и т. д.).

Также принято отмечать *радикализм* этих тенденций. В публичной дискуссии остаётся в итоге разве что определиться со своим собственным отношением – положительным или отрицательным – к этому радикализму, соглашаясь с одной из выше приведённых позиций. Но мы хотели бы задать вопрос: *а действительно ли это требование радикально, то есть приводит к серьёзным переменам и вкусов, и нравственности?* Так ли обстоит дело, что Другой, наконец, получает и свободу самовыражения, и наше принятие? Возможно, что это требование безусловности, которое сегодня предъявляется к вкусовым предпочтениям потребителя, не только не закрывает ту проблему, что Другой всё ещё предстаёт как лишённый признания, но и прямо этому способствует: «Красота культурного образа... отказывает в существовании тому, что не подходит под её лекала...» [11, с. 122], когда единственным способом получить принятие становятся попытки совпасть с чужими вкусами, пусть даже путём их предварительной трансформации. В чём здесь заключается проблема для этики, могут дать понять два автора, которым часто приписывают прямое влияние на формирование современного дискурса о Другом и необходимости уважать различие между Я и Другим. Речь идёт об Э. Левинасе и его ученике Ж. Деррида. Некоторые аспекты их идей, так и не получившие своего практического воплощения, являются предостережением для нашего стремления обусловить принятие Другого через трансформацию вкусов и потребительских запросов, поскольку, когда эти

мыслители говорят о *безусловном* принятии, *безусловное* не играет роль простого риторического оборота, но продумано строго философски до своих пределов.

Методы исследования. Данное исследование берёт в качестве основного метода компаративистский анализ. Мы обратимся к тому, как Ж. Деррида и Э. Левинас проблематизируют известную оппозицию желание / долг (здесь Деррида вступает в полемику с Кантом), показывая, почему невозможно отдавать предпочтение ни одному из этих полюсов – ни аффективной сфере, ни отсылающей строго к этическим максимам. Через полученные из этого анализа выводы могут быть проинтерпретированы современные тенденции в отношении проблемы принятия, которые были описаны выше. В основной части мы вначале укажем на определенную разницу между проблемами, которые ставят Левинас и Деррида. Их внимание к несколько различным проблемам является причиной чуть большего внимания, которое Деррида получит в данной статье. Затем мы обратимся к дерридианской деконструкции вышеназванной оппозиции, приводя в качестве примеров феномены современной модной индустрии. Поскольку практическая сфера заданной проблемы – медиа, не будет лишним обратиться к тому, что сами медиа пишут об интересующем нас предмете.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Деррида, вслед за Левинасом, признаёт в качестве сущности нравственности такое принятие Другого, которое не затрагивало бы его свободу [19, р. 75]. В отличие от Левинаса, уделившего данному вопросу внимание, но в меньшей степени (к примеру: «Страх за моё бытие, являющийся моим отношением к смерти, это не страх перед небытием, а страх перед насилием (тем самым он перерастает в страх перед Иным, перед тем, что совершенно непредвидимо)» [9, с. 236]), он всё же не готов видеть в Другом, главным образом, жертву. Он, не будучи здесь оригинален, рассматривает его, в том числе как *нежелаемую* потенциальную угрозу, от которой мы заслоняемся, когда, например, возникает задача перевести этику в область права и политики, которые, на самом деле, *уже всегда*, считает Деррида, её «предавали» [21, pp. 65–70].

Поэтому философ ищет *границу безусловного* отношения к инаковости [20, pp. 133–135]. Выделенная курсивом фраза является оксюмороном, и как раз в приоткрываемой здесь невозможности заключается вопрос Деррида уже покойному учителю: «Как быть с целостью и сохранностью «я» в безусловном приёме Другого?» [21, pp. 58–59]. Эта негативность Другого по отношению к Я может быть обнаружена уже у Ж. П. Сартра в его размышлениях о садомазохистской позиции Я в коммуникации с Другим [12, с. 379–394]. Здесь же отметим, что проблема выбора и его ограниченности была осмыслена уже Левинасом в фигуре «третьего», который, как говорит подхватывающий этот образ Деррида, «не ждёт» [21, р. 63], но всегда остаётся неучтённым и принесённым в жертву. Таким образом, Деррида развивает вопросы, которые были поставлены не им (и не только философами вообще), делая их одной из основных проблем своего позднего творчества. Под особым ракурсом эти вопросы, собранные больше в текстах Деррида, чем в текстах Левинаса (единствен-

ное, чем обусловлено наше чуть большее внимание к одному, а не к другому), будут рассмотрены нами в дальнейшем.

Признавая необходимость в «некоторой дискриминации», Деррида, в первую очередь, брал в качестве примеров проблемы миграционной политики и не затрагивал прямым образом интересующую нас тему принятия чужого тела. Однако его размышления, всегда, на самом деле, говорящие о *принятии как таковом*, могут быть применены к самым разным сферам общественной и частной жизни, включая вопросы телесности и отношения к ней, где тематика желания также кажется более очевидной. Точно так же и гостеприимство для него и Левинаса не исчерпывается названным так культурным феноменом, описанным этнологами, но касается принятия Другого вообще, являясь общим названием для такого принятия и в то же время одним из его имён.

Мы бегло показали выше, какую *этическую* роль в случае принятия тела начинает играть желание. Полезным теперь было бы обращение для начала к кантовской практической философии, ряд интенций которой Ж. Деррида пытается развить. В отличие от И. Канта, который справедливо видел в желании, в смысле склонности или заинтересованности в личной выгоде, угрозу для прямого практического следования форме универсального нравственного долга [8], Деррида не считает, что оно должно быть исключено из этической сферы в пользу долга или наоборот. «Соблюдение обязательства уклоняться от правила ритуализированной благопристойности заставляет также выйти за рамки самого языка долга. Не следует быть дружелюбным или вежливым из чувства долга» [6, с. 21]. Следование, например, правилам гостеприимства только из чувства долга сделало бы гостеприимство обусловленным этим долгом [22, р. 77] и к тому же выдало бы определённую фальшь. Дарить *только* по требованию – это не проявление щедрости, а в конечном счёте сухой формализм [18, р. 177; 19, р. 175]. Итак, *долга мало* для принятия.

Но Деррида всё же не бросается от долга к желанию. Скорее он в других своих текстах соглашается с Кантом и ставит желание перед одной серьёзной трудностью. Его вместе с Левинасом интересуют безусловность, универсальность принятия *как* гостеприимства. «Гостеприимство... это сама этика» [21, р. 94]. В свою очередь, «гостеприимство бесконечно, или же его нет... оно настроено на принятие идеи бесконечного, а значит, безусловного» [21, р. 91]. Что касается характера такой безусловности, то он у Деррида многообразен. «Если имеет где-то место безусловное гостеприимство, оно должно быть открыто посещению другого, который приходит, когда угодно...» [23, р. 111]. Но безусловность здесь подразумевает не только открытость чему и кому угодно или даже отказ выдвигать условия перед Другим, а также, как было установлено выше, отказ принимать по принуждению или *требованию, даже этическому*. Замечания, сделанные насчёт долга, равно применимы к желанию. Желание также обуславливает этику и принятие. Если я гостеприимен потому, что *хочу* принять, тогда гостеприимство, конкретный его акт, вновь обуславливается моим желанием, становясь чем-то контекстуальным [18, р. 103]. Или

если я дарю *из* чувства щедрости, *из* желания подарить, то и здесь дар обусловлен контекстом в виде моей личной расположенности [24, p. 205].

Разумеется, мы берём желание в крайне узком смысле связанных с ним этических апорий. И Левинас, и Деррида видят в нём также некоторое «трансцендентальное» или, сказал бы Левинас, «метафизическое» измерение, в котором желание оказывается не удовлетворимо в принципе, поскольку направлено на Другого в его неданности, а потому, строго говоря, оно более не связано с потаканием нашим нуждам, к которым мы здесь желание сводим. «Метафизическое желание направлено на совсем иное, на абсолютно другое... В основе обычно понимаемого желания лежит нужда» [9, с. 74]. У Деррида данные рассуждения можно прочесть в связи с неуловимым понятием дара [3, с. 165], который, как мы видим, соединяет оба измерения желания, и даже в более ранних работах [5, с. 294], явно вдохновленных психоанализом [17, p. 407]. Соединить две эти разные проблематики («метафизического желания» и нужды) – нелегкая задача, которая перед нами в данном случае не стоит, однако примечателен сам факт того, что Левинас и Деррида вместе стремятся переосмыслить желание и отвязать его от стремления к овладению.

Итак, всё же видя в желании некоторую опасность для этики, Деррида в чём-то возвращается к сказанному Кантом о гетерономии воли, но здесь необходимо, наконец, развернуть все следствия такого тезиса. Можно сказать, что на «эмпирическом уровне» желание имеет дело только с тем, что предъявляет себя субъекту, и с тем, что бросает желанию вызов, устраивает своего рода провокацию: я желаю *или* не желаю впустить такого-то гостя. То есть желанию предстоит определиться касаясь того, хочет оно иметь дело с *конкретным и всегда случайным* объектом или нет (вот отчасти почему Деррида различает безусловное гостеприимство как открытость кому угодно и обусловленное, которое всегда имеет дело с конкретным и определённым гостем [22, p. 29]). Однако всё это становится крайне неоднозначным, стоит нам направить желание на Другого, который никогда не исчерпывается полем видения Я. «Бесконечно-другой... не мыслится, исходя из горизонта, всегда остающегося горизонтом того же самого» [4, с. 148], – вторит Левинасу Деррида. И у самого Левинаса «лицо Другого постоянно разрушает и превосходит предъявляемый мне пластический образ» [9, с. 88].

За горизонтом сознания (в феноменологическом смысле), и тем самым присутствия и желания, а также, если мы вернёмся к заявленной тематике, по ту сторону медиа (связанных для Деррида с тематикой присутствия [26, p. 150]) существовали, существуют и будут после нас существовать отверженные, которых мы не отвергали, но чьи имена мы так и не услышим. «Конечно, движение (бодипозитива) сделало немало хорошего для тех, чьи тела раньше было принято обделять вниманием, но, вместе с тем, оно сформировало свой собственный стандарт красоты, которому не всякий может соответствовать» [7]. Всё это в том числе потому, сказал бы Деррида, что «я не могу отвечать на зов, требования, обязательство или даже *любовь*, не принося в жертву другого другого, прочих других» [25, p. 68]. Такой «недосмотр», связанный с установкой самих медиа на виртуализацию идентичности [15, с. 102], является определенно нашим просчётом, и его можно подправить (в том числе кор-

ректировкой медийной повестки и т. д.), но всегда только в какой-то мере и не полностью – Другой сохраняет свой неисчерпаемый статус, а обосновать наш фаворитизм в отношении одного тела, но не в отношении иного, становится трудно. Конечно, у Деррида это возражение касается не одного только желания, но этики как таковой, однако это следствие чрезвычайно важно, если мы всё ещё утверждаем, следуя современной тенденции, что этике не чужды желание и аффект, ограниченные полем нашего восприятия.

Само тело и его пластичность в точности отображают эту неданность Другого, о которой говорят Левинас и Деррида, постоянное откладывание его эпифании, её стирание: «В форме медиареальности мы имеем не тело, а некую по-гуссерлевски понятую неоформленную и неорганизованную материю (*hyle*)» [11, с. 125]. Превращаясь в серию сменяющих друг друга масок, оно, как и Другой вообще, *способно* вызвать как влечение, так и отвращение, неприязнь. Это довольно общий момент, но к нему Деррида питал большой интерес: несмотря на своё стремление к безусловности, в некоторых случаях принятию положены пределы, преступление которых для него в равной степени и требуется (этикой и/как законом гостеприимства), и является чем-то нежеланным (если мы не допускаем возможность саморазрушительных тенденций по типу садомазохизма субъекта у Сартра). Для желания сохраняется возможность отторжения.

На миг отстраняясь от тематики тела, скажем, что условность желания определённо может быть противопоставлена безусловному гостеприимству и универсальности этики, поскольку здесь всегда уже вводятся, как показывает Деррида, некоторые ограничения, в том числе правовые и политические: «Мы... *хотим* найти согласие между нашим желанием чистого гостеприимства и между необходимостью в некоторой дискриминации. Я *не хочу* впускать тех, кто может уничтожить не только меня, но и моих жену и ребёнка...» [20, р. 134]. Помимо того, что в некоторых случаях моя открытость другому будет этически сомнительным решением (ибо она, например, послужит угрозой для жизни других людей, как в приведённой цитате), здесь также подключается измерение желания и нежелаемого, которое в ряде случаев может даже обходиться без того, чтобы искать для моей закрытости какой-то этический аргумент: проблема в том, что я способен просто не хотеть принимать – и необязательно причиной для этого будет какая-то реально ощутимая и всеми признаваемая угроза. И действительно, не оказывается ли тело, несмотря на всё, точно так же способно вызвать отторжение? Из этого можно сделать вывод, что мои собственные предпочтения – не лучший гарант для этического поступка, что и заставляет Деррида пересмотреть место желания, понятого как личный интерес, в тех же практиках дарения и гостеприимства.

Дискриминационный, слишком зависимый от контекста характер желания и (в меньшей степени, но всё же) долга, не являясь центром рассуждений Левинаса и автора проекта деконструкции, заставляет их пересмотреть классические оппозиции и скрываемые ими иерархии субъект/объект, Я/Другой, гость/хозяин [14, 93–122], что, правда, не является предметом настоящего исследования. «Опыт общения, по

Левинасу, ...возникает до субъект-объектных отношений», а в «отношении «Я – Другой» именно Другому принадлежит инициатива: «я» – сторона пассивная, Другой – активная» [1, с. 100, 102]. Вместе с тем, как было сказано ранее, само желание тоже получает своё переосмысление и отделяется от нужды и чужой прихоти, становясь неудовлетворимым по существу.

Заключение. Итак, принятие и этика Другого должны как-то пройти меж двух огней: не исчерпываться без остатка в этическом требовании, а сам этот *остаток* в виде некоторой аффектированности, желания или избыточного благодушия *точно так же* не должен служить мотивом для принятия, о чём писал ещё Кант. Ни долга, ни желания. Последнее, помимо того, что принадлежит мне, как конечному смертному существу, неспособному уделить внимание всем прочим смертным, зависит от моих собственных предпочтений. Их можно бесконечно расширять и «перевоспитывать», но оттого *возможность* столкновения с нежелаемым (не говоря уже о морально неверном) не исчезнет, с чем считались и Левинас, и Деррида.

Можно сделать следующий вывод о желании и принятии в медиа-реальности. С точки зрения наших авторов, будет ошибочным добиваться принятия Другого, создавая из него привлекательный и желанный образ, причём не имеет значения, предшествуют ли этому перевоспитание устоявшихся вкусов или подстраивание под них с целью угодить. Или, по крайней мере, неправильно отождествлять заработанное таким способом принятие с принятием *безусловным*, относящимся строго к этике. Собственный интерес к Другому может быть косвенным эффектом такого безусловного отношения, а не его причиной. Ведь если не удаётся сегодня разорвать или хотя бы ослабить связь долга и желания, то, видимо, принятию остаётся лишь одно – как-то попасть в зазор между ними. В связи с этим Левинасом и Деррида будет задан вопрос о (не)возможности или *основании* – в онтологическом смысле условия возможности – такого принятия. Однако для обоих авторов проблема начинается уже на уровне самого вопроса. Ведь несводимость моих отношений с Другим ни к одному из двух выведенных полюсов (желание / долг как основание для такого отношения, делающего его возможным) показывает, что призыв к *безусловному* принятию Другого связан скорее с начатой Кантом деонтологизацией этики и принятия, когда вопрос ставится не о возможном основании этического поступка, а об этичности самого основания.

Определение пересмотренной этики как будто (даже в отличие от категорического императива, где для наших поступков задаются хотя бы определённая форма или принцип) не имеет положительного содержания и всецело строится на отрицании того, что к ней не может быть отнесено. Может ли она «воплотиться», а не только бесконечно ускользать от нас, то и дело «загрязняясь» тем или иным условием – это отдельный и сложный вопрос (и вообще, законен ли он, например, с точки зрения Ж. Деррида?). Тем не менее Э. Левинас и Ж. Деррида задают обширный горизонт проблем, сохраняющих свою актуальность тогда, когда тематика «принятия Другого» становится центральной. Тем важнее уметь обходить препятствия, возникающие на пути к этому принятию.

Список литературы

1. Вдовина И. С. Проблема человеческой взаимности в современной философии Франции // Философские науки. 2017. № 9. С. 98–117.
2. Вигилант М. Первородная дискриминация. URL: <https://insolarance.com/firstborn-discrimination/> (дата обращения: 04.11.2022).
3. Деррида Ж., Марион Ж. Л. Дискуссия о «Даре» // Логос. 2011. № 3. С. 144–172.
4. Деррида Ж. Насилие и метафизика // Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 124–249.
5. Деррида Ж. О грамматики. М.: Ad Marginem, 2000. 513 с.
6. Деррида Ж. Эссе об имени. СПб.: Алтейя, 2015. 191 с.
7. Йебоа С. Бодипозитив: почему движению за признание любых форм еще многое предстоит преодолеть. URL: <https://www.vogue.ru/beauty/bodipoziv-pochemu-dvizheniyu-za-priznanie-lyubyh-form-eshe-mnogoe-predstoit-preodolet> (дата обращения: 04.11.2022).
8. Кант И. Метафизика нравов. Введение в метафизику нравов. URL: <https://www.civisbook.ru/> (дата обращения: 04.11.2022).
9. Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
10. Нэгейбауэр Ж. «Твое тело – наше дело»: Что мы знаем о бодишейминге. URL: https://ambivert.club/body_shaming/ (дата обращения: 04.11.2022).
11. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 350 с.
12. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
13. Трушина Т. Л. Презентация тела в современной моде: от гламура к гендерной флюидности // Вестник ЧелГУ. 2018. № 2 (412). С. 74–78.
14. Феконод А. Обоснование этики у Жака Деррида: дис. ... канд. философ. наук. Новосибирск, 2019. 266 с.
15. Хомяков М. Толерантность как парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4. С. 98–112.
16. Яковлева М. В. Мода в гендерной идентичности молодежи цифровой эпохи // Вестник СПбГИК. 2019. № 1 (38). С. 99–102.
17. Belsey C. Desire in theory: Freud, Lacan, Derrida // Textual Practice. 2008. № 7 (3). Pp. 384–411.
18. Caputo J. The Prayers and Tears of Jacques Derrida religion without religion. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 340 p.
19. Caputo J., Derrida J. Deconstruction in a nutshell: a conversation with Jacques Derrida. New York: Fordham University Press, 1997. 208 p.
20. Caputo J., Michael J. God, gift and postmodernism. Bloomington: Indiana University Press, 1999. 321 p.
21. Derrida J. Adieu à Emmanuel Levinas. Paris: Galilée, 1997. 216 p.
22. Derrida J., Defourmantelle A. De L'hospitalité. Paris: Calmann-Lévy, 1997. 142 p.
23. Derrida J. Dire l'événement, est-ce possible? Paris: L'Harmattan, 2001. 113 p.
24. Derrida J. Donner le temps. La fausse monnaie. Paris: Galilée, 1991. 232 p.
25. Derrida J. The Gift of Death. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1995. 115 p.
26. Naas M. Miracle and Machine. Jacques Derrida and the Two Sources of Religion, Science, and the Media. New York: Fordham University Press, 2012. 407 p.

Авторская справка

АРТАМОНОВ Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, г. Саратов, Россия. E-mail: artamonovds@mail.ru
 СКОВРОДКО Александр Денисович, магистрант философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет; сотрудник Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич – СГУ, г. Саратов, Россия. E-mail: skovorodko11182000@mail.ru

UDC 101.1: 316«312»

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.9

MEDIA AND THE PROBLEM OF UNCONDITIONAL ACCEPTANCE IN J. DERRIDA'S INTERPRETATION OF THE ETHICS OF E. LEVINAS

D. S. Artamonov¹, A. D. Skovorodko^{1, 2}

¹*SSU, Saratov (Russia)*

²*Zonal Scientific Library, Saratov (Russia)*

Introduction. Today, the problem of unconditional acceptance is connected with the asserted need to represent as many differences as possible between people who are now free to construct their own identity. In the media (for example, in the fashion industry and the film industry), this leads to increased attention to ensure that approval and recognition can also be received by those who, until recently, did not corresponded the accepted standards of beauty.

Methods. The study is based on a comparative analysis, through which the ethical philosophy of E. Levinas and J. Derrida, dedicated to the acceptance of the Other and which influenced the modern discourse on otherness, will be considered.

Results. Based on the practical philosophy of I. Kant and the ethical thought of E. Levinas, J. Derrida considers that the unconditionally accept of the Other is necessary as a special ethical maxim. Agreeing with Kant that desire should not condition the human will in following the universal laws of morality, Derrida seeks to release acceptance from duty itself. Accepting the Other out of a desire to do so or only out of a sense of duty (the only thing that remains after the refusal of desire) becomes impossible and unacceptable, according to this very duty. In this case, unconditional acceptance forms an impossible figure, being at the same time hardly feasible, but still necessary.

Conclusion. Since desire and any other personal sympathy should not, according to these authors, be the basis for unconditional acceptance, the modern tendency to create an attractive image of the Other, guided by ethical considerations, can be considered as redundant in relation to the very requirement of unconditional acceptance, if we let's consider desirability and attractiveness as a means to fulfill this requirement, and not as an indirect result of following it.

Keywords: Desire, deconstruction, media, fashion, acceptance, ethics.

References

1. Vdovina I.S. The Problem of human reciprocity in modern french philosophy. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2017. V. 9, pp. 98-117. (in Russian).
2. Vigilant M. Pervorodnaja diskriminacija. Available at: <https://insolarance.com/firstborn-discrimination/> (accessed 04. November.2022).
3. Derrida Zh., Marion, Zh.L. Diskussija o «Dare» // Logos. 2011. V. pp. 144-172.
4. Derrida J. *L'écriture et la différence*. Paris, Éditions du Seuil, 1967. 437 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pis'mo i razlichie*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2000. pp. 124-249.).
5. Derrida J. *De la Grammatologie*. Paris, Les Éditions de Minuit, 1967. 450 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *O Grammatologii*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 513 p.).
6. Derrida J. *Essai sur le nom*. Paris, Editions Galilee, 1993. 128 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Jesse ob imeni*. Sankt-Peterburg, ALETEJJa Publ., 2015. 191 p.).
7. Jeboa S. Bodipozitiv: pochemu dvizheniju za priznanie ljubyh form eshhe mnogoe predstoit preodolet'. Available at: <https://www.vogue.ru/beauty/bodipozitiv-pochemu-dvizheniyu-za-priznanie-lyubyh-form-eshe-mnogoe-predstoit-preodolet> (data obrashhenija 04.11.2022).
8. Kant I. Metafizika нравov. Vvedenie v metafiziku нравov. Available at: <https://www.civisbook.ru/> (data obrashhenija: 04.11.2022).

9. Levinas E. Totalité et Infini. La Haye, Martinus Nijhoff, 1961. 284 p. (Russ ed.: Levinas Je. Total'nost' i beskonechnoe. Moscow., Sankt-Peterburg, Universitetskaja kniga Publ, 2000. 416 p.)
10. Njegejbaujer Zh. «Tvoe telo — nashe delo»: Chto my znaem o bodishejminge. Available at: https://ambivert.club/body_shaming/ (data obrashhenija: 04.11.2022).
11. Savchuk V.V. *Mediafilosofija. Pristup real'nosti* [Media Philosophy. Fit of reality]. Sankt-Peterburg, Russkaja hristianskaja gumanitarnaja akademija Publ, 2012. 350 p.
12. Sartre J-P. *L'être et le néant*. Paris, Gallimard, 1943. 687 p. (Russ. ed.: Sartr Zh.P. *Bytie i nitchto*. Moscow, Respublika Publ., 2000. 639 p.).
13. Trushina T.L. Presentation of body in contemporary fashion: from glamour to gendei. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2018, no. 2 (412), pp. 74-78. (in Russian).
14. Fekondo A. Obosnovanie jetiki u Zhaka Derrida [Justification of ethics in Jacques Derrida]. Ph. D. thesis. Novosibirsk, 2019. 266 p.
15. Homjakov M. Toleration: a paradoxical value. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. [The Journal of Sociology and Social Anthropology] 2003. V 4. pp. 98-112. (in Russian).
16. Jakovleva Marija Viktorovna Fashion in digital age youth gender identity. *Vestnik SPbGIK*. [Bulletin of Saint Petersburg State Institute of Culture]. 2019. V 1 (38). pp. 99-102. (in Russian).
17. Belsey C. Desire in theory: Freud, Lacan, Derrida. *Textual Practice*. V 7 (3). 2008. pp. 384-411.
18. Caputo J. The Prayers and tears of Jacques Derrida religion without religion. Bloomington, Indiana University Press, 1997, 340 p.
19. Caputo, J., Derrida, J. Deconstruction in a nutshell: a conversation with Jacques Derrida. New York, Fordham University Press, 1997, 208 p.
20. Caputo J., Michael J. God, gift and postmodernism. Bloomington, Indiana University Press, 1999, 321 p.
21. Derrida J. Adieu à Emmanuel Levinas. Paris, Galilée, 1997, 216 p
22. Derrida J., Defourmantelle A. De L'hospitalité. Paris, Calmann-Lévy, 1997, 142 p.
23. Derrida J. Dire l'événement, est-ce possible? Paris, L'Harmattan, 2001, 113 p.
24. Derrida J. Donner le temps. La fausse monnaie. Paris, Galilée, 1991, 232 p.
25. Derrida J. The Gift of death. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1995, 115 p.
26. Naas M. Miracle and machine. Jacques Derrida and the two sources of religion, Science, and the Media. New York, Fordham University Press, 2012, 407 p.

Author's Bio

ARTAMONOV Denis Sergeevich, PhD in History, associate professor, doctoral student, Department of Theoretical and Social Philosophy, SSU. Saratov, Russia. E-mail: artamonovds@mail.ru
 SKOVORODKO Alexander Denisovich, graduate student, the Faculty of Philosophy Zonal Scientific Library, V. A. Artisevich, SSU, Saratov, Russia. E-mail: skovorodko11182000@mail.ru

Библиографическая ссылка

Артамонов Д. С., Сковородко А. Д. Медиа и проблема безусловного принятия в интерпретации Ж. Деррида этики Э. Левинаса // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 9–18. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.9

УДК 159.923.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.19

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ

К. Э. Бурнашев*Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола (Россия)*

Введение. В данной статье проводится исследование понятия «социальная стандартизация». Рассматривается его соотношение с другим уже укоренившимся понятием социально-гуманитарных наук – «социализация». Анализируются возможные векторы соотношения социальной стандартизации и социализации человека. Выявляется роль личностного начала в процессах социальной стандартизации человека.

Методы. В данном исследовании используется системный подход, позволяющий более полно изучить феномен социальной стандартизации. Этот метод дает возможность сопоставить различные формы социальной стандартизации друг с другом. Также используется метод анализа, дающий возможность заглянуть вглубь социальных стандартов, выявить их сущность и влияние на формирование личности. Метод аналогии позволяет выявить различия и сходства процесса социальной стандартизации и социализации человека.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В основе проводимого исследования лежит гипотеза, согласно которой процесс формирования личности в современном обществе тесно связан с процессом стандартизации. Осуществляется попытка выявить социализирующие и стандартизирующие факторы формирования личности и определить степень их соотношения. Значительное внимание уделяется социальной стандартизации человека в современном обществе.

Заключение. В качестве вывода представленной работы отмечается, что процессы социализации и социальной стандартизации человека могут рассматриваться в различных аспектах формирования личности и по-разному соотноситься между собой.

Ключевые слова: человек, социализация, социальная стандартизация, «массовый человек», «человек-потребитель», «одномерный человек», постфигуративная культура, кофигуративная культура, префигуративная культура.

Введение. Человек – существо общественное. Это утверждение основано на признании факта неразрывной связи индивида и общества. Именно последнее делает из индивида личность, вовлекая в систему социальных отношений и опыта, то есть социализируя. Понятие «социализация» давно получило постоянную прописку в социально-гуманитарных науках. Его активно используют философы, социологи, педагоги и психологи. Такая популярность во многом обуславливается его операциональностью, то есть широтой горизонта применимости.

Понятие «стандартизация» – нечастый гость в публикациях на социально-гуманитарные темы. И это легко объяснимо, ведь человек – существо уникальное, неповторимое. У каждого свой жизненный путь, своя биография. Но уникальность и неповторимость далеко не всегда культивируются – скорее наоборот. Зачастую обществу более желателен человек стандартный. В соответствии с этой рациональностью социализация приобретает характер стандартизации, а общество пре-

вращается в «машину» для «массового производства» индивидов с заранее заданными характеристиками.

Методы исследования. В данном исследовании используется системный подход, позволяющий более полно изучить феномен социальной стандартизации. Этот метод дает возможность сопоставить различные формы социальной стандартизации друг с другом. Также используется метод анализа, дающий возможность заглянуть вглубь социальных стандартов, выявить их сущность и влияние на формирование личности. Метод аналогии позволяет выявить различия и сходства процесса социальной стандартизации и социализации человека.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Для того чтобы ввести новое понятие в язык науки и определить предел его применимости, необходимо первым делом сравнить его с другими уже укоренившимися понятиями. Следуя научному принципу определять незнакомое через знакомое, уже известное, определим стандартизацию через социализацию.

Просматривается как минимум три вектора, в направлении которых возможно осуществить соотнесение этих двух понятий. Во-первых, это противопоставление социализации и стандартизации как двух диаметрально противоположных процессов. Во-вторых, включение стандартизации в процесс социализации как части в целое. В-третьих, рассмотрение стандартизации как определенным образом выполненной социализации.

Противопоставление социализации и стандартизации выглядит весьма логичным. Результатом процесса социализации является личность, а стандартизации – человек, сформированный по некоему заранее заданному образцу и схожий как две капли воды с такими же стандартными индивидами. Несмотря на то что личность, безусловно, обладает социально типическими чертами, она уникальна и самостоятельна. Именно непохожесть в большей степени характеризует личность, нежели ее сходство с другими.

Однообразие, массовость, единомыслие – все это явно противоположно личностному началу, но характерно для человека стандартного. Именно подражание внешним образцам – суть стандартного человека. Его внутренняя активность сведена к минимуму, ибо ее развитие привело бы к возможным противоречиям с внешними образцами и их критическому осмыслению.

Именно такая активность во многом свойственна современному человеку. Как отмечает отечественный мыслитель В. Е. Кемеров, «проблема личности фактически сводится к проблеме подтягивания индивида к имеющимся уже образцам. Его внутренняя активность имеет значение лишь в смысле энергии действия, но не в смысле формы и содержания последнего. Проблема выбора в этих обстоятельствах утрачивает свой собственно культурный смысл. Она связана теперь не столько с творческим усилием личности, сколько с расчетом необходимых шагов для продвижения по структурной решетке внешних стандартов. Выбор оплачивается не творческим усилием, а подчинением тем или иным внешним формам» [2, с. 15].

Личность связана прежде всего с духовным началом, с саморазвитием и самосозиданием. Стандартный человек ориентирован прежде всего на ценности материального мира.

Личностное поведение всегда нестандартно, «личностное действие – это то, для чего не надо указывать никаких причин, что невыводимо из того, как принято в данном обществе, невыводимо и совершилось не потому, что в данной культуре такой навык и так уговорились считать, поступать, делать» [3, с. 9].

Личность, которую мы интуитивно узнаем через личностный поступок, не вытекающий из конкретного, частного (частной системы морали, частной юридической системы), тогда – это личность.

Стандартизация – всегда отчуждение. Отождествляя себя с внешними формами, человек теряет индивидуальность, уподобляется чему-то иному, перестает быть сам себе равным. Утрачивая связь с самим собой, человек перестает быть самостоятельным, становится легко манипулируемым со стороны внешних сил.

Таким образом, стандартизация выглядит как процесс деструктивный, разрушающий человека как целостное, духовное существо, а социализация – как процесс созидательный, в результате которого формируется личность. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что понятием «стандартизация» можно обозначать процессы деструктивного свойства, противоположные социализации. В философской литературе это отражено в понятиях «массовый человек» (Хосе Ортега), «одномерный человек» (Герберт Маркузе), «человек-потребитель» (Эрих Фромм), «средний европеец» (Константин Леонтьев) и т. п.

Второй вариант осмысления вопроса о соотношении стандартизации и социализации подразумевает, что стандартизация – это неотъемлемая часть процесса социализации. Социализация понимается как нечто наиболее общее, а стандартизация вплетается в ее ткань и проявляет себя в определенные периоды развития человека и общества. Так, известно, что маленькие дети подражают родителям, копируют их поведение, перенимают стандарты общения и действия. Древний человек, как известно, связывал «появление образцов, форм, норм (архетипов) жизни с неким «начальным», «первым» временем. Считалось, что именно тогда мифическими первопредками (демиургами, культурными героями) и были созданы образцы поведения и деятельности человека. Архаический человек своей деятельностью лишь повторяет, воспроизводит эти образцы» [7, с. 54].

Крайне перспективной в данном контексте выглядит концепция межпоколенческих отношений, сформулированная Маргарет Мид, которая основывается на реальном присутствии в обществе трех поколений.

Постфигуративная культура отличается «неосознанностью изменений, успешной передачей из поколения в поколение каждому ребенку неистребимых штампов определенных культурных форм» [5, с. 324].

В условиях кризиса постфигуративной культуры происходит переход к конфигуративной культуре, когда авторитет и право выработки стандартов переходят от старших поколений к поколению сверстников. Причин подобного рода процессов множество: глобальная катастрофа, уничтожающая стариков, развитие новых

форм техники, неизвестных старшим, вслед за переселением в новую страну, революцией и пр.

Стремительное развитие современного общества, прежде всего технологическое, приводит к возникновению префигуративной культуры, в условиях которой уже младшее поколение оказывается в роли наставника и формирует стандарты человека.

Более того, сама молодость может становиться стандартом. Сегодня все хотят быть молодыми, стремятся приобрести качества (внешние, формальные), характерные для молодости. Развивается культ молодости. К таким качествам можно смело отнести: здоровье, спортивность, внешний вид, активность, молодежный жаргон и т. п. Успешный молодой человек становится эталоном, образцом для подражания.

В процессе социализации человек приобщается к многочисленным стандартам, которые вырабатываются различными социальными группами. Так, в семье эти стандарты свои, в школе – свои, а в трудовом коллективе – свои. Как известно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Человек вынужден следовать тем стандартам, которые приняты в социальном целом, если хочет быть принятым им. Желание занять место в социальном пространстве зачастую тоже требует соответствия стандартам, выработанным этим местом. Таким образом, процесс стандартизации сопровождает социализацию, является неотъемлемой его частью.

Перейдем к третьей позиции, в соответствии с которой предполагается рассмотреть стандартизацию как определенным образом выполненную социализацию.

Обратимся к классике теории социализации, одному из первых, кто, собственно говоря, и ввел в научный оборот этот термин, основателю социальной психологии Габриэлю Тарду. Определяя социализацию, Г. Тард писал, что «благодаря подражанию происходит распространение нововведений, и одновременно благодаря этому же механизму население Европы превратилось в издание, набранное одним и тем же шрифтом и выпущенное в нескольких сотнях миллионов экземпляров» [1, с. 194]. Из этого фрагмента текста весьма очевидно следует, что речь идет не о социализации, а скорее, о стандартизации человека путем механизма подражания, который Тард абсолютизировал и считал важнейшим в воспроизводстве социальных отношений.

Как отмечает отечественный исследователь социализации Е. М. Николаева, «анализ источников показывает, что большинство авторов в трактовке понятия «социализация» придерживаются парсонсианской традиции. Теория Т. Парсонса оказала влияние на многих исследователей социализации, из них наиболее известны: Дж. Х. Баллантайн, Э. Мак Нейл, Дж. У. Огбю, Дж. и З. Перри, Р. Дж. Хэвигхерст. Они и многие другие, исследуя социализацию, одни более явно, другие менее, рассматривают ее как субъект-объектный процесс... Он дает одномерное представление о связи личности и общества: личность предстает как персонифицированный образ, экземпляр социальных и культурных стандартов общества» [6, с. 58].

В современном контексте проблема формирования личности под влиянием процессов социализации и социальной стандартизации особенно актуальна. Человеку, посредством масс-медиа навязываются стандарты потребительской культуры. Усилению этого процесса способствует глобализация, тиражирующая их на все мировое сообщество. Эта «мягкая» или «гибкая» стандартизация приводит к тому, что человек сам подгоняет себя под определенный потребительский стандарт в соответствии с возможностями и социальным положением. Формирование личности подменяется копированием соответствующих образцов потребления. На смену индивидуальности личности приходит индивидуализм, на смену креативной критической личности – бифуркационный человек [11; 12]. Особое значение приобретает мода – основанное на подражании групповое поведение, ориентированное на сконструированный образец.

Таким образом, важнейшей задачей современного общества, если оно хочет сохранить гуманистическую культуру и личностное начало в человеке, является выработка особых стандартов человека, противоположных потребительским, стандартов, основанных на традиционных ценностях, подлинных человеческих чувствах и критическом мышлении. Большую роль в этом играет становление новой теории общества, востребованность которой неизменно возрастает соразмерно тенденциям возрастающего социального хаоса [13].

Заключение. В качестве вывода констатируем, что целесообразно выделить три основных вектора, в направлении которых возможно осуществить соотнесение социализации и социальной стандартизации. Во-первых, противопоставление социализации и стандартизации как двух диаметрально противоположных процессов. Во-вторых, включение стандартизации в процесс социализации как части в целое. В-третьих, рассмотрение стандартизации как определенным образом выполненной социализации.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что понятие «стандартизация человека» весьма операционально и обладает значительным исследовательским потенциалом. Правда, горизонт его использования еще предстоит определить, что мы и пытаемся делать в наших работах [14].

Список литературы

1. Западно-Европейская социология XIX - начала XX веков // отв. ред. В. И. Добренко. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996. 520 с.
2. Кемеров Е. В. Историзм культуры // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы Всероссийской конференции. Екатеринбург, 1994. 124 с.
3. Мамардашвили М. К. Философия и личность // Выступление на методологическом семинаре сектора философских проблем психологии Института психологии РАН 3 марта 1977 года. М., 1994. № 5.
4. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс: Культура, 1992. 414 с.
5. Мид М. Культура и мир детства: Избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; сост., авт. послесл. и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1988. 429 с.

6. Николаева Е. М. Социализация личности как проблема социальной синергетики: дис. ... д-ра философ. наук. Казань, 2006.
7. Финогентов В. Н. Социально-исторические регуляторы человеческих отношений // Духовность и культура. Алгоритмы культуры: материалы Всероссийской конференции. Екатеринбург, 1994. 124 с.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. М., Прогресс, 1990. 269 с.
9. Фромм Э. Человек для себя: исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.
10. Хейзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Азбука, 2018. 396 с.
11. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // SocioTime / Социальное время. 2016. № 2. С. 71–81.
12. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // SocioTime / Социальное время. 2015. № 3. С. 48–57.
13. Шалаев В. П. Становление новой теории общества на путях становления нового мира // SocioTime / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 39–47.
14. Шалаев В. П., Бурнашев К. Э., Шалаева С. Л. Социальные стандарты человека в практике межпоколенных отношений в обществе потребления // SocioTime / Социальное время. 2018. № 4. С. 50–63.

Авторская справка

БУРНАШЕВ Константин Эдуардович – кандидат философских наук, доцент, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: burnashevke@mail.ru

UDC 159.923.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.19

PERSONALITY FORMATION IN THE ASPECT OF SOCIAL STANDARDIZATION THEORY

K. E. Burnashev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. This article explores the concept of social standardization. It is considered its correlation with another already established concept of social and humanitarian sciences - socialization. The possible vectors of correlation of social standardization and human socialization are analyzed. Reveals the role of personal principle in the processes of social standardization of man.

Methods. This study uses a systematic approach, allowing a more complete study of the phenomenon of social standardization. This method makes it possible to compare different forms of social standardization with each other. The same method of analysis is used, which makes it possible to look into the depth of social standards, to reveal their essence and influence on the formation of personality. The method of analogy allows to reveal differences and similarities of the process of social standardization and human socialization.

Results. The basis of the study is the hypothesis according to which the process of identity formation in modern society is connected with the process of standardization. An attempt is made to identify socializing and standardizing factors of personality formation, to determine the degree of their correlation. Considerable attention is paid to the social standardization of the person in modern society.

Conclusion. As a conclusion of the presented work it is noted that the processes of socialization and social standardization of a person can be considered in different aspects of personality formation and differently correlate with each other.

Keywords: man, socialization, social standardization, "mass man", "consumer man", "one-dimensional man", post-figurative culture, co-figurative culture, pre-figurative culture.

References

1. West-European Sociology of the 19th - Early 20th Centuries. Editor V.I. Dobrenkov. M., 1996.
2. Kemerov E.V. Historicism of Culture // Spirituality and Culture. Algorithms of Culture: Materials of All-Russian Conference. Culture. Materials of the All-Russian Conference. Ekaterinburg, 1994.
3. M.K. Mamardashvili., Philosophy and Personality, / / Speech at the methodological seminar of the philosophical problems of psychology of the Institute of Psychology of RAN, March 3, 1977, M., 1994. №5.
4. M. K. Mamardashvili. How I Understand Philosophy. M., 1989.
5. Mead M. Culture and the World of Childhood. M., 1988.
6. Nikolaeva E.M. Personal socialization as a problem of social synergetics. D. thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Kazan, 2006.
7. Finogentov V.N. Social-historical regulators of human relations // Spirituality and culture. Algorithms of Culture: Materials of the All-Russian Conference. Yekaterinburg, 1994.
8. Fromm E. Escape from Freedom. Moscow, Progress, 1990. - 269 p.
9. Fromm. E. Man for himself: A study of psychological problems of ethics. Minsk: Collegium, 1992. - 253 p.
10. Heisinga, Johan. Homo ludens. Man playing. St. Petersburg: Azbuka, 2018. - 396, p.
11. Shalaev V.P. Bifurkacionny'j chelovek v global'nom obshchestve potrebleniya [Bifurcation man in the global consumer society] // Socio Time/Social'noe vremya.-2016.-N2.-P.71-81.
12. Shalaev V.P. Ostorozhno, mutaciya: chelovek i obshchestvo pered vy'zovami globalizacii, zapadofikacii i potrebleniya: protivorechiya narastayut [Caution, mutation: man and society facing the challenges of globalization, Westernization and consumption: contradictions are growing] // Socio Time / Social'noe vremya.-2015.-N3.- P. 48-57.
13. Shalaev V.P. Stanovlenie novoj teorii obshchestva na putyax stanovleniya novogo mira [The formation of a new theory of society on the ways of the formation of a new world] // Socio Time/Social'noe vremya.-2022.-N4 (32).- P. 39-47.
14. Shalaev V.P., Burnashev K.E., Shalaeva S.L. Social'ny'e standarty' cheloveka v praktike mezhpokolenny'x otnoshenij v obshchestve potrebleniya [Human social standards in the practice of intergenerational relations in consumer society] // SocioTime/ Social'noe vremya.- 2018.- № 4.- P. 50-63.

Author's bio

BURNASHEV Konstantin Eduardovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: burnashevke@mail.ru

Библиографическая ссылка

Бурнашев К. Э. Формирование личности в аспекте теории социальной стандартизации // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 19–25. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.19

УДК 796

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.26

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПО КНИГАМ И. СЕМЕЦКИ

С. Н. Гавров, А. С. Бунтякова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва (Россия)

Введение. В статье проводится рассмотрение философско-культурологического дискурса, изложенного в публикациях профессора Колумбийского университета И. Семецки, связанных с культурой и образованием, поиском домодерных практик, способствующих их ревитализации.

Методы. В данном исследовании используется метафизический метод при рассмотрении культуры в премодерне, модерне и постмодерне. Также рассматривается методика ридингов Таро для построения нарратива исследования и поиска технологичных домодерных практик. С целью выстраивания доказательной базы по анализируемому вопросу, а затем и поиску решений, используется рационалистический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Поддержание научного комьюнити требует рефлексии в отношении работ наших коллег. В работах И. Семецки затрагиваются важные аспекты соотношения современного, постмодерного и домодерного, рассматриваются возможность, технологичность, эффективность домодерных практик, их идейный контекст. Нами рассматриваются также процесс секуляризации западной культуры, потеря трансцендентного контекста, а соответственно, глубины. Речь идет о возможности и общественной востребованности ревитализации и ресимволизации культуры и образования. В этом могут помочь практики, восходящие к домодерной эпохе, рассматривается возможность их включения в сферу гуманитарного знания.

Заключение. Анализ русскоязычных публикаций И. Семецки позволил рассмотреть домодерные практики ревитализации культуры.

Ключевые слова: культура, ревитализация, ресимволизация, современный, постмодерный, домодерный, образование, игра, Таро, И. Семецки, К. Г. Юнг.

Введение

Секуляризация, активно развернувшаяся в ареале западной цивилизации в эпоху модерна [1] и продолжившаяся в эпоху постмодерна, привела к потере традиционной для премодерна глубины культуры, ее трансцендентного контекста. Утрата смысложизненных и культурных смыслов вызвала ощущение пустоты, настойчивое ощущение того, что, по словам Ф. Ницше, «Бог умер» (нем. Gott ist tot или Gott starb) – фраза из его книги «Веселая наука» (нем. «Die fröhliche Wissenschaft») [9], тема, развернутая затем в рамках постмодернистской философии. Констатация этого европейского умозрения означала не только освобождение, но и упрощение человека и культуры, регресс и инволюцию в отношении премодерна, его идейной и мировоззренческой сферы.

Но культура сопротивляется упрощению, создавая волшебные миры, заполняя возникшую всеобъемлющую пустоту «мира без Бога» подручными средствами, идеями и практиками, берущими начало в премодерне. Сегодня мы видим масштабное возвращение, точнее, современную реконструкцию пантеизма, расцветают многочисленные течения Нью-эйдж (англ. New Age – «новая эра»), находя свое выражение в культуре, а затем становясь объектом научных рефлексий. Недаром такое

массовое распространение получили, например, литературный жанр фэнтези и одновременный упадок позитивистской, по своим идейным основаниям, научной фантастики. Это подручные средства, ситуативное волшебство альтернатив техногенной западной цивилизации, которыми заполняется пустота безбожественного бытия секулярного Запада.

Эта незакрываемая, важная для человека, культуры, гуманитарных наук потребность в восстановлении глубины бытия, смысложизненных и трансцендентных культурных контекстов приводит к новому осмыслению и научной интеграции различных домодерных идей и практик. Этот процесс вызывает у авторов научный интерес и человеческое любопытство.

Методы исследования

В методологических вопросах мы обращаемся к компаративному анализу модерных и постмодерных идейных представлений, с одной стороны, и домодерных представлений и практик – с другой. Мы обращаемся к длительному историческому процессу модернизации [1], включающему в себя процесс секуляризации культуры. Важное значение в этом контексте имеет обращение к научному наследию К. Г. Юнга [7; 12; 13], работам Ф. Векслера, совместным работам одного из соавторов И. Семенки.

В прикладном смысле важное значение для нас приобретает нарративный анализ домодерных по своей генеалогии практик, прежде всего практики редингов карт Таро в изложении И. Семенки. Нарративный анализ приложим как к символической системе карт Таро, так, в определенной мере, к истории научного становления и развития ученого И. Семенки.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

И. Семенки – расширяя границы гуманитарного знания

Многогранность, работа в различных сферах, поиск областей пересечения, на первый взгляд, несочетаемого свойственны талантливым философам и культурологам, художникам и поэтам. Чтобы подняться до уровня высокой междисциплинарности, синтеза знаний, полученных в разных научных, художественных сферах, нужен высокий профессиональный, личностный уровень, в предельных случаях характеризующийся определением «на грани гениальности».

Чтобы найти и обосновать с научных позиций область пересечения различных сфер, нужно уникальное сочетание формы и содержания, того, что ты хочешь сказать миру, и уровня профессиональной компетенции, позволяющего оформить сказанное на должном профессиональном уровне. И. Семенки (Semetsky, Inna R. – так в англоязычной транскрипции фамилии автора издаются переводы ее книг в России) имеет степень доктора философских наук Колумбийского университета (Нью-Йорк). Ее список аффилиаций с университетами мира впечатляет: Melbourne Institute of Technology, The University of Waikato, University of Vic, New York State, Instituto de Estudios Fiscales, Örebro University, The University of Newcastle, Australia, Department Faculty of Education and Arts Columbia University, Department Teachers College Monash University (Australia), Department Faculty of Education Teachers College.

И. Семенки – автор многочисленных научных работ по философии образования, семиотике, философии культуры. Наукометрическая система Scopus, например, на начало 2023 г. показывает 323 работы автора с 15 пунктами h-index.

Соотнести в одной статье с таким корпусом текстов практически невозможно, и мы сознательно ограничились переводами ее книг, вышедших в России. Это монографии «Ресимволизация самости: герменевтика Таро и человеческое развитие» (Re-Symbolization of the Self: Human Development and Tarot Hermeneutic) [10], изданная в 2017 г., и «Эдусемиотика образов: очерки по искусству и науке Таро» (The Edusemiotics of Images: Essays on the art~science of Tarot) [11], изданная в 2021 г.

Здесь мы обращаемся к междисциплинарности, о которой говорили вначале, и ревитализации культуры – процессу обретения (возвращения) смыслов. Что не так со смыслами в современной культуре? Проблема здесь в том, что длительный, многовековой, идущий по меньшей мере от Р. Декарта процесс секуляризации [1] подточил западную культуру, освободил ее от трансцендентной глубины бытия. Это утрата витальности затем дополнилась сухостью позитивистского подхода. В глубинном смысле процесс секуляризации – это скорее инволюция, а не эволюция, запустившая длительный процесс унификации, упрощения и чуть ли не умирания культуры [3]. В домодерную эпоху она была более глубокой, витальной, учитывающей трансцендентные контексты.

С этим исторически длительным, набравшим значительную инерцию процессом не совсем понятно, что делать. Точнее, что можно сделать в противоход, как оживить культуру или, по крайней мере, затормозить инволюционные процессы в ней? И. Семенки разделяет убежденность Векслера в том, что нынешняя эпоха постмодерна требует пересмотра традиций теории, интерпретации и понимания пре-модерна, особенно в ключе следования «традиции нью-эйджа [путем] открытия резервуара культурных ресурсов традиционного, религиозного осмысления... в мистическом, экспериментальном и духовном аспектах» [7; 6].

Вслед за И. Семенки мы полагаем, что в ряду практик, лежащих в русле такого традиционного осмысления, лежат практики ридингов карт Таро. При всем бесконечно индивидуальном пространстве вариантов, свойственных феноменальному пространству человеческого бытия, есть ограниченное количество базовых вариантов, повторяющихся, воспроизводящихся во времени. Они архетипичны, обращаются к коллективному бессознательному, «мировой душе», по К. Г. Юнгу. Но мы не можем установить прямой, осознанный контакт с архетипами в бессознательном. Здесь нужен проводник, посредник, и карты Таро представляют собой кодированную систему знаков, которые позволяют установить эту связь, включить ее в сферу сознания. Ридинги способствуют тому, что мы начинаем понимать смысл этих знаков, учитывать их существование, особенно в ситуациях выбора, постепенно прорабатываем пространство повторяющихся жизненных ситуаций, имеющих архетипическую основу.

Ридинги позволяют в образной, наиболее компактной форме проработать пространство вариантов жизни, имеющих архетипические корни. Эта многовариант-

ность раскладов Таро, в том числе в отношении одного и того же человека в течение ограниченного временного интервала, когда новые события еще не произошли, отчасти снимает вопрос об инвариативном характере послания Таро, хотя здесь все совсем не просто.

Мы сознательно идем на некоторое утилитарное упрощение метавселенной Таро, не акцентируя на ее трансцендентных измерениях. В ней присутствует интерактив, но источник получаемой информации можно трактовать в широком диапазоне, верхние регистры которого требуют отдельного обращения в рамках философско-культурологического дискурса. Метавселенная Таро вобрала в себя элементы гнозиса, культурного и религиозного наследия Древнего Египта, на нем отблеск имени Гермеса Трисмегистра (*греч.* Ἑρμῆς ο Τρισμέγιστος – «Гермес Трижды величайший»; лат. Mercurius ter Maximus). Это неполный список гностистического контекста Таро. Сложно судить об исторической достоверности этого культурного контекста, регионов и персоналий древней истории и мифологии. Говоря современным языком маркетинга, важно, что все это стало символической частью бренда Таро, помогает его продвижению на рынке домодерных практик.

Возможность проигрывать вероятные будущие варианты жизни, с учетом уже пройденного пути, с многовариантными прогнозами в отношении субъекта в моментальном срезе бытия, постепенно научает его воспринимать пространство смысло-жизненных вариантов в индивидуализированной, личностной форме. Это своеобразный симулятор, позволяющий в наглядной, образной форме осознать вариативность будущего, при необходимости провести реинтерпретацию и новое осмысление прошлого. Что касается вариативности будущего, то, как в русских сказках, где герой оказывался перед дорожным столбом с указателем «Налево, направо, прямо пойдешь...». Только здесь вариативность раскладов, означающих пространство жизненных вариантов, неизмеримо больше.

Но куда большую трансформацию испытывает не вопрошающий ответов на личные жизненные вопросы, но оператор ридингов. Его глубинный архетипический уровень раскрывается благодаря постоянному процессу коммуникации с архетипическими образами Таро, развитию эмпатии в отношении людей и мира, творчеству создания уникальных личностных прочтений раскладов карт и их интерпретаций. В процессе создания бесчисленного числа новых миров есть элемент демиургии – развивающаяся сила творца в работе с творением.

Образная форма карт Таро хороша для передачи и восприятия компактной и интуитивно понятной информации. Образная форма обращения в данном случае лучше, чем текст, ведь основную часть информации мы получаем через зрительный канал восприятия. В домодерном обществе и в большую часть эпохи модерна эта особенность передачи информации посредством карт Таро, с учетом малого распространения грамотности, имела ощутимое преимущество.

В контексте сказанного история, символизм и ридинги карт Таро вполне достойны научного осмысления. В еще большей степени это относится к их архетипической основе, способной быть управляющим контуром в отношении социального поведения (англ. behaviour).

Согласно И. Семецки, герменевтика Таро представляет собой процесс прочтения и интерпретации неявных схем, включенных в образы арканов и до поры сокрытых бессознательным; именно чтения, опирающиеся на интуитивный способ восприятия выпавших раскладов, способны проявить их, делая явными и интегрируя в сознание [10, с. 42].

Семецки обратилась к практикам ридинга как методологии, имеющей практическое применение и научное осмысление в рамках проекта, проводимого в 1992–1994 гг. под эгидой Калифорнийского Центра бихевиоральных исследований, в рамках магистерской программы в области консультаций по вопросам брака, семьи и развития человека при колледже Пасифик Оукс в Пасадене. Практика трансформировалась в работающую методологию, затем в ряде работ И. Семецки и других авторов получила междисциплинарный научный контекст и обоснование, системную включенность в психологический, культурологический, образовательный дискурсы.

Глубокое философское осмысление феномена метавселенной Таро, видимо, еще впереди.

Заключение

Нарративный анализ. На пути к самости – идя через пространство арканов

Практика использования карт Таро имеет выраженное историческое измерение, ее возникновение относится к домодерной эпохе. Так, колода из семидесяти карт хранится в Национальной библиотеке Франции и относится к 1392 г. Карты Таро, вне зависимости от вида колоды и автора, построены на символах. Для нарративного анализа мы обращаемся к символизму универсальной колоды Райдера-Уэйта, которая считается наиболее простой в освоении и довольно полной для решения бытовых проблем и ответов на вопросы, не отличающиеся нестандартностью. Система А. Уэйта используется и в других, более профессиональных и целенаправленных колодах. Уэйтская колода состоит из 78 карт, 56 из которых представляют младшие арканы (масти: Пентакли (или Динарии), Мечи, Жезлы (или Посохи) и Кубки (или Чаши), а 22 – старшие. Младшие арканы подразделяются на ситуационные (номерные) и придворные карты: Короли, Рыцари, Дамы и Пажи всех мастей. Ситуационные представлены картами от Туза до десятки каждой масти.

Считается, что номерные карты обращаются к стихиям Огня, Земли, Воздуха и Воды. Символ Жезла отражает Огонь и оперирует значениями силы, личных ресурсов и будущего; символ Пентакля ссылается на Землю и ключевыми значениями имеет физическое тело и материальные ценности; Меч символизирует стихию Воздуха, и его зона ответственности – знания, интеллект и умственная деятельность; наконец, символ Чаши (стихия Воды) связан с душой, внутренней жизнью, чувствами и эмоциями.

Наиболее интересны старшие арканы, обращающиеся к архетипам. 22 старших аркана описывают путь становления личности, поэтому карты в классической уэйтской колоде объединены определенной смысловой линией, которую, подобно истории или сюжету, можно изучать с помощью проведения нарративного анализа.

Они начинаются с нулевого аркана – Шута, представляющего архетипы ребенка, души и героя. Шут предупреждает о чем-то новом: о перекрестке жизненных дорог, о необходимости принять решение, которое приведет к радикальным переменам, об импульсивных поступках. Карта имеет свойство раскрываться в двух смыслах: указывая либо на человека-идеалиста, обладающего желанием стать взрослым и мудрым, либо, напротив, на человека, приобретшего по окончании трудного пути спокойствие и отстраненность – когда жизнь стала понятна и человек поворачивает себя в сторону нового этапа. Однако подробно обращаться к описанию всех старших арканов мы не будем, ограничившись началом и концом пути, символизируемых 0 и 21 арканами.

Пройдя сквозь чистилище арканов в символической вселенной Таро, мы доходим до двадцать первого аркана Мир, награждающего за старания, труды и упорство. Карта говорит о достигнутых с успехом целях и символизирует полное, глубокое понимание себя и мира вокруг, достижение самости. Аркан Мир проявляет самость, свидетельствуя о принятии тени и локализации эго, о новой, достигнутой в результате изменений гармонии. К. Г. Юнг считал достижение самости сложным, а то и невозможным, поскольку это идеальный архетип. И. Семенецки полагает возможным достижение самости, ее ревитализацию и ресимволизацию, как высшую точку на пути позитивного (идеального) варианта развития современного человека [10]. Итак, позитивное развитие нарратива карт Таро приводит к формированию самости. Таро в существующих культурных практиках играет значительную роль в процессе самоформирования или выстраивания человеческой субъективности, становясь методом ресимволизации самости в используемой И. Семенецки терминологии Ф. Векслера, введшего понятие ресимволизации как сосредоточенной на «коллективной символической либо культурной деятельности», призывавшего к «ревитализации культуры» [10, с. 6].

Список литературы

1. Gavrov S., Klyukanov I. Modernization, Sociological Theories of International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition, Vol 15. Oxford: Elsevier, 2015. Pp. 707–713. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.32094-3
2. Semetsky I., Gavrov S. Values, edusemiotics, and intercultural dialogue: From Russia with questions // Semiotica. Journal of the International Association for Semiotic Studies / Revue de l'Association Internationale de Sémiotique. De Gruyter Mouton. Berlin, 2016. № 212. Pp. 111–127. DOI: 10.1515/sem-2016-0127
3. Гавров С. Н. Защищая европейскую культуру. Андрей Пелипенко: ученый, художник, мистик // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20, № 1-2 (97-98). С. 317–320. DOI: 10.30936/1606-951X-2018-20-1-2-317-320
4. Гавров С. Н. Остернизация Запада и новая европейская идентичность // Управленческое консультирование. Санкт-Петербург, 2009. № 2 (34). С. 72–80.
5. Гавров С. Н., Никандров Н. Д. Образование в процессе социализации личности // Вестник университета Российской академии образования. 2008. № 5 (43). С. 21–30.
6. Гавров С. Н., Семенецки И. Философия образования: ценности, эдусемиотика и межкультурный диалог // SocioTime / Социальное время. 2021. № 2. С. 16–36. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.16
7. Кереньи К., Юнг К. Введение в сущность мифологии // Душа и миф. М.: Совершенство, 1997. С. 11–210.

8. Кругман А. Симона Вейль, свидетельствующая о себе / пер. с нем. М. Бента. Челябинск: Аркаим, 2003. 320 с.
9. Ницше Ф. Весёлая наука / пер. с нем. М. Коренева, С. Степанов, В. Топоров. М.: Азбука. 352 с.
10. Семенко И. Ресимволизация самости: герменевтика Таро и человеческое развитие. М.: Касталия, 2017. 266 с.
11. Семенко И. Эдусемиотика образов: очерки по искусству и науке Таро. М.: Касталия, 2021. 418 с.
12. Юнг К. Алхимия снов / пер. с нем. СПб.: Timothy, 1997. 352 с.
13. Юнг К. Концепция коллективного бессознательного // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / под общ. ред. С. Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1997. С. 337–346.

Авторская справка

ГАВРОВ Сергей Назипович – профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. E-mail: SNGavrov@fa.ru

БУНТЯКОВА Анна Сергеевна – студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. E-mail: buntyakova@gmail.com

UDC 796

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.26

REVITALIZATION OF CULTURE: PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL REFLECTION ON THE BOOKS OF I. SEMETSKI

S. N. Gavrov, A. S. Buntyakova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Introduction. The article examines the philosophical and cultural discourse presented in the publications of Columbia University professor I. Semetsky, related to culture and education, the search for pre-modern practices that contribute to their revitalization.

Methods. This study uses a metaphysical method when considering culture in premodern, modern and postmodern. It also considers the method of tarot readings to build a research narrative and search for technological pre-modern practices. In order to build an evidence base on the issue being analyzed, and then to search for solutions, a rationalistic method is used.

Results. Maintaining the scientific community requires reflection on the work of our colleagues. In the works of I. Semetsky, important aspects of the relationship between modern, postmodern and premodern are touched upon, the possibility, manufacturability, effectiveness of premodern practices are considered, their ideological context is considered. We also consider the process of secularization of Western culture, the loss of the transcendent context, and, accordingly, the depth. We are talking about the possibility and social demand for revitalization and re-symbolization of culture and education. This can be helped by practices dating back to the pre-modern era, the possibility of their inclusion in the sphere of humanitarian knowledge is being considered.

Conclusion. The analysis of Russian-language publications by I. Semetsky made it possible to consider pre-modern practices of culture revitalization.

Keywords: culture, revitalization, resymbolization, modern, postmodern, premodern, education, game, tarot, I. Semetsky, K.G. Jung.

References

1. Gavrov S., Klyukanov, I. Modernization, Sociological Theories of International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition, Vol 15. – Oxford: Elsevier, 2015. – pp. 707–713. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.32094-3
2. Semetsky I., Gavrov S. Values, edusemiotics, and intercultural dialogue: From Russia with questions // Semiotica. Journal of the International Association for Semiotic Studies / Revue de l'Association Internationale de Sémiotique. De Gruyter Mouton. - Berlin, 2016. No. 212. – P. 111–127. DOI: 10.1515/sem-2016-0127
3. Gavrov S.N. Protecting European culture. Andrei Pelipenko: scientist, artist, mystic // Personality. Culture. Society. 2018. V. 20. No. 1-2 (97-98). – S. 317-320. DOI: 10.30936/1606-951X-2018-20-1/2-317-320
4. Gavrov S.N. Ostermization of the West and the New European Identity // Management Consulting. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg). 2009. No. 2 (34). – S. 72-80.
5. Gavrov S.N., Nikandrov N.D. Education in the process of personality socialization // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. No. 5 (43). 2008. – S. 21-30.
6. Gavrov S.N., Semetsky I. Philosophy of education: values, edusemiotics and intercultural dialogue // SocioTime / Social time, 2021. No. 2. – P. 16-36. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.16
7. Kerenyi K., Jung K. Introduction to the essence of mythology // Sat. scientific tr. «Soul and Myth». – M.: Perfection, 1997. – S. 11 – 210.
8. Krogman A. Simone Weil testifying about herself / per. with him. M. Benta. – Chelyabinsk: Publishing house «Arkaim», 2003. – 320 p.
9. Nietzsche F. Cheerful Science / Per. with him. M. Koreneva, S. Stepanov, V. Toporov. – M.: ABC. – 352 p.
10. Semetsky I. Resymbolization of the Self: Tarot Hermeneutics and Human Development. – M.: Kastalia, 2017. – 266 p.
11. Semetsky I. Edusemiotics of images: essays on the art and science of Tarro. – M.: Kastalia, 2021. – 418 p.
12. Jung K. Alchemy of dreams / Per. with him. - St. Petersburg: «Timothy», 1997. – 352 p.
13. Jung K. The concept of the collective unconscious // Jung Carl Gustav, von Franz M.L., Henderson J.L., Jacobi I., Yaffe A. Man and his symbols / Under the general. edited by S.N. Sirenko. - M.: Silver threads, 1997. – P. 337-346.

Author's bio

GAVROV Sergey Nazipovich – Professor Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: SNGavrov@fa.ru

BUNTYAKOVA Anna Sergeevna – student Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: buntjakovva@gmail.com

Библиографическая ссылка

Гавров С. Н., Бунтякова А. С. Ревитализация культуры: философско-культурологическая рефлексия по книгам И. Семецки // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 26–33. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.26

УДК 1 17 172 177.9

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.34

ТЕХНОНАУКА КАК ГЕТЕРОГЕННАЯ СЕТЬ НА ПРИМЕРЕ БИОБАНКИНГА

И. Джубатчанова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань (Россия)

Введение. Сегодня происходят серьезные изменения в эпистемологии современной науки. Коллаборация научных разработок и бизнеса становится нормой, которая приводит к коммерциализации результатов научной деятельности. Все это является основанием для развития технoнауки, ядро которой составляют конвергентные технологии (НБИКС).

Методы. В качестве методологического инструментария для изучения понятия «биобанкинг» используется гетерогенная инженерия, которая, в свою очередь, является частным случаем акторно-сетевой теории. Принцип симметрии является основным для данной методологии, который позволяет преодолеть рубеж между человеком и не-человеком для создания бесшовной сети.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Развитие технoнауки, в частности биобанкирования, тесно сопряжено с этическим дискурсом. В этой связи возникает необходимость в биоэтической экспертизе, а также в создании правовых документов, призванных регламентировать работу биобанка и связанных с ним элементов.

Заключение. Гетерогенная инженерия позволяет взглянуть на феномен биобанкинга досконально, в конечном результате можно прийти к выводу, что для решения проблем как биологического, так и информационного характера необходима этическая оценка.

Ключевые слова: технoнаука, акторно-сетевая теория, гетерогенная инженерия, бесшовная сеть, принцип симметрии, биобанкинг.

Введение. С начала 70-х годов прошлого века совместное развитие науки и техники попадает в круг философских вопросов. Акторно-сетевая теория (АСТ) позволяет увидеть элементы системы, составляющие технoнауку (научные исследования, общество, политические и экономические институты, СМИ), а также установить причинно-следственную связь между акторами. Гетерогенная инженерия является одним из вариантов АСТ. В социальных исследованиях технологий системный подход раскрывает ценность объекта, указывает на разнообразные типы связей, что воплощается в концепции гетерогенной сети. У термина «гетерогенная инженерия» отсутствует единое определение, американский историк техники Томас Хьюз определяет это понятие, как связь разрозненных элементов разной степени устойчивости [1]. Британский социолог Джон Ло в своем произведении «Технология и гетерогенная инженерия: случай португальской экспансии» транслирует основные положения гетерогенной инженерии: принцип симметрии, решение конфликтных (ситуаций) путем включения враждебных объектов в систему, образуя бесшовную сеть [2]. Вокруг принципа симметрии существуют разные предрассудки. Одна из наиболее распространенных ошибок заключается в том, что симметрия понимается как требование описывать людей с точки зрения нечеловеков, а нечеловеков – с точки зрения людей [3].

Методы исследования. Опыт португальских мореплавателей показывает, что для успешного продвижения судов в сторону Индии необходимо, во-первых, исключить принцип дифференциации элементов (шхуна, корабль, капитан, груз, природные/ погодные условия и др.) в случае возникновения трудностей с продвижением. Подробное описание мореплавания, с учетом всех элементов пути, объединенных единым контекстом, способствует развитию системы. Во-вторых, необходимо включить в эту сложную систему те проблемные поля, которые возникают при продвижении к Индийскому океану (мыс Бахадор, галеры), в этом состоит одно из отличий от социально-конструктивного метода. Эти два приема создают детализированное представление о проблеме, исключение враждебных элементов происходит путем их поглощения.

Системостроители, создавая гетерогенную сеть, преодолевают дихотомию пользы и вреда акторов путем диссоциации негативных элементов, дальнейшей их трансформации и интеграции в сеть. Структура сети передает ее характер, включая в себя как содействующие силы, так и враждебные. Поэтому говорить, что артефакт хорошо приспособлен к своей среде, – значит говорить, что он составляет часть системы или сети, способной ассимилировать (или обращать вспять) потенциально враждебные внешние силы. Следовательно, можно утверждать, что рассматриваемая сеть относительно стабильна. Кроме того, происходит исключение социальных элементов, как особого рода звеньев, то есть здесь социальные связи получают паритет со всеми остальными артефактами. Системный подход исходит из допущения, что социальное не обладает никакой особой привилегией. В частности, он предполагает, что социальные интересы варьируются, по крайней мере, в определенных границах [4].

Гетерогенная инженерия представляет плоскую онтологию, где каждый объект, каждая единица сама себя определяет, все объекты независимы по отношению друг к другу и равнозначны с онтологической точки зрения. Несмотря на то, что все объекты различны, различны они лишь онтически. Такая ситуация маркируется Брайнтом как демократия объектов. Иными словами, будучи объектами, все они разные, и тем не менее, все они объекты, а значит, равны (в этом смысле тот же субъект – это просто особый тип объектов, не более) [5]. Данное утверждение нивелирует вертикальную иерархичность онтологии, остается только горизонтальная плоскость, на которой расположены люди, планеты, микроскопические организмы, нематериальные объекты под знаком равно. Возможно, иерархичность не исчезает, она переходит внутрь каждого конкретного артефакта.

Гетерогенная система мореплавателей также включает в себя элементы, не имеющие непосредственной связи с остальными артефактами, например навигация, восход солнца – все они носят научный характер, благодаря чему сеть развивается. Пример, связанный с изменением навигации корабля с помощью измерения алтуры (высоты над горизонтом солнца или Полярной звезды) на судне, а также отождествление ее с заданной алтурой порта с целью дальнейшего продвижения по заданной траектории. Нахождение алтуры в астрономии сопровождалось использованием

квадранта и астроблании, благодаря которым возможно получить данные не только по широте, но и информацию о звездах. Португальские мореплаватели использовали астрономические приборы для свободного перемещения в открытом океане. Данное технологическое решение позволило преодолеть мыс Бахадор, который долгое время служил основным препятствием для мореплавателей.

Гетерогенная сеть – это не просто включение всех сопутствующих и влияющих элементов в систему, чтобы появились комплексность и контингентность взаимосвязей объектов, необходимо применить принцип обобщенной симметрии. Суть принципа состоит в применении одного типа объяснения для всех элементов гетерогенной системы. Ф. И. Каллон говорит о необходимости создания единого терминологического словаря для описания природы и общества. Принцип обобщенной симметрии способствует установлению связи неоднородных элементов, тем самым встраивая их в систему [4]. В результате возникает бесшовная сеть, состоящая из гетерогенных элементов. Томас Хьюз в своей концепции больших технологических машин описывает бесшовную сеть как систему, в которой социальные и технические элементы имеют явные причинно-следственные связи [2].

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Биотехнологии являются одним из направлений развития конвергентных технологий (НБИКС), выступают сегодня в авангарде науки. Биологические хранилища служат платформой для развития современной биомедицины и других отраслей, связанных с биотехнологиями, имеющими свое влияние на развитие технауки в целом [6].

Возникшая в современной науке кроссфertilизация (взаимное оплодотворение) научных областей породила новое интеллектуальное пространство, в связи с чем появляется необходимость в создании трансдисциплинарного языка. Термин «биобанк» впервые был использован в 1996 г. в журнале «PubMed». В настоящий момент термин не имеет устоявшегося определения, также в различных странах используются интерпретации, такие как «биодепозитарий», «биологическая коллекция», «медицинские и генетические банки данных», «биотека», «регистр», «база данных» и др. В широком смысле биобанк означает хранение двух типов материала, дополняющих друг друга: биологических образцов и соответствующих им информационных данных [2].

Работа биобанка напоминает бесшовную сеть, где соединяются единым контекстом экономические, технические, научные компоненты. Такая деятельность получила название «биобанкинг». Термин «биобанкинг» в узком смысле – это процесс приобретения и хранения биоматериала, включая все действия, связанные со сбором, подготовкой, сохранением, испытанием, анализом и передачей определенного материала, а также идентичной информации и данных [7].

Характеристики гетерогенной системы биобанкинга проявляются при рассмотрении задач, которые стоят перед биобанком и теми **акторами**, которые задействованы в их решении (далее по тексту жирным шрифтом выделены акторы гетероген-

ной системы биобанка). Для начала биобанку необходимо собрать биологическую коллекцию, полученную от **доноров**, с их согласием на использование **биоматериала** в различных целях, а также обеспечить надлежащее **оборудование** для его хранения. Процесс забора биоматериала также сопровождается получением **анамнеза** о доноре в анонимной форме. В этой связи появляется необходимость в **хранилище информационных данных** большого объема, а также в их систематизации, обработке и аналитике, что осуществляется путем привлечения **специалистов** из сферы информационных технологий. Далее следует ввод в эксплуатацию биобанка. Так как биодепозитарии бывают различные по принципу отбора образцов (популяционные, клинические и банки редких болезней) [6], то и в качестве **пользователей** могут выступать научно-исследовательские лаборатории, фармакологические компании и др. И наконец, ключевой актор (или акторы), который является платформой для надлежащей работы биобанка, – это **финансовые институты**. Финансирование по своему типу бывает частное, государственное и частно-государственное партнерство.

Но, для того чтобы назвать биобанкинг гетерогенной системой, недостаточно перечислить акторов, которые образуют сеть, также необходимо применить принцип обобщенной симметрии, то есть тип объяснения каждого актора должен быть одним и тем же. Тут возникают два момента, требующие прояснения. С одной стороны, принцип обобщенной симметрии, принятый в ANT, означает, что люди и «не-человеки» (nonhumans) внедрены в общую концептуальную схему и определены через способность к действию (actor, astant) [8]. Иными словами, любая акторно-сетевая теория, в частности гетерогенность биобанкинга, нуждается в уравнивании живой и неживой природы. С другой стороны, Сапир писал: «Было бы абсурдно говорить, что человек то выступает как индивид, то является социальным» [9]. Добавляя современный контекст, можно дополнить: «то биологическим существом».

Принцип обобщенной симметрии биобанкинга нуждается в переводе терминов с целью установления связи между биологической и антропосоциальной сферой. В качестве возможного словаря мы предлагаем термины теории самоорганизации. Во-первых, теория самоорганизации, вслед за гетерогенной системой, преследует цель установить связь (соединить) части (акторы) в единое взаимосогласованное целое (система), которое способно проявлять свои эмерджентные качества. Например, биобанк перестал бы являться собой в случае, если биоматериал донора был бы без актора хранения и базы данных. Во-вторых, биобанкинг представляет собой открытую нелинейную систему, которая концентрирует трансдисциплинарность, преодолевая дисциплинарные пределы во благо.

Все элементы биобанкирования связаны с человеком и обществом, следовательно, принцип обобщенной симметрии будет носить биоантропосоциальный характер. Например: донор, биоматериал, обработка анамнеза донора, специалисты, обслуживающие биобанк, пользователи биобанка, бенефициары или заказчик (это могут быть венчурные инвестиционные фонды, государственные предприятия) и, в

конце концов, результаты научных исследований, полученные на основе используемого биоматериала, хранившегося в биодепозитарии [10]. Все перечисленное совокупно носит биологический, антропологический и социальный характер.

Новая открытая система биобанкирования, которая находится в процессе своего становления, сталкивается с проблемными вопросами. Один из главных вопросов, который требует своего разрешения, носит этический характер: отчуждение биоматериала от донора, то есть добровольное анонимное предоставление биоматериала донором для различных целей исследования. Другой вариант – открыть доступ к информации донору в случае, если имеются болезнь, аномалия и др.; также вопрос о праве донора на финансовое поощрение в случае коммерциализации инноваций на основе биоматериала донора. Так как эта проблема относится к биологической сфере деятельности, то, соответственно, биоэтика должна разрешить сложившуюся ситуацию.

Но биобанкинг одновременно является воплощением технонауки, представляет собой сложную гетерогенную систему, в этой связи решение проблемных вопросов требует комплексного подхода. Формально становится очевидно, что разрешение этического вопроса лежит в горизонте биоэтики, однако из-за гетерогенной нагруженности различными акторами, которые не имеют прямого отношения к системе, непредсказуемого характера взаимодействия между элементами системы, ответ перестает быть очевидным.

Биобанки по режиму своей доступности делятся на международные (EuroBioBank), национальные (к примеру, Биобанк Великобритании), региональные, локальные (университетские), частные (принадлежат конкретному проекту) [6], поэтому возникает необходимость в программных документах, которые бы регламентировали взаимодействие биобанков различных уровней с целью содействия друг другу в предоставлении биоматериала заказчикам во благо развития науки. Необходимо определить место биобанка в структуре национальной и наднациональной системы здравоохранения. Здесь мы можем говорить о необходимости появления неочевидного актора – международного этико-правового регулирования. Используя лексику гетерогенной инженерии, можно сказать, что задача международного этико-правового регулирования состоит в том, чтобы описать все виды биобанков по режиму доступности, применяя принцип обобщенной симметрии, тем самым международное законодательство призвано соединить исследователей всего мира с биобанками всего мира.

На сегодняшний день в России, ввиду повышенного интереса к этико-правовым аспектам биомедицинских исследований, были созданы: руководство «Этическая экспертиза биомедицинских исследований» [11]; ГОСТ Р ИСО 20387-2021 «Биотехнология. Биобанкинг. Общие требования»; Национальное руководство по биобанкированию, подготовленное экспертами НАСБИО [12].

Зарубежный законодательный опыт европейских стран указывает на детализацию регламентаций, например, в 2018 г. в гл. 2. § 1 Закона о биобанкинге Бельгии от 10 мая 2015 г. внесены дополнения, предписывающие «изъятие материала челове-

ского тела, которое предназначено исключительно для получения образцов зарегистрированным биобанком». Подробно прописаны должности медицинских работников, которые допускаются к осуществлению соответствующих манипуляций [13]. Следует отметить, что страны Северной Европы в последние годы делают акцент на принципе регулирования работы биобанкинга, т. е. работа осуществляется под национальным контролем и является национальной юрисдикцией. Биобанки стран Северной Европы получили национальный контроль после сложившейся ситуации в 2000 г., когда исландская компания «деКод Дженетикс» (поддержанная американскими инвестиционными компаниями и международной фармацевтической корпорацией «Хоффманн-Ла Рош») выиграла конкурс на право быть основным исполнителем данного проекта. В обмен компания получила на 12 лет эксклюзивное право на коммерческое использование генетической информации, которая будет получена из исследованных образцов крови практически всех исландцев. Данное событие послужило точкой бифуркации для развития биобанкинга в целом, так как использование генетического материала не нуждалось в этическом осмыслении.

На основе проведенных опросов среди работающих в индустрии биобанкирования можно сделать вывод, что часть людей, вовлеченных в биобанкинг, настаивает на идеологической свободе, то есть претендует на право получить полную автономию над хранением и использованием биоматериала [10]. Подобная позиция говорит о возможной передаче контроля над развитием биомедицины от государства в руки самой структуры биобанкинга, в то время как сейчас контроль над развитием науки, в том числе и биомедицины, принадлежит государству с целью защиты национальных интересов своей страны. Позиция ученых, работающих в области биомедицины и ратующих за автономию, восходит к пониманию науки в ее классическом виде. Но технонаука претерпела фундаментальные изменения: стерлись границы между обществом и технологиями. В биомедицине изучение человека перешагнуло рубеж индивидуального тела, исследования проводятся на биоматериале человека, результаты исследований перестают быть достижением просто науки и техники, а имеют социальные эффекты.

Передача контроля над биобанкингом в руки сотрудников биобанка не является возможной, так как современный тип науки представляется как гетерогенная система в силу того, что исследование происходит одновременно с конструированием действительности, из этого следует, что исследовательская деятельность включает в себя политическое и социальное значение [2]. Биобанк как авангард технонауки имеет огромный технологический потенциал к масштабным социальным последствиям, которые будут носить нелинейный характер, например манхэттенский проект. Целью проекта было создание ядерного оружия США, последствия, о масштабе которых никто не подозревал, отразились на всем человечестве.

Следующий момент, который необходимо отразить в рефлексии этических сторон биобанкинга, – это социальная ответственность. В силу того, что развитие биобанков во всем мире происходит неоднородно, отсутствует единый документ, регламентирующий данную работу, а социальная ответственность имеет различную

интерпретацию для разных стран. В развитых странах есть понимание необходимости социальной ответственности в работе с донорами, но отсутствует единый инструментарий, позволяющий сделать обобщение всех случаев донорства (случаи донорства недееспособных людей, людей, болеющих редкими и тяжелыми заболеваниями, душевно больных людей и др.). Осознание необходимости социальной ответственности говорит об уровне развития общества, демонстрирует, что общество видит неоднозначные случаи донорства, воспринимает их как частные ситуации, требующие единого механизма решения, и предпринимает попытки защиты определенного слоя населения с гуманистической позиции [14].

Что касается развивающихся стран, то тут можно говорить об обратном: как с позиции общества, так и со стороны системы биобанкинга отсутствует понимание социальной ответственности. Например, забор биоматериала происходит без соблюдения правил анонимности, отсутствуют защита коммерческих прав, защита информации донора и др. При проведении социологического исследования в ЮАР часть респондентов охарактеризовала анонимизацию как «миф» [10]. Также отсутствие социальной ответственности характеризуется как потенциальная возможность утечки персональных и биологических данных биообразцов. Поскольку на рынке биобанков существует высокая конкуренция, имеет место давление со стороны биобанков, расположенных в странах-лидерах, что создает условия для незаконных действий, снижая тем самым еще больше уровень социальной ответственности.

Биомедицина открыла совершенно новый ресурс для работы биомедицинских наук и технологий, который находит внутри человека. И тут возникает взаимодействие новой природы, так как представителями биомедицины человек до этого рассматривался как организм, а при появлении биобанков происходит переоценка самого человека в биомедицине, приходится принимать тот факт, что человек представляет собой личность со своими правами и интересами. При получении биоматериала от донора возникают риски, связанные с конфиденциальностью личных данных. Эти риски возрастают в связи с развитием информационных технологий, геномики и ряда других наук, в современном мире все труднее развивать науку, не делая личную информацию достоянием общественности [12].

Заключение. Рассматривая гетерогенность технотнауки на примере такой бурно развивающейся отрасли, как биобанкинг, мы наблюдаем, сколько существует нерешенных вопросов, даже в рамках одного проблемного поля как биоэтика. Все эти проблемные вопросы находятся на стыке различных областей знаний, что подчеркивает важность экспертной оценки в рамках развития технотнауки. Благодаря социально-гуманитарным исследованиям, которые проводятся в сотрудничестве с биобанками, исследовательскими биологическими лабораториями и фармакологическими компаниями, на сегодняшний день ряд этих вопросов обозначен и, возможно, найдет логическое решение.

Надеяться на успешный результат позволяет опыт мореходов, внедривших астрономические технологии на корабле в качестве навигационной системы. На наш

взгляд, помимо того, что в данной гетерогенной системе были задействованы акторы, не имеющие прямой связи с мореплаванием (астрономические), так и тот момент, что тут присутствует экспертное мнение, дающее развитие самой системе, трансдисциплинарная экспертиза заключалась у мореплавателей в целенаправленном переносе инструментария одной области знаний в другую. Такие манипуляции происходят в случаях, когда представители разных видов деятельности, обладающие огромным багажом теоретических знаний и богатым эмпирическим опытом, в результате кооперации рожают новые компетенции.

Резюмируя, отметим, что далеко не каждая система, состоящая из неоднородных элементов, может называться гетерогенной системой. Наряду с наличием разнообразных акторов, должен присутствовать принцип обобщенной симметрии, который позволяет гетерогенному организму быть жизнеспособным. Единая позиция ко всем акторам дает возможность продвигаться дальше, наращивать свою мощь и масштабироваться. В современном мире гетерогенные феномены, подобные биобанкингу, выстраиваются вокруг одной бизнес-идеи, конечным результатом которой являются прибыль и контроль. Но, исследуя современные эмпирические данные, можно заметить, что этих двух параметров недостаточно для их дальнейшего развития в масштабах целого мира. Возникает необходимость в поиске более устойчивых мотивационных оснований, которые, возможно, кроются в области этики и морали.

Список литературы

1. Ло Джон. Технология и гетерогенная инженерия: случай португальской экспансии // Логос. 2018. № 5 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-i-geterogennaya-inzheneriya-sluchay-portugalskoy-ekspansii> (дата обращения: 06.11.2022).
2. Широков А. А. Концепция больших технологических систем томаса Хьюза – между технологическим детерминизмом и социальным конструктивизмом // Социология науки и технологий. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-bolshih-tehnologicheskikh-sistem-tomasa-hyuz-a-mezhdu-tehnologicheskim-determinizmom-i-sotsialnym-konstruktivizmom> (дата обращения: 07.11.2022).
3. Collins H. M. (1992). Epistemological Chicken HM Collins and Steven Yearley. In Andrew Pickering (ed.), Science as Practice and Culture. University of Chicago Press. 301 p.
4. Астахов С. С. Странная дихотомия: пространство и время в акторно-сетевой теории // Социология власти. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strannaya-dihotomiya-prostranstvo-i-vremya-v-aktorno-setevoy-teorii> (дата обращения: 07.11.2022).
5. Ветушинский А. С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской // Философия и культура. 2016. № 12. С. 1625–1630. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.12.20796
6. Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 8–21.
7. ГОСТ Р ИСО 20387-2021 Биотехнология. Биобанкинг. Общие требования. М.: Российский институт стандартизации, 2021.
8. Столярова О. Е. Исследования науки и технологии (STS): к истории формирования дисциплины // Социально-гуманитарное знание в современном мире. М.: МЭСИ, 2009. С. 29–42.
9. Sapir E. (1927). Speech as a personality trait. *American Journal of Sociology*, 32, 892–905. URL: <https://doi.org/10.1086/214279>

10. 2019. 04. 001. Технонаука и этос ученого: контуры этики биобанкинга глазами российского научного сообщества (по результатам опроса специалистов в области биомедицины и смежных видов деятельности) / Вархотов Т. А., Аласания К. Ю., Брызгалина Е. В., Гавриленко С. М., Рыжов А. Л., Шкомова Е. М. // *пра́ктика*. 2018. № 4 С. 61–83. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-61-83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-04-001-tehnonauka-i-etos-uchenogo-kontury-etiki-biobankinga-glazami-rossiyskogo-nauchnogo-soobschestva-po-rezultatam-oprosa> (дата обращения: 23.05.2021).

11. Фирсов Д. Е., Мирошников А. Е., Поздняков Н. О. Этическая экспертиза биомедицинских исследований: практические рекомендации. 3-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А. Л. Хохлова // *Медицинская этика*. 2022. Т. 10, № 1. С. 10–13. DOI: 10.24075/medet.2022.038

12. Биобанкирование. Национальное руководство / С. В. Анисимов, Т. М. Ахмеров, О. П. Балановский и др.; Национальная ассоциация биобанков и специалистов по биобанкированию. М.: Изд-во ТРИУМФ, 2022. 308 с.

13. Пржиленский В. И. Биобанкинг в структуре правового регулирования генетических исследований: опыт стран Северной Европы // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2021. № 7 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biobanking-v-strukture-pravovogo-regulirovaniya-geneticheskikh-issledovaniy-opyt-stran-severnoy-evropy> (дата обращения: 10.11.2022).

14. Юдин Б. Г. Сотворение трансчеловека // *Вестник Российской академии наук*. 2007. Т. 77, № 6. С. 520–527.

Авторская справка

ДЖУБАТЧАНОВА Инкар – аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: jubatchanova@gmail.com

UDC 1 17 172 177.9

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.34

TECHNOSCIENCE AS A HETEROGENEOUS NETWORK ON THE EXAMPLE OF BIOBANKING

I. Jubatchanova

Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan (Russia)

Introduction. Serious changes are taking place in the epistemology of modern science today. Collaboration of scientific developments and business is becoming the norm, which leads to the commercialization of the results of scientific activity. All this is the basis for the development of technoscience, the core of which is convergent technologies (NBICS).

Methods. As a methodological tool for studying the concept of biobanking, heterogeneous engineering is used, which in turn is a special case of the actor-network theory. The principle of symmetry is the main one for this methodology, which allows you to overcome the boundary between human and non-human to create a seamless network.

Results. The development of technoscience, in particular biobanking, is closely associated with ethical discourse. In this regard, there is a need for bioethical expertise, as well as the creation of legal documents designed to regulate the work of the biobank and related elements.

Conclusion. Heterogeneous engineering allows you to look at the phenomenon of biobanking thoroughly, as a final result, you can come to the conclusion that an ethical assessment is necessary to solve problems of both a biological and informational nature.

Keywords: technoscience, actor-network theory, heterogeneous engineering, seamless network, symmetry principle, biobanking.

References

1. John Law *Tehnologija i geterogennaja inzhenerija: sluchaj portugal'skoj jekspansii* [Technology and heterogeneous engineering: the case of Portuguese expansion] // *Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos»*. 2018. №5 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-i-geterogennaya-inzheneriya-sluchay-portugalskoy-ekspansii> (data obrashhenija: 06.11.2022).
2. Shirokov Aleksandr Aleksandrovich *Koncepcija bol'shih tehnologicheskikh sistem Tomasa H'juza - mezhdru tehnologicheskim determinizmom i social'nyim konstruktivizmom* [The conception of Large Technological Systems of Thomas Hughes — between a technological determinism and social constructivism] // *Sociologija nauki i tehnologij*. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-bolshih-tehnologicheskikh-sistem-tomasa-hyuza-mezhdru-tehnologicheskim-determinizmom-i-sotsialnym-konstruktivizmom> (data obrashhenija: 07.11.2022).
3. Collins, H. M. (1992). Epistemological Chicken HM Collins and Steven Yearley. In Andrew Pickering (ed.), *Science as Practice and Culture*. University of Chicago Press. 301p.
4. Astakhov S.S. (2017) *Strannaja dihotomija: prostranstvo i vremja v aktorno-setevoy teorii* [Strange Dichotomy: Space and Time in Actor-Network Theory] // *Sociologija vlasti*, 29 (1): pp.59-87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strannaya-dihotomija-prostranstvo-i-vremja-v-aktorno-setevoy-teorii> (data obrashhenija: 07.11.2022).
5. Vetushinskij A.S. *Na puti k simmetrii: kak ontologija stala ploskoj*. [On the way to symmetry: how ontology became flat] // *Filosofija i kul'tura*. - 2016. - № 12. - С. 1625-1630. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.12.20796
6. *Social'no-gumanitarnaja jekspertiza funkcionirovanija nacional'nyh depozitarnykh biomaterialov* [The Social and Humanitarian Expertise of Functioning of the National Depositories of Biomaterials] // *Voprosy filosofii*. – 2016. – № 2. – С. 8-21. – EDN VVNJIH.
7. *Gosudarstvennyj standart ISO 20387— 2021 Biotehnologija BIOBANKING Obshhie trebovanija (ISO 20387:2018, Biotechnology — Biobanking — General requirements for biobanking, IDT)* Izdanie oficial'noe Moscow Rossijskij institut standartizacii 2021
8. Stoljarova O.E. *Issledovanija nauki i tehnologij» (STS): k istorii formirovanija discipliny*. - *Social'no-gumanitarnoe znanie v sovremennom mire*. [Research in Science and Technology (STS): on the history of the formation of the discipline] Moscow: Moskovskij jekonomiko-statisticheskij institut, 2009. S. 29-42.
9. Sapir, E. (1927). Speech as a personality trait. *American Journal of Sociology*, 32, pp. 892–905. <https://doi.org/10.1086/214279>
10. 2019. 04. 001. Techno-science and the scientific ethos: the outlines of ethics of biobanking through the eyes of the Russian scientific community (based on a survey of specialists in the field of biomedicine and related research activities) / Varhotov T. A., Alasaniya K. Ju. , Bryzgalina E. V. , Gavrilenko S. M. , Ryzhov A. L. , Shkomova E. M. // *Praxema*. - 2018. - № 4 - С. 61-83. - doi: 10. 23951/2312-7899-2018-4-61-83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2019-04-001-tehnonauka-i-etos-uchenogo-kontury-etiki-biobankinga-glazami-rossijskogo-nauchnogo-soobshchestva-po-rezultatam-oprosa> (data obrashhenija: 23.05.2021).

11. Firsov, D. E. *Obzor rukovodstva dlja komitetov po jetike "Jeticheskaja jekspertiza biomedicinskih issledovanij: prakticheskie rekomendacii" (tret'e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe) pod obshhej redakciej A.L. Hohlova* [REVIEW OF 'ETHICAL EXAMINATION IN BIOMEDICAL RESEARCH: PRACTICAL CONSIDERATIONS' FOR ETHICS COMMITTEES (THIRD EDITION, REVISED AND ENLARGED) UNDER THE GENERAL EDITORSHIP OF KHOKHLOV A.L.] / D. E. Firsov, A. E. Miroshnikov, N. O. Pozdnjakov // *Medicinskaja jetika*. – 2022. – T. 10. – № 1. – S. 10-13. – DOI 10.24075/medet.2022.038. – EDN OQVZIP

12. *Biobankirovanie. Nacional'noe rukovodstvo* [Biobanking. National leadership] / Anisimov S. V., Ahmerov T. M., Balanovskij O. P. i dr.; Nacional'naja asociacija biobankov i specialistov po biobankirovaniju. – Moscow: obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju «Izdatel'stvo TRIUMF», 2022. – 308 s. – ISBN 978-5-93673-322-2.

13. Przhilenskij V. I. *BIOBANKING V STRUKTURE PRAVOVOGO REGULIROVANIIJa GENETICHESKIH ISSLEDOVANIJ: OPYT STRAN SEVERNOJ EVROPY* [BIOBANKING IN THE STRUCTURE OF LEGAL REGULATION OF GENETIC RESEARCH: EXPERIENCE OF THE NORDIC COUNTRIES] // *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*. 2021. №7 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biobanking-v-strukture-pravovogo-regulirovaniya-geneticheskikh-issledovaniy-opyt-stran-severnoy-evropy> (data obrashhenija: 10.11.2022).

14. B. G. Judin *Sotvorenje transcheloveka* [The Creation of the Transhuman] ("Vestnik Rossijskoj akademii nauk", 2007, tom 77, № 6, pp. 520-527).

Author's Bio

JUBATCHANOVA Inkar – graduate student, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: jubatchanova@gmail.com

Библиографическая ссылка

Джубатчанова И. Технонаука как гетерогенная сеть на примере биобанкинга // *SocioTime / Социальное время*. 2023. № 1 (33). С. 34–44. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.34

УДК 35

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.45

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА МЕНТАЛЬНЫХ ВОЙН

А. А. Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург (Россия)

Введение. Цель исследования – философское осмысление основ ментальных войн, ставших реальностью современного общества, а также выявление их значимости в рамках межгосударственных и междивизиационных противостояний. Ментальные войны являются частью гибридных войн, которые сочетают в себе насильственные и ненасильственные способы борьбы. Современный мир полон угроз и противоречий. С одной стороны, человечество вступило в прорывной век информационно-коммуникационных возможностей и набирающих обороты глобализационных тенденций, с другой – стремится вернуться к первоосновам для обретения собственной идентичности и осознать свое место в истории. Таким образом, ментальные основы, которые желает восстановить общество XXI века, стали ключевым объектом войн современности.

Методы. В контексте данного исследования использовалась методология, основанная на концепции ментальной войны, которая была разработана автором теории «тотальной войны», известным немецким генералом Э. Людендорфом. Помимо этого, были использованы методы анализа, синтеза и системный подход.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Ключевой темой противостояния главных исторических противников – России и западного мира – в XXI веке становится борьба за умы. Ключевой принцип ментальных войн – владеющий умами, владеет миром, поэтому в современном мире важно осознавать, что такое ментальные атаки и как им противостоять. Соответственно, проигравшая ментальную войну сторона конфликта потеряет собственную уникальность, идентичность, суверенитет и независимость.

Заключение. Каждой нации нужна своя собственная идентичность, а универсальные культура и ментальность вырождают ее. Именно поэтому ментальная интервенция и приобрела черты войны, так как она рушит ядро любой нации и, соответственно, встречает яростное сопротивление. Таким образом, актуальность рассмотренной темы позволяет говорить о ее теоретической и практической значимости для науки, образования, законотворческой практики, а также для повышения сопротивляемости ментальным атакам российского общества и каждого его гражданина.

Ключевые слова: менталитет, информационно-психологическая безопасность, общество, человек, войны современности, противостояние.

Введение. Понятие ментальной войны в контексте современной истории стало объектом активных дискуссий в научном сообществе лишь недавно. Согласно публикации в журнале «Арсенал Отечества» за 2021 год, термин «ментальная война» и ее связь с национальным менталитетом получили повышенное внимание после заявления А. М. Ильницкого, советника главы Минобороны России, о западном мировом сообществе, возглавляемом США, и о начале ментальной войны против России, результаты которой будут заметны не сразу [1].

Война представляет собой конфликт между политическими акторами, который проявляется в форме вооруженного противостояния. Однако ментальная война представляет собой новый вид насильственного преобразования человека в его ментальной сфере, где нападающая сторона использует ментальное оружие. В данном случае целью атаки являются душевный склад, образ мышления, духовные установ-

ки, убеждения, мировоззрение объекта нападения, а также общественное сознание в целом, которое воплощается в национальном менталитете.

В современных научных исследованиях ментальные войны занимают важное место. Среди наших соотечественников указанным направлением преимущественно занимаются ученые: Е. В. Долгова, И. Н. Караваев, М. А. Кривко, А. В. Кутищев, Ю. А. Никитин, Е. А. Поправко, М. В. Салтыкова и другие. Они изучают как теорию ментальных войн, так и их практическую реализацию в условиях существующей российской действительности. А зарубежная наука, изучая ментальные войны в контексте борьбы за идеи и мировоззрение, исследует их под руководством таких ученых, как А. Баруди, Дж. Уилт, М. Л. Хаас, Р. Шифтер, М. Юань, Р. Янсонс и многих других.

Цель исследования – философское осмысление основ ментальных войн, ставших реальностью современного общества, а также выявление их значимости в рамках межгосударственных и межкультурных противостояний.

Задачи: рассмотреть ментальные войны как главную, набирающую популярность тенденцию войн современности с теоретической и практической сторон, а также изучить способы противостояния ментальной агрессии внутреннего и внешнего врагов.

Научная проблема настоящего исследования заключается в возникновении конфликтного поля при соприкосновении эпох и их возможностей. С одной стороны, человечество вступило в прорывной век информационно-коммуникационных возможностей и набирающих обороты глобализационных тенденций, с другой – стремится вернуться к первоосновам для обретения собственной идентичности и осознать свое место в истории. Таким образом, ментальные основы, которые желает восстановить общество XXI века, стали ключевым объектом войн современности.

Методы исследования. В контексте данного исследования использовалась методология, основанная на концепции ментальной войны, которая была разработана автором теории тотальной войны, известным немецким генералом Э. Людендорфом [2]. В своих начинаниях он проводил полный анализ новой реальности и выделил ее в зону тотальной войны. Исследователь полагал, что монолитность идеологической целостности нации может быть уничтожена нарушением частной закрытости ее гражданского сообщества, а также обязательными действиями, негативно влияющими на душевный пласт в рамках культуры народа (согласно представлениям нашего столетия). Помимо этого, были использованы методы анализа, синтеза и системный подход.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Любая этносоциокультурная общность, пребывая в стремлении сохранить личность своего существования, репродуцирует свое традиционное, ценностное и культурное наследие, корни которого уходят за пределы исторической линии развития, осуществляя наследование конструктивных элементов потомству [3]. Универсальность данного метода выражается в его благотворном влиянии на самодифференциацию и национальную психическую природу, также он является наиболее эффективным и принципиальным в плане сохранения и поддержания идентичности этноса.

Ментальные войны являются частью гибридных войн, которые стали неотъемлемым элементом войн современности. Ментальное противоборство представляет собой одно из успешных направлений современных конфликтов. Ученые в рамках философских исследований стремятся к осмыслению феномена войны в целом, а также в рамках этого вопроса – к осмыслению ментальных войн. Они приходят к выводу, что для урегулирования нарастающих противоречий одних только дипломатических усилий недостаточно, для этих целей еще необходимо привлекать возможности культуры [4, с. 46]. При этом насилие по-прежнему является главной характерной чертой войны, однако сам термин «насилие» приобрел более широкое содержание. Так, в современном научно-философском дискурсе понятие «война» становится объемнее: содержание войны XXI века «вышло за пределы сфер материальных и физических (государство, вооруженные силы, географическая среда) в виртуальную область – информационную и когнитивную. Воздействие оказывается не только и не столько на «физическую оболочку» субъектов войны (личности, армии, государства), сколько на сферу духовную, психологическую и ментальную» [5, с. 32].

Ментальная война, как метод воздействия на сознание соперника, нередко направлена на подрыв суверенитета, искажение самоидентификации и порицание исторической памяти оппонента с целью оказания внешнего влияния на него. Историк А. В. Кутищев в своих исследованиях отмечает, что между войной «по-европейски» и войной «по-русски» длительное время существует колоссальная разница, которая, на наш взгляд, имеет место и в настоящее время. Так, война в западноевропейском понимании – это профессиональная утилитарная деятельность. Для русской традиции характерны иные качества, здесь война воспринимается как ментальное испытание, как посягательство на вечные ценности, война символизирует боль, страдания, духовные переживания [6, с. 95]. Именно поэтому в XXI веке для России, которая обладает собственной идентичностью, ментальностью и культурной уникальностью, ментальные войны представляют особую опасность. Непокоренность и непокорность в ментальных войнах оказываются под серьезным ударом, а устойчивость этих характеристик национального российского менталитета гарантирует России и ее народу независимость и сохранность как самостоятельного игрока на международной арене и в мировой истории.

Причины начала ментальной войны со стороны Запада, возглавляемого США, против России связаны с тем, что последняя выступает противником профессионального продолжения колониальной политики в сфере мирового влияния, предоставления глобальной программы нового мирового порядка и глобальной программы частно-государственного сотрудничества, в которой государственные учреждения должны быть приватизированы в пользу транснациональных корпораций. Россия выступает против такого сценария, так как в случае его реализации частная собственность, семья, государство, духовность, человеческая, гуманная, социальная сущность должны стать второстепенными по отношению к обширным программам эксизма, экологизма, трансгендерности, трансгуманизма.

В современном западном мире происходит интенсивное изучение и внедрение проектов, направленных в будущее. Среди них наиболее известны инклюзивный капитализм, эксизм и экосистемы [7; 8; 9; 10; 11]. Объективный процесс глобализа-

ции 2.0 действительно находится на переходном этапе, когда формируются новые властные структуры. Однако на данный момент не ясна дальнейшая судьба данных проектов. Реализация концепции нового мирового порядка в России тормозится ее исторической миссией, культурой и национальным менталитетом.

В настоящее время происходит противодействие гегемонистским стремлениям Соединенных Штатов со стороны различных политических сил. Некоторые из этих сил представлены государствами Ближнего Востока, которые не разделяют основных концепций американцев в области международной безопасности [12]. И даже те, кто является особым политическим актором (например, «Аль-Каида» – запрещенная в России террористическая организация), все чаще заявляют о губительном воздействии на общество политики, которую насильно навязывает американизм [13].

Ментальность – это широкая область, которая включает в себя образ мыслей, уровень мышления, склад характера и душевность. Национальный менталитет – это базовый элемент общественного и индивидуального сознания, который состоит из сознательных и подсознательных способов восприятия мира. Он воплощает в себе духовные установки, интеллектуальные, умственные предпочтения и наклонности социума и его представителей. Менталитет позволяет им воспринимать окружающую действительность и управлять своим поведением и социальным развитием. Важно подчеркнуть роль ценностных установок, культурных особенностей, склада ума и мировоззрения в этом процессе.

В современном обществе наблюдается значительное влияние на ментальную сферу, осуществляемое в условиях использования киберпространства, информационных технологий и информационных потоков, включая ложную информацию. Воздействие на менталитет, особенно в среде молодежи, происходит также через попытки заменить чуждыми ценностями идеалы нации-мишени. Среди таких навязываемых ценностей можно отметить рациональность, прагматизм, конформизм, индивидуализм и односторонний либерализм. Среди методов ментального воздействия используются формальные логические операции, такие как логика убеждения, а также применяются «грязные» технологии, включая «Окно Овертона» [14]. Активное расширение нетократии и наличие киберспециалистов, изучающих методы информационного влияния на массовые, общественные и индивидуальные уровни сознания, создает сильное информационное оружие против общего противника. Поэтому для противодействия необходима активная мобилизация сил в целях поиска средств защиты.

Основной целью ментальной войны являются изменение и искажение самосознания российского народа, включая национальный менталитет, с целью подрыва его единства и способности объединяться в борьбе против общего противника. Этому способствует активно развивающаяся на Западе русофобия, которая находит проявления в различных областях международной коммуникации, таких как культура, искусство, спорт и прочее. Важно отметить, что Соединенные Штаты Америки уделяют много внимания разработке эффективных механизмов ведения ментальной войны с Российской Федерацией [15].

Философия ментальной войны позволяет проникнуть в основы этого явления, а также выявить степень влияния, которое оно оказывает на общество XXI века (как

российское, так и мировое). О важности ментального здоровья и благополучия в настоящее время известно из многих научных исследований, и не только медицинских. Социальные науки также ориентируются на то, что процветание нации во многом зависит от устойчивой ментальности, благодаря которой народ государства-мишени способен выстоять в условиях ментальных атак [16].

В нынешних обстоятельствах необходимо рассмотреть характер ментального оружия, применяемого Западом, и выделить объекты, которые подвергаются его воздействию ради достижения стратегических целей. Следует отметить, что список таких объектов продолжает расширяться, а, пожалуй, самой уязвимой областью является сфера социальных отношений, обладающая возрастающим значением в условиях современных геополитических противоречий [17].

В рамках настоящей публикации хотелось бы прояснить, что объектами ментальной войны являются, с одной стороны, национальный менталитет, разумный способ мышления, рациональное познание и общественное сознание, а с другой – самосознание личности. Ментальная война воздействует на ментальное информационное поле, где присутствуют сферы чувств, эмоций, настроений, увлечений, предрасположенностей, потребностей, зависимостей, поведения, психологического типа, духовного настроя и духовных запросов с целью оккупации всего духовного пространства личности.

Общественное сознание формируется в сфере воспитания, образования, просвещения и культуры. В ментальной войне, соответственно, они являются важными объектами влияния и преобразования на долгосрочной основе. В условиях цифровой цивилизации в рамках ментальной войны использование информационных кампаний имеет большое значение, так как они призваны перезагружать информационную сферу в нужном идеологическом направлении. Это может включать в себя изменение поля новостей, знаний, фактов и сведений, подбор художественных фильмов, телешоу, выставление на первый план в социальных сетях роликов, несущих негативную информацию, вызывающую страх. Все вышеперечисленные методы направлены на ментальное противоборство, вектор которого задается соперником.

В контексте ментальной войны, осуществляемой обществом, государством и даже отдельными индивидами, необходимо обращаться к таким инструментам, как информация, знания и методы воздействия на психические и мировоззренческие аспекты отдельных граждан и всего общества в целом. Изменение национального менталитета ориентируется на проверенные методы, в числе которых наиболее значимыми являются моральное дезориентирование и деградация ценностей. Подобные меры могут быть рассмотрены как допустимые при обращении к провокации в отношении национальной идентичности, поскольку суть национального менталитета заключается в убеждениях и духовных ценностях, которые присущи обществу в целом и индивидам в отдельности. Пассионарность, важная составляющая национального менталитета, является неотъемлемой для гармоничного функционирования общества и для определения его жизнеспособности. В России, как и во многих других странах, этот фактор выступает важным условием консолидации нации в периоды экстремальных событий, например во время войны.

Важное место в философских исследованиях на тему ментальных войн занимает изучение причин их возникновения. Существует множество теорий и предпо-

жений на этот счет, в рамках настоящей статьи они будут объединены некой собирательной категорией «ментальная несовместимость» [18]. Действительно, долгий путь развития человечества показал в настоящее время, насколько ментально и культурно разными являются представители различных стран и народностей. И если раньше изучение и осмысление самой сути традиционных и культурных особенностей и уникальностей иных народностей считалось (и являлось в реальности) взаимопроникновением культур, диалогом, налаживанием контактов, международной дружбой, то в XXI веке эти действия становятся оружием ментальных войн (цель – проникнуть в глубины национального характера, чтобы разгадать, подчинить и уничтожить).

Инструментарий и технологии ментальной войны состоят из четырех ключевых элементов:

информационная составляющая включает в себя методы использования разнообразной информации, внесистемной по своей природе;

когнитивная составляющая, в свою очередь, описывает давление на чувственную форму познания и использование интеллектуального, формально-логического, аналитического познания;

психоэмоциональная составляющая предполагает использование психологических переживаний со стороны противника, таких как стыд, совесть, страх, ненависть и др.;

духовная составляющая ментальной войны воздействует на волю и веру целевой аудитории, а также на уровень иррациональности ее мышления и поведения.

Методология проведения ментальной войны имеет свою специфику, основным элементом которой является стратегическое планирование. Так, в своей работе «Империя Правды – против Империи Лжи» А. М. Ильницкий отмечает: «Ведется ментальная война, направленная на информационное поле, сферу чувств, эмоций и настроений с целью осуществления оккупации нашего духовного пространства. В рамках ментальной войны выделяются три уровня реализации:

- *тактический* – информационные кампании (дни, недели, месяцы);
- *оперативный* – когнитивные операции (недели, месяцы, год);
- *стратегический* – психологическая война (годы, десятилетия)» [19].

Один из методов осуществления ментальной войны заключается в намеренном подавлении объективной информации и нападении на существующие научные знания, прежде всего на исторические данные, которые подвергаются критике и дискредитации, а действительные факты заменяются ложными и специально созданными «новыми знаниями». Огромный объем учебно-методической, научной и педагогической работы проводится в школах в течение многих десятилетий с целью лишения граждан гордости за свою историю, разрушения знаний и понимания уникальности великого богатства культурного наследия своей страны.

Информационное оружие, направленное на ликвидацию особенностей национального характера россиян, нацелено на изъятие исторически и культурно сформировавшихся черт, включая единство, быструю способность к объединению, интернациональность, многонациональность, многоконфессиональность, антиколониальность, дружелюбие, щедрость, особую гостеприимность, стремление к социальной справедливости и правде, любовь к Отечеству, патриотизм, презрение к предатель-

ству и готовность к героизму и подвигу. В сфере формирования ментальных установок имеется скрытый метод давления, который заключается в удалении из образовательных программ литературных произведений, чтение которых способствует развитию уважительного и особенного отношения к истории героизма.

Одним из первоочередных методов ведения ментальной войны является информационный гипноз. Его основная цель – внушение определенных идей, направленных на борьбу с отдельными чертами национального менталитета, неугодных противнику. Этот метод реализуется посредством информационных атак на православно-христианскую церковь, традиционно основывающую свою духовную практику на ценностях, которые сохраняют истинно нравственный порядок жизни. Также осуществляется подмена истинных знаний ложными, внешне привлекательными, но в действительности обманчивыми и не соответствующими реальности. Наконец, применение метода гипнотического внушения, стремящегося вызвать презрение к своей стране, ее истории, привлечь внимание к реальным неудачам в разных отраслях и сферах жизни, позволяет усугубить имеющиеся недостатки.

С целью достижения изменения национального менталитета российского народа применяются разнообразные информационные каналы, способствующие вызову страха при представлении будущего своей страны. В арсенале подобной ментальной атаки имеются и обещания получения западного образования, которое преподносится как более качественное, и пропаганда англосаксонского мира, как более привлекательного и развитого по сравнению с российским. Информационная атака устремлена на все невыгодные врагу идеи, такие как единство перед лицом войны, сплочение вокруг лидера, мобилизация всех сил своего народа на войну и привлечение их к солидарным действиям. Запад, развязав ментальную войну, стремится вытравить из российского национального менталитета эти ценные качества.

Войны истощают духовный потенциал человечества, именно поэтому в XXI веке актуальность приобретают философско-антропологические концепции. Обращение к ним позволит людям по всему миру обрести новые смыслы в настоящей реальности, которые были практически утеряны [20]. Тем самым разрешить проблему ментальных войн с точки зрения современной философии можно с помощью обращения ко всеобщей философской культуре. По нашему мнению, человечество на данном этапе своего развития не готово к такому шагу, ведь все предпринятые попытки в этом направлении приобретали форму «вестернизации», навязывания и поглощения. Напротив, государствам, которым важно сохранить себя и собственную идентичность, необходимо продолжать путь укрепления собственной ментальности и уникальности, создавая новые методы противоборства на полях ментальных сражений. То есть нужно укреплять национальные ментальные основы, при этом уважая иные культуры и их ценности и не допуская попыток интервенции.

Современный проект мироустройства вынужден включать в себя огромное количество технологических и инновационных изменений в биосферу и социальный порядок, которые серьезно угрожают уникальным традиционным ценностям России. Этот проект мировой перестройки, в свою очередь, лишает Россию права на сохранение духовных ценностей для всего человечества и пытается изменить ход истории. Он заменяет гуманистические принципы на, скорее, антигуманистические, например, перенаправление энергии жизни человека и науки на поиск бессмертия и

«приближение» эры «совершенного человека». Кроме того, этот проект многие общепринятые ценности, такие как право на суверенитет и национальную свободу, превращает в устаревшие понятия, а традиционные семейные ценности заменяет новыми, абсурдными концепциями ЛГБТ-сообщества. Однако Россия остается верной своим традиционным ценностям и готова бороться за их будущее.

В настоящее время можно наблюдать энергичное проявление западной агрессии против русской цивилизации, которая справедливо рассматривается как экзистенциальный враг и противник противоестественных антигуманных замыслов. В задачи Соединенных Штатов Америки и их сателлитов входит полное уничтожение русского народа в онтологическом смысле, а также освобождение от нашей цивилизации всего мира со всеми ее культурно-историческими принципами, национальным менталитетом и уникальным кодом поведения. Осуществление этой цели предполагает удаление нашего государства из мирового исторического и ментального пространства и ликвидацию независимой России, которая становится помехой на пути установления нового колониального порядка в мире, опирающегося на наднациональные структуры власти и управления. Национальный менталитет России видится как фактор, затрудняющий окончательную победу Запада, который нацелен на лишение нашего государства субъектной позиции, которая препятствует навязыванию колониального места в международной системе и уступкам геополитического лидерства в Евразии.

По нашему мнению, на современную философию возлагается колоссальная ответственность в вопросах осмысления ментальности и ментальных войн. По мнению философа К. В. Деревянко, философия и сама всегда была ареной ментальных войн [21]. К сожалению, как сообщает ученый, не всякий исследователь стремится к поиску истинного знания. Например, такое отношение к осмыслению реальности стало характерным признаком всей украинской философии, которая сосредоточилась на основной идее о том, что русский мир является воплощением абсолютного зла. При этом К. В. Деревянко сокрушается, что представители современной украинской философии не знают, что и как строить, они только знают, что необходимо ломать — русский мир.

Действительно, отсутствие направления развития является серьезной проблемой современной философии, ведь она призвана не только осмыслить проблемы с помощью дискуссий, но и предложить определенные пути решения сложившейся проблемы. По нашему мнению, философия XXI века должна в первую очередь начать с осуждения агрессии и навязывания, далее следует осознать свою идентичность и, наконец, идентичность Другого. При этом взаимоуважение и отказ от культурной экспансии (элемента ментальных войн) должны стать основой данного пути. А пока нации не достигли такого высокого и разумного уровня межнационального общения, необходимо выстраивать надежные линии обороны в условиях ментальных ударов.

Крайне сложной является задача выявления направленности и противодействия актам ментальной войны. Здесь выделяются следующие факторы: нарастающая интенсивность, всеохватывающий характер поражения, преобладание экономического влияния в общественных сферах и инерционность сознания. Вышеназванные факторы приводят к заблуждениям, отказ от которых в последующем затруднителен.

С целью оказания ментального воздействия на Россию США осуществляют глобальную информационно-технологическую работу. Стоит отметить, что данный вид войны требует серьезных усилий как со стороны нападающего, так и со стороны обороняющегося актора. Одновременно США вносят хаос в систему мировой безопасности, дискредитируют международное право, монополизируют глобальное информационное и киберпространство и вмешиваются во внутренние дела суверенных государств.

В контексте событий XXI века необходимо отметить, что война за территорию и ресурсы России, вероятнее всего, будет продолжаться и иметь характер борьбы за овладение умами, волей и мировоззрением как отдельных граждан, так и всего общества страны. Противник, осуществляющий данную атаку, будет оперировать технологиями внутреннего подрыва, различными методами вмешательства в национальный менталитет России и нацеленностью на ущемление ее культурного кода и искоренение внутренних духовных связей. Данные стратегические цели в рамках культурно-исторического контекста приписываются историческому противнику России.

Ключевыми объектами ментальной битвы являются глава государства, нынешний Президент Российской Федерации В. В. Путин, весь институт президентства в целом, Православная Церковь, Вооруженные Силы России, а также все силовые структуры и ведомства. Следует также отметить, что молодежь, как наиболее восприимчивая и ментально неустойчивая социальная группа, представляет собой уязвимый и более подверженный дестабилизации объект ментальной войны, чем остальные слои общества.

Цель информационной атаки заключается в дискредитации вышеупомянутых объектов и, соответственно, ослаблении позиций России в мировом сообществе. Исходя из идеологических теорий Лео Штрауса, который призывал управлять обществом с помощью «благородной лжи» и «конструктивного хаоса», можно отметить, что постепенно утверждается внебалансовая политика США, основанная на фундаментальной лжи и хаосе. В таких условиях Россия активно вступает в поединок конкурентной борьбы с внешним врагом на ментальном поле, строя свою социальную политику на основе последней редакции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 года.

Обязательной предпосылкой формирования информационно-коммуникационных платформ в Российской Федерации, которые объединяются на идеологических и современных технологических основах, является производство и продвижение контента, пронизанного консервативно-патриотическим духом. Кроме того, важными характеристиками производимой и продвигаемой инфо-продукции являются ее технологичность и актуальность. Платформы должны обладать возможностью создания и предоставления всего спектра значимых информационных продуктов, включая ТВ, «Стрим-ТВ», специализированные социальные сервисы и сети Telegram-каналов, а также традиционные носители информации, среди которых печатные издания и радио.

Заключение. В современном мире возник новый вызов для международной безопасности – ментальные войны, которые, несмотря на их объявление еще в нача-

ле прошлого века, достигли нового уровня опасности в XXI столетии благодаря современным достижениям высоких технологий.

Для того чтобы преодолеть сложности, с которыми сталкивается современное общество, необходимо обратить внимание на опасности, связанные с потенциальной угрозой завладения противником умами людей. В таких условиях прибегать к методам информационно-психолого-ментальной борьбы представляется насущным условием. Только такие меры могут позволить смягчить ментальную агрессию как внутренних, так и внешних врагов. Лишь единые и слаженные действия в этом направлении могут способствовать установлению и поддержанию высокого уровня ментальной безопасности в современной России. Благодаря этому возникает единое информационное пространство, осуществляется консолидация общества и государства и обеспечивается безопасное функционирование ментальной и информационной сфер в целом. Это также позволяет повысить осознанность населения и уровень его ценностей и духовно-нравственных идеалов. Таким образом, успех в ментальной войне предполагает обеспечение информационно-психолого-ментальной безопасности внутри государства.

При этом стремление современной философии объединить весь цивилизованный мир на началах всеобщей мировой философии, предполагающей создание единой, универсальной ментальности, является преждевременным (возможно, даже и вовсе не уместным). Каждой нации нужна своя собственная идентичность, а универсальные культура и ментальность вырождают ее. Именно поэтому ментальная интервенция и приобрела черты войны, так как встречает яростное сопротивление. Таким образом, актуальность рассмотренной темы позволяет говорить о ее теоретической и практической значимости для науки, образования, законотворческой практики, а также для повышения сопротивляемости ментальным атакам российского общества и каждого его гражданина в отдельности.

Список литературы

1. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
2. Ludendorf E. Der Total Krieg. Munchen: Ludendorffs Verlag, 1935. 130 s. URL: <https://archive.org/details/erich-ludendorff-dertotale-krieg-1935-130-s.-scan-fraktur> (дата обращения: 28.05.2023).
3. Nygren A. Struggle over meanings: Reconstruction of indigenous mythology, cultural identity, and social representation // Ethnohistory. 1998. Vol. 45, iss. 1. Pp. 31–63.
4. Кривко М. А. Война XXI века: гибридная, информационная или «новая холодная»? К вопросу об использовании терминов // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 46–51.
5. Богданов С. А., Чекинов С. Г. Эволюция сущности и содержания понятия «война» в XXI столетии // Военная мысль. 2017. № 1. С. 30–43.
6. Кутищев А. В. Образ войны в культуре Нового времени // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2016. № 1 (29). С. 94–105.
7. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 136 с.
8. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset // Forum Publishing. 2020. 262 p.
9. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power. New York: Public Affairs, 2019. 704 p.
10. Ларина Е. Общество доступа или экзизм // Livejournal [сайт]. 28.01.2020. URL: <https://zavtra-den-tv.livejournal.com/723766.html> (дата обращения: 28.05.2023).
11. Чернов В. А. Экосистемные изменения структуры социально-экономических отношений // Мир новой экономики. 2022. № 16 (3). С. 113–124.

12. Haas M. L. The Clash of Ideologies: Middle Eastern Politics and American Security. Oxford University Press, 2012. 464 p.
13. Mendelsohn B. Al Qaeda and Global Governance: When Ideology Clashes With Political Expediency // Terrorism and Political Violence. 2014. Vol. 26, iss. 3. Pp. 470–487.
14. Бабаев А., Нурбеян Э. Происхождение теории «Окно Овертона» // INTEGRAL: Международный журнал прикладных наук и технологий. 2018. № 2. С. 18–21.
15. McCulloch C., Watts S. Evaluating the Effectiveness of Public Communication Campaigns and Their Implications for Strategic Competition with Russia. Santa Monica: RAND, 2021. 20 p. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA412-2.html (дата обращения: 28.05.2023).
16. Ростовцев В. Н., Терехович Т. И. Ментальность и здоровье // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. 2022. № 18. С. 70–80.
17. Никитин Ю. А., Поправко Е. А. Ментальные войны XX-XXI вв.: терминология, основные стратегии, практика применения // Вестник адъюнкта. 2021. № 3. URL: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/311-mentalnye-voyny-khkh-xxi-vv-terminologiya-osnovnye-strategii-praktika-primeneniya> (дата обращения: 28.05.2023).
18. Полищук Н. В. Воспитание духовного космически-ориентированного человека будущего (философско-образовательный аспект) // Философия образования. 2014. № 6 (57). С. 11–20.
19. Ильницкий А. М. Империя Правды – против Империи Лжи // Арсенал Отечества. 2022. № 4 (60) [Сайт Андрея Ильницкого]. 07.09.2022. URL: <https://amicable.ru/news/2022/09/07/20001/aktualnaya-povestka-mentalnoy-voiny/> (дата обращения: 28.05.2023).
20. Меджидова Н. Компаративный анализ современных философско-антропологических концепций // Metafizika. 2022. Т. 5, № 20-4. С. 22–37.
21. Деревянко К. В. Ментальные войны в современной украинской философии // Антропос: логос и теос. 2023. № 9. С. 21–32.

Авторская справка

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

UDC 35

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.45

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF MENTAL WARS

A. A. Kovalev

North-Western Institute of Management - branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg (Russia)

Introduction. The purpose of the study is a philosophical understanding of the foundations of mental wars that have become a reality of modern society, as well as identifying their significance in the framework of interstate and intercivilizational confrontations. Mental wars are part of "hybrid wars" that combine violent and non-violent ways of fighting. The modern world is full of threats and contradictions. On the one hand, humanity has entered a breakthrough age of information and communication opportunities and growing globalization trends; on the other hand, it seeks to return to the fundamental principles in order to acquire its own identity and realize its place in history. Thus, the mental foundations that the society of the 21st century wants to restore have become a key object of modern wars.

Methods. In the context of this study, a methodology was used based on the concept of mental warfare, which was developed by the author of the "total war" theory, the famous German general E. Ludendorff. In addition, methods of analysis, synthesis and a systematic approach were used.

Results. The key theme of the confrontation between the main historical opponents - Russia and the Western world - in the 21st century is the struggle for minds. The key principle of mental wars is that the one who owns the minds owns the world, therefore in the modern world it is important to be aware of what mental attacks are and how to counter them. Accordingly, the side of the conflict that lost the mental war will lose its own uniqueness, identity, sovereignty and independence.

Conclusion. Each nation needs its own identity, and universal culture and mentality degenerate it. That is why mental intervention has acquired the features of war, since it destroys the core of any nation and, accordingly, meets fierce resistance. Thus, the relevance of the considered topic allows us to speak about its theoretical and practical significance for science, education, law-making practice, as well as for increasing the resistance to mental attacks of Russian society and each of its citizens.

Key words: mentality, information and psychological security, society, man, modern wars, confrontation.

References

1. Il'nickij A.M. Mental'naja vojna Rossii [Mental war of Russia]. *Voennaja mysl'*, 2021, no. 8, pp. 19-33.
2. Ludendorf E. Der Total Krieg [The Total War]. Munchen: Ludendorffs Verlag, 1935. 130 p. available at: <https://archive.org/details/erich-ludendorff-dertotale-krieg-1935-130-s-scan-fraktur> (accessed 28 May 2023)
3. Nygren A. Struggle over meanings: Reconstruction of indigenous mythology, cultural identity, and social representation. *Ethnohistory*, 1998, vol. 45, pp. 31-63.
4. Krivko M.A. Vojna XXI veka: gibridnaja, informacionnaja ili «novaja holodnaja»? K voprosu ob ispol'zovanii terminov [War of the 21st century: hybrid, information or "new cold"? To the question of the use of terms]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2019, no. 3 (20), pp. 46-51.
5. Bogdanov S.A., Chekinov S.G. Jevoljucija sushhnosti i sodержanija ponjatija «vojna» v XXI stoletii [The evolution of the essence and content of the concept of "war" in the XXI century]. *Voennaja mysl'*, 2017, no. 1, pp. 30-43.
6. Kutishhev A.V. Obraz vojny v kul'ture Novogo vremeni [The image of war in the culture of modern times]. *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshhenija*, 2016, no. 1 (29), pp. 94-105.
7. Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revolyucija [The fourth industrial revolution]. Moscow, izd-vo «Jeksno», 2016, 136 p.
8. Schwab K., Malleret T. *COVID-19: The Great Reset*. Forum Publishing, 2020, 262 p.
9. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs, 2019, 704 p.
10. Larina E. *Obshhestvo dostupa ili jeksizm* [Access society or exism] available at: <https://zavtra-dentv.livejournal.com/723766.html> (accessed 28 May 2023)
11. Chernov V.A. Jekosistemnye izmenenija struktury social'no-jekonomicheskikh otnoshenij [Ecosystem changes in the structure of socio-economic relations]. *Mir novoj jekonomiki*, 2022, no. 16(3), pp. 113-124.
12. Haas M.L. *The Clash of Ideologies: Middle Eastern Politics and American Security*. Oxford University Press, 2012, 464 p.
13. Mendelsohn B. *Al Qaeda and Global Governance: When Ideology Clashes With Political Expediency*. Terrorism and Political Violence, 2014, vol. 26, Issue 3, pp. 470-487.
14. Babaev A., Nurbekjan Je. Proishozhdenie teorii «okno Overtona» [The origin of the theory "Overton window"]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tehnologij «Integral»*, 2018, no. 2, pp. 18-21.
15. McCulloch C., Watts S. Evaluating the Effectiveness of Public Communication Campaigns and Their Implications for Strategic Competition with Russia. Santa Monica: RAND, 2021. 20 p. available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA412-2.html (accessed 28 May 2023)

16. Rostovcev V.N., Terehovich T.I. Mental'nost' i zdorov'e [Mentality and health]. *Social'no-psihologicheskie problemy mental'nosti / mentaliteta*, 2022, no. 18, pp. 70-80.

17. Nikitin Ju.A., Popravko E.A. Mental'nye vojny XX-XXI vv.: terminologija, osnovnye strategii, praktika primeneniya [Mental wars of the XX-XXI centuries: terminology, basic strategies, practice of application]. *Vestnik ad#junkta*. 2021. № 3. available at: <https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/arkhiv-vypuskov/8-vestnik/311-mentalnye-vojny-khkh-xxi-vv-terminologiya-osnovnye-strategii-praktika-primeneniya> (accessed 28 May 2023).

18. Polishhuk N.V. Vospitanie duhovnogo kosmicheski-orientirovannogo cheloveka budushhego (filosofsko-obrazovatel'nyj aspekt) [Education of a spiritual space-oriented person of the future (philosophical and educational aspect)]. *Filosofija obrazovaniya*, 2014, no. 6 (57), pp. 11-20.

19. Il'nickij A.M. Imperija Pravdy – protiv Imperii Lzhi [The Empire of Truth versus the Empire of Lies]. *Arsenal Otechestva*, 2022, no. (60). available at: <https://amicable.ru/news/2022/09/07/20001/aktualnaya-povestka-mentalnoy-vojny/> (accessed 28 May 2023)

20. Medzhidova N. Komparativnyj analiz sovremennyh filosofsko-antropologicheskikh koncepcij [Comparative analysis of modern philosophical and anthropological concepts]. *Metafizika*, 2022, Vol 5, no. 20-4, pp. 22-37.

21. Derevjanko K.V. Mental'nye vojny v sovremennoj ukrainskoj filosofii [Mental wars in modern Ukrainian philosophy]. *Antropos: logos i teos*, 2023, no. 9, pp. 21-32.

Author's Bio

KOVALEV Andrey Andreevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Библиографическая ссылка

Ковалев А. А. Философско-антропологический подход к осмыслению феномена ментальных войн // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 45–57. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.45

UDC 141.201

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.58

LINGUISTIC PECULIARITIES OF NATIONAL WORLDIMAGES AND THEIR SIGNIFICANCE FOR PHILOSOPHIC AND SEMIOTIC ANALYSIS OF HISTORICAL NARRATIONS

O. V. Larina

Kolomna branch of Moscow Polytechnic University, Kolomna (Russia)

Introduction. This article reveals the essence and results of the author's research of philosophic and semi-otic analysis of historical narrations in cross-cultural communication. It is connected to the history and its key role in perception of the past. History also comes as a basic tool in national consciousness forming. Some scientists believe it not to be the key factor of cross-cultural communication studying, while others express conflicting views paying special attention to this idea in historical narrations analysis. Thus, the aim of the article is to show the way it is done and to reveal the mechanisms of this inevitable process to explain the difference of two contradictory versions.

Methods. As the conceptual methods of research the author of the article uses the basic semiotic approaches revealing the sign essence of the event studied, making the rules of signs organization and their combination (syntactics), establishing meaningful contents of signs (semantics) as well as finding the conditions which cause different sign situations (pragmatics).

Results. The research is made on two narrations describing the same historical event. The analysis is based on the national peculiarities of Russian and American linguistic world images. These two cultures were chosen to illustrate their seemingly unbiased interpretations of the same historical event (the murder of the thirty-fifth president of the United States) recorded in the books written in their authors' original languages. The analysis also concerns philosophic and semiotic characteristics of these authentic texts paying special attention to their cross-cultural aspects.

Conclusion. According to the present research (both theoretical and practical) the application of semiotic approaches in philosophical studying of historical narrations allows to find and to analyse the basic elements of the historical texts. Special attention is paid to their role, function and semantic contents keeping the limits of the general conceptual worldview and taking into account the languages describing it. This research is not ultimate when using philosophical and semiotic approaches for historical texts studying.

Keywords: linguistic world image, cross-cultural communication, philosophic and semiotic analysis, conceptual worldview.

Introduction. History has long been used to legitimize power, to prove noble origin and to find a common language between different social and national communities or to confirm national superiority. History helps highlight the necessity to recover the past, justify the present and forecast the future [Nikiforov, 2011].

One of the ancient historic functions is to accumulate social and political experience. The tasks of legitimization of social and cultural orders include firstly a demand in self-empowerment which was originally satisfied by history. The most widespread means of legitimization in historic researches include glorification of the past or vice versa its oblivion and overcoming.

European national movements used historic mythogenesis and worship of the national heroes as its main tool. National states establishment, national mind creation and rising tide of nationalism are among the processes stimulating legitimizing function of the histo-

ry. When in the 19th century the historiography was enriched with the variant of historic research connected to the positive role of state and power, and political history has become an absolute leader in historiography the task of state interests legitimization has been formulated quite clearly.

Historical interpretations lend credence not only to the governmental politics. They are also used for explanation of ideological projects of future social structure. Due to their temporal construction ideologies cannot exist without their own interpretations of the past on the whole (the history of the state), the history of separate social and ethnic communities and representation of definite key events (the history of revolutions, reforms and wars). [Pozdnyakov (2010)]

Up to nowadays any historical interpretation greatly influences the system of foreign affairs. Thus, historians take an evident part in political propaganda. Therefore, it is possible to speak about an impact on collective (both political and national) consciousness which is translated through Mass Media with literature both professional and fiction as a vivid example.

While studying any historical text a researcher pays special attention to the interpretation of interrelations between a sign and a real life determined by its author's national worldview. Studying a text he is forced to change the level of skim reading to the level of interpretation of the text signs and meanings. Thus, the mechanism of philosophical and linguistic analysis is used. It is based on post-modernism theory revealing "hidden meanings" in the text which came to the modern text from the past discourse practices. Such "hidden meanings" are not available for both readers and the author as they involve extramental reflective stereotype which was specific for the language practices of the time when this text was created. As the time passes these stereotypes also change. And this process is absolutely independent from the author of the text because the meanings do not have a stable structural form. This is the reason why any text has logical contradictions driven by the nature of the language and dynamics of meanings development. So, the theory of impossibility of a single text interpretation and individuality of its reading is formulated [Ankersmit (2003), Danto (2002), Koval'chenko (2003), Mayer (2003)].

Methods. This article suggests using semiotic approaches as a main tool to achieve a balanced and trustworthy interpretation of any text. These approaches are controlled by the necessity to perceive our cultural and historic world as a complex of real data and facts available for a certain person. They are based on the semantic order "syntactic – semantics – pragmatics – denotatics". The corresponding classification of semiotic approaches takes into account immanent, paratextual, metatextual and semiogonic analytical aspect and describes all kinds of relations in any text. It allows making complete semiotic analysis. Besides the use of semiotic approaches while studying a text provides a researcher with a possibility to reveal and analyse the basic text elements paying attention to their role, function and semantic contents.

From this point of view the texts devoted to the description of the same historic event and written at the same time are especially interesting for philosophical and semiotic analysis. The growing interest to the comparative researches of linguistic worldviews represented in these texts is connected to the necessity to reveal universal characters of the lin-

guistic material, to describe national peculiarities of the worldviews of different native speakers as well as to study national specifics of semantics and linguistic mentality [Larina, 2018].

Taking into account cross-cultural communication an optimal model of a linguistic worldview is a polylinguistic model which comprises the components revealing complete linguistic world image. The development of polylinguistic model of the linguistic worldview, the research of the contents, structure and peculiarities of the polylinguistic mind is made in a language condition. This article deals with the Russian and American language cultures. Comparative philosophical analysis of Russian and American linguistic mind allows revealing of national cultural specifics and universal character of language perception.

Results and their Discussion. Thus, linguists Benjamin Whorf and Charles Hockett think that the development of the American English is based on the so-called “positive thinking”. Firstly, this term was used in 1952 in the book «The Power of Positive Thinking» written by a New York priest Norman Vincent Peal. According to his idea since their childhood the Americans believe in power of “positive thinking” reflecting their optimistic and positive relation to other people. This relation confirms in their language as well.

In this connection the American linguistic worldview differs by the following distinctive features:

- true hopefulness,
- a certain distance of the author from his text confirmed by the strategies of the national linguistic behavior,
- a tendency to prolixity with little sense,
- a usage of many expressive means,
- a general and simplified character of communication [Kuzmenkova, 2005].

In contrast to the American English the Russian language has long been developed under the influence of the political system. Thus, it had mainly pessimistic characteristics. Due to the peculiarities of the historic development the Russians used to feel lack of protection and face only difficulties and problems impossible to overcome. Therefore, pessimism became one of the peculiarities of the Russian national character. And it reflected on the Russian language as well. Taking into account the above-mentioned historical peculiarities one can easily single out the peculiarities of the Russian linguistic worldview. They include pessimistic incite, very emotional character of communication, burning sense of justice, special attention to personal relations as well as biased definite description and interpretation of the historic events connected to the personal conceptual worldview [Kalmykova, 1998].

The given peculiarities of the American and Russian linguistic worldviews are completely revealed through the components of the language culture image in a human mind. They include representations (as personal images of the earlier seen object and phenomenon as well as created by productive imagination) and relations to them which allow formulating personal opinions, minds and estimations [Churmanteev, 1989].

To evaluate the image of the historical event in a person's mind is possible on the analytical basis of definite parameters. Representations are primary. Thus, the question of possibility of their real estimation arises.

Estimation criteria for representations are:

- 1) accuracy – correspondence of representations to the real situation;
- 2) differentiation – versatility and background;
- 3) emotional (both positive and negative) relation including value judgments [Il'ina, 2006].

To prove the theoretical ideas revealed in this paper the article describes practical results of philosophical and semiotic analysis of two historic American and Russian narrations. They are the book written by Jim Bishop "The Day Kennedy was Shot" [Bishop, 1968] and the book by Nikolay Platoshkin «Убийство президента Кеннеди. Ли Харви Освальд – убийца или жертва заговора?»/ "President Kennedy Murder. Lee Harvey Oswald – a murderer or a scheme victim?" [Platoshkin, 2007].

Having analyzed these historic narrations, it is possible to speak about authenticity of both texts as they do not contain any facts contradictory to the general history. According to the official versions the narrations are based on the fact that 35th President of the USA John Kennedy was murdered by an American citizen Lee Harvey Oswald by his political motives. Both J. Bishop and N. Platoshkin refer in their papers to authoritative sources of information such as the report of the commission headed by Warren as well as the unsealed materials of the state security bodies of FBI, CIA and KGB. The accuracy of the authors' approaches can be illustrated by an immanent approach to the philosophical and semiotic interpretation of data in these historic narrations.

While analyzing one cannot but mention a very interesting semiotic technique: a combination of immanent narration with intertextual insets of different character. On the one hand, it is driven by J. Bishop and N. Platoshkin's desire to achieve an accurate rendering of information. On the other hand, it evidences the difference of the authors' techniques used to recover this historical event. Thus, intertextual insets are of different character. J. Bishop concentrates mostly on detailed description of the main characters while N. Platoshkin mostly describes family and political components of the main character's life. He also includes in his narration some historical insights. Moreover, a comparative analysis resulted in the following facts. J. Bishop pays more attention to the paratextual semiotic component as he explains the title of the book, its foreward, afterward, references and notes in great detail. As for N. Platoshkin's book the key role is given to metatextuality as a definite form of intertextual interplay and often critical denotation of the text to pretext. Such differentiation is easily explained by the authors' desire to achieve the maximum possible versatility and background of the events described as well as national peculiarities of their linguistic worldviews.

The most subjective factor of comparative philosophical and semiotic analysis is undoubtedly emotional relation to the described events. It is greatly revealed with the help of a semiogonic approach. Basing on this point, J. Bishop tries to avoid ambiguous representations in his narration. He seems to distance from the analytical presentation of information allowing his reader to conclude in his own way. Nevertheless, his book contains

the examples of semiogonism describing the guards of the President, measures taken for the president's security as well as climactic scene representing the development of the described events in action. Such philosophically distanced author's behavior is supposed to be re-enforced by the strategies of the national linguistic behavior as the dominant feature of the English-speaking communication is conventionality reflecting pragmatic orientations of individuality who concentrates on the principle of noninvolvement. This distance is based mostly on the privacy and necessary independence of a person as an indispensable condition of his balanced development.

Besides philosophical and semiotic research J. Bishop's narration proves the fact that dual English-speaking behavior is revealed in tendency to prolixity with little information (his book is devoted to the description of John Kennedy's last day and includes 554 pages while N. Platoshkin's book describes the same problem but from the other point of view and has only 351 pages), to multiple usage of emotional value judgments (the narration includes a lot of sign immanent characteristics of the events and intertextual insets devoted to the detailed description of the key narrative moments) which witness both a ritual attention to the reader with neutral or formally indifferent relation to him and the tendency to hide personal real feelings.

As for N. Platoshkin's narration one cannot but notice his emotionality in the way he shares information with his readers. In his book he expresses his own point of view by not only words and word-combinations but by indirect linguistic means helping the best perceptions of the described events. So, the narration has such word-combinations as "even if suppose", "it's evident that", "but here it's much simpler", "it's natural that", "by the way, speaking about money ...", "it's rather strange that ...", etc. Such method is driven by the fact that it is natural for the Russian people to shift the emphasis to the informative side of communication and individual approach when the rules of communicative behavior depend on human factor and situational context. On the whole, the Russian people tend to direct expression of their values, to critical sayings and they are poor to compliment or to praise the others. Being a dominant feature of the Russian speaking communication naturalness determines such its peculiarities as unambiguousness, straightforwardness and emotionality. Thus, an analysed differential emotional colouring of the historical narrations is stipulated by both the author's personal relation to the described events and by the difference of the national peculiarities of the linguistic worldviews.

Modern researches of cross-cultural communication [Pavlovskaya (1996), Yelistratov (1995) and others] reveal inadequacy and indifference of representations on the level of national mind. Alternate characteristics of representation also include their general and simplified character, the fact vividly illustrated by J. Bishop's historical narration.

Besides, while studying cross-cultural contacts any researchers pay special attention to "the problem of deviation in perception of linguistic culture" specifying it as "the problem of stereotypes". [Vel'tser (2005), Gudkov (2005), Ferretti (2005), Ekhterikamp (2005), Schweikart L. and Allen M. A(2004) and others] Representations of key stereotypes of the foreign culture perception are so interconnected in a person's mind that they can be rarely found separately. This peculiarity is presented in N. Platoshkin's narration,

where one can definitely trace the features of the author's interpretation of both national stereotypes and national culture by means of intertextual insets and semiogenic techniques devoted to the description of incompatibility of official facts and real events within the frameworks of a foreign culture.

Conclusion. Thus, having analysed two historical texts describing the same historical event and summing up all the results it is impossible not to mention the difference of these narrations. This difference is supposed to be explained by the subjective author's interpretations of real facts and events and, moreover, general political line in a definite interpretation of historical events in a certain state. Therefore, a various interpretation of the same historical event in different cultures is explained by the difference of national conceptual worldview and its peculiarities. In this connection an American definite interpretation of this historical event is explained by a state official version of the committed crime under the dominant role of state bodies. Meanwhile the Russian conceptual worldview is characterized by the continuous search of philosophical realness if there is at least one controversial point in any historical fact interpretation with no difference in existing official versions.

Therefore, one can definitely speak about interconnection while studying communicative prescription and structural peculiarities of the historical text determined by it. The later is revealed with the help of philosophical and semiotic analysis taking into account national peculiarities of linguistic worldviews. They all constitute a general worldview thus allowing intrinsic reconstruction of the historic worldview while basing on its analytical re-interpretation by contemporary researchers.

References

1. Ankersmit F. *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the historians' language]. M., Ideya-press, 2003. 360 s.
2. Vel'tser Kh. *Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoy bor'by* [History, memory and modernity of the past. Memory as an arena of a political struggle]. – *Pamyat' o voyne 60 let spustya*. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.
3. Gudkov L. «Pamyat'» o voyne i massovaya identichnost' rossiiyan [War memory and mass identity of the Russians]. – *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. M., 2005.
4. Danto A. *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytic philosophy of history]. M., Ideya-Press, 2002. 292 s.
5. Il'ina O.K. *Amerikanskiy i rossiyskiy tipy myshleniya. Ikh otrazhenie v natsional'nykh yazykakh* [American and Russian types of thinking. Their reflection in national languages] // *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i perevod: materialy V mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii*. – M. MOSU Pbl., 2006. – 432 s. – Pp. 128–132.
6. Kalmykova I.N. *O yazykovoy kartine mira: k probleme russkoy mental'nosti* [On the linguistic picture of the world: to the problem of Russian mentality] // *Chelovek v kul'ture Rossii: materialy VI vsenos. nauch.-prakt. konf., posvyashch. dnyu slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury*. – Ul'yanovsk, 1998. – Pp. 77–79.
7. Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. M., Nauka, 2003. 486 s.
8. Kuzmenkova Yu.B. *Strategii rechevogo povedeniya v angloyazychnoy srede. Lektsiya 1: Predposylki vydeleniya strategiy rechevogo povedeniya* [Strategies of speech behaviour in the English-speaking environment. Lecture 1. Background of the selection of speech behaviour strategies] // *Pedagogicheskiy universitet «Pervoe sentyabrya»*. – 2005. – No. 17. – Pp. 58–63.
9. Mayer E. *Trudy po istorii i metodologii istoricheskoy nauki* [Works on the history and methodology of historical science]. M., GPIB, 2003. 202 s.

10.Nikiforov A.L. Istoricheskaya pamyat', istoriya i istina // Sposoby postizheniya proshlogo: Metodologiya i teoriya istoricheskoy nauki [Historical memory, history and truth // The ways of comprehending the past: methodology and theory of the historical science]. - M.: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2011. - Pp. 129-159.

11.Pavlovskaya A.V. Etnicheskie stereotipy i problemy obshcheniya kul'tur [Ethnic stereotypes and problems in cross-cultural communication]// Rossiya i Zapad: dialog kul'tur: materialy 2-y mezhhdunarodnoy konferentsii 28–30 noyabrya 1995 g. – M., 1996. – Pp. 428–441.

12.Platoshkin N.N. Ubiystvo prezidenta Kennedi. Li Kharvi Osval'd – ubiytsa ili zherstva zagovora? [President Kennedy's assassination. Lee Harvey Oswald – a killer or a victim of the conspiracy] – M.: Molodaya gvardiya, 2007. – 351 [1] s.; il. – (Delo № ...)/

13.Pozdnyakov E.A. Chto takoe istoriya i nuzhno li ee znat' [What is history and Do you need to know it]? M., Ideya-Press, 2010. 608 s.

14.Ferretti M. Neprimirimaya pamyat': Rossiya i vojna. Zametki na polyakh spora na zhguchuyu temu [Irreconcilable memory: Russia and war. Notes on the margins of a dispute on an urgent topic] – Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M., 2005.

15.Churmanteev A.V. Osobennosti formirovaniya predstavleniy ob SSSR v massovom soznanii SShA v 1980-kh godakh [Features on the shaping of ideas on the USSR in the US mass consciousness in the 1980ies]: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. – M., 1989. – 24 s.

16.Ekhterikamp Y. «Nemetskaya katastrofa?». O publichnoy pamyati o Vtoroy mirovoy voyne v Germanii [German catastrophe? On the public memory of World War II in Germany]. – Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. M., 2005.

17.Bishop, J. (1968). *The Day Kennedy was Shot*. New York: Funk & Wagnalls. 713 pp.

18.Larina, O.V. (2018). Philosophic and Semiotic Analysis in Research of Historical Worldview. *Fundamentalis Scientiam (scientific journal)*, 2 (16), pp. 49-51.

19.Schweikart L. and Allen M. A Patriot's History of the United States. From Columbus's Great Discovery to the war on Terror. N.Y. Sentined (USA), 2004.

20.Yelistratov, V. (1995). Russia as a myth (the problem of structural and mythological types of the West's perception of Russia). *Moscow: Russia and the West: the dialogue of cultures*, pp. 16–27.

Author's Bio

LARINA Olga Vladimirovna – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Chair of Civil Rights, Kolomna branch of Moscow Polytechnic University, Kolomna, Russia. E-mail: umka-kolomna@yandex.ru.

УДК 141.201

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.58

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИН МИРА И ИХ ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ ФИЛОСОФСКО-СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЙ

О. В. Ларина

Коломенский институт (филиал) Московского политехнического университета,
г. Коломна (Россия)

Введение. В данной статье предпринята попытка рассмотреть лингвистические особенности национальных картин мира на примере двух исторических текстов российского и американского авторов, посвященных описанию одного и того же исторического события. Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий двух национальных картин мира, отраженных в аутентичных нарративах, с помощью их философско-семиотического анализа. Исследование осуществляется по-

средством анализа мировоззренческих, идеологических и ценностных ориентаций историков, оказывающих непосредственное влияние на воссоздаваемую ими картину прошлого.

Методы. В качестве основных методов исследования используются базовые семиотические подходы, позволяющие выявить знаковую природу изучаемого явления, вывести правила построения знаков и их комбинаций (синтактика), установить смысловое содержание знаков (семантика), а также найти условия, при которых возникают те или иные знаковые ситуации (прагматика).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Исследование проведено на примере двух исторических повествований, описывающих убийство 35-го президента Америки Джона Ф. Кеннеди. В статье приводятся результаты философско-лингвистического анализа исторических повествований с учетом концептуального мировосприятия конкретного автора. Полученные результаты позволяют воссоздать универсальную картину исторического события с учетом особенностей межкультурной коммуникации.

Заключение. Согласно проведенному исследованию, применение семиотических подходов в философском исследовании исторических повествований на теоретическом и практическом уровнях позволяет выявить и проанализировать основные элементы текстов истории с точки зрения их роли, функции и семантического содержания, не нарушая границы общей картины исторического прошлого и с учетом описывающих ее языков. Данное исследование не является исчерпывающим в отношении использования философско-семиотических подходов в изучении текстов истории.

Ключевые слова: лингвистическая картина мира, межкультурная коммуникация, философско-семиотический анализ, концептуальная картина мира.

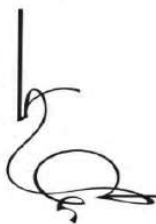
Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
3. Гудков Л. Память о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
5. Ильина О. К. Американский и российский типы мышления. Их отражение в национальных языках // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы V межвуз. науч. конф. М.: Изд-во МОСУ, 2006. 432 с. С. 128–132.
6. Калмыкова И. Н. О языковой картине мира: к проблеме русской ментальности // Человек в культуре России: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры. Ульяновск, 1998. С. 77–79.
7. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
8. Кузменкова Ю. Б. Стратегии речевого поведения в англоязычной среде. М.: Педагогический университет «Первое сентября». 2005. № 17. С. 58–63.
9. Майер Э. Труды по истории и методологии исторической науки. М.: ГПИБ, 2003. 202 с.
10. Никифоров А. Л. Историческая память, история и истина // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 129–159.
11. Павловская А. В. Этнические стереотипы и проблемы общения культур // Россия и Запад: диалог культур: материалы 2-й междунар. конф. 28–30 ноября 1995 г. М., 1996. С. 428–441.
12. Платошкин Н. Н. Убийство президента Кеннеди. Ли Харви Освальд – убийца или жертва заговора? М.: Молодая гвардия, 2007. 351 [1] с.: ил.

13. Поздняков Э. А. Что такое история и нужно ли ее знать? М.: Идея-Пресс, 2010. 608 с.
14. Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.
15. Чурмантеев А. В. Особенности формирования представлений об СССР в массовом сознании США в 1980-х годах: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1989. 24 с.
16. Эхтерикамп Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.
17. Bishop J. (1968). *The Day Kennedy was Shot*. New York: Funk & Wagnalls. 713 pp.
18. Larina, O. V. (2018). Philosophic and Semiotic Analysis in Research of Historical Worldview. *Fundamentalis Scientiam (scientific journal)*, 2 (16), pp. 49–51.
19. Schweikart L. and Allen M. A Patriot's History of the United States. From Columbus's Great Discovery to the war on Terror. N. Y. Sentined (USA), 2004.
20. Yelistratov V. (1995). Russia as a myth (the problem of structural and mythological types of the West's perception of Russia). *Moscow: Russia and the West: the dialogue of cultures*, pp. 16–27.

Библиографическая ссылка

Larina O. V. Linguistic peculiarities of national worldimages and their significance for philosophic and semiotic analysis of historical narrations // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 58–66. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.58

УДК 316.34; 327

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.67

ИНДИГЕНИЗАЦИЯ VS ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЭЛИМИНАЦИЯ ИЛИ ГОМЕОСТАЗ ВЕСТФАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

В. А. Беляев¹, Г. Р. Сибяева², В. Р. Волков¹

¹Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ
им. А. Н. Туполева, г. Казань (Россия)

²Казанский государственный энергетический университет, г. Казань (Россия)

Введение. Целью статьи является выявление перспектив современного кризиса в международных отношениях, исходя из анализа социальных сил, заинтересованных в его преодолении.

Методы. Основными методами исследования являются как общенаучные подходы: исторический, логический, компаративный, номотетический, метод причинного объяснения, так и специфически социологические методы: идиография, качественный анализ, метод *Ferstehen*, лингвистический метод, герменевтика, методологический субъективизм.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье выделяются социальная база глобализации (в США – «биологические» меньшинства: *wetbacks*, «фемин-наци», BLM, LGBT+, радикальные экологи и др.) и социально-стратификационная основа традиционализма (в США: WASP, жители «ржавого пояса», *gednecks*, традиционные верующие и иные), показывается постепенный реванш «индигенистов второго поколения» в большинстве стран. Соответственно, и западничество бывает двух ориентаций: «петровской» и «смердяковской», т. е. национально-ориентированной и компрадорской. Авторы обосновывают тезис о том, что Венская, Версальская, Потсдамская, Беловежская и Крымская системы, меняя границы и число государств, не отменяют Вестфальские принципы. Показано, что все мировые системы деградировали тогда, когда Запад стремился к монополярности и вел антироссийскую политику.

Заключение. Мировая система более стабильна при таких условиях: а) когда она полицентрична; б) когда у каждой из сильных цивилизаций не отсекается жизненное пространство, а тем более – часть территории самой цивилизации, и не запрещаются ее институциональные ценности; в) когда Запад не претендует на контроль за любыми иными цивилизациями. Для стабилизации мировой системы требуется длительный процесс индигенизации важнейших цивилизаций, в котором Россия способна сыграть ведущую роль.

Ключевые слова: традиционалисты, «биологические» меньшинства, индигенизация vs глобализация, принципы Вестфали, новый мировой порядок, баланс сил, гомеостаз.

Введение. Целью статьи является выявление перспектив современного кризиса в международных отношениях, исходя из анализа социальных сил, заинтересованных в его преодолении. Среди задач – отыскание критериев стабилизации мировой системы, выяснение разнонаправленного вектора ориентации основных социальных страт Запада, России и иных цивилизаций, нахождение общего и частного в конструировании системы межгосударственных отношений в разные эпохи. Актуаль-

ность исследования определяется как повышением «градуса» международной напряженности, так и определенной растерянностью многих исследователей в оценке последней, а также самоуверенностью части патриотического крыла ученых, убежденных в скором прохождении названного кризиса. Собственно, именно невнимание многих исследователей к социальным корням нынешней «хаотизации» международных (и во многих странах – внутренних) отношений и является серьезной научной проблемой, подлежащей анализу.

Другой основой непонимания вопроса является игнорирование многими учеными того факта, что современная история началась не 24.02.2022 г. и отнюдь не на Украине, а имеет вполне определенные исторические корни, правовые основы и методологию исследования. Лишь немногие исследователи, чьи работы процитированы далее, осмысливают исторические основы сегодняшнего кризиса, его истоков в Вестфальской и последующих мировых системах, анализ которых позволяет выявить как суть кризиса, так и его перспективы.

И, наконец, имеются идеологические, аксиологические корни нынешнего геополитического конфликта. Уже приходилось анализировать социальное и идейное родство либерализма и нацизма в отдельных странах, и на этой основе – предпосылки, характер и перспективы конфликта на Украине [1–3], а также социальные и аксиологические корни противостояния Запада и России [4–7] и исторические причины несовпадения менталитетов и социополитического и гуманитарного поведения данных цивилизаций [8].

Методы исследования. Основными методами исследования являются как общенаучные подходы: исторический, логический, компаративный, номотетический, метод причинного объяснения, так и специфически социологические методы: идиография, качественный анализ, метод *Ferstehen* (анализ целеполагания), лингвистический метод, герменевтика (в интерпретации смысла текстов, включая нормативные и программные), методологический субъективизм (в анализе перекрестных конфликтов, симулякров, игр с нулевой суммой, в ценностном подходе).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Вместе с насущностью преодоления вышеуказанных исследовательских лакун встает вопрос о противоречии между корпоративными интересами отдельных групп и международным правом. Фактически речь в геополитическом конфликте идет не столько о нормах международного права и тем более о «правилах», на ходу придумываемых Западом, сколько об интересах разных социальных слоев противоборствующих групп.

Например, в США республиканцы (конечно, не все) все больше становятся «изоляционистами», т. к. в их электорате растет доля хозяев и работников, занятых реальным производством (промышленностью, сельским хозяйством, строительством, автотранспортом). Это, помимо WASP (белых англосаксов-протестантов), прежде всего жители «ржавого пояса», *rednecks* (фермеры), рабочие, традиционные верующие. К примеру, Д. Трамп не развязал ни одной войны и в 2023 г. утверждает, что не начнет мировую войну с Россией и Китаем в случае своего избрания.

В то же время демократы открыто стали на позиции либерализма-глобализма, отражающие интересы финансовой олигархии (банков, различного рода бирж), а

также ТНК, занятых вывозом капитала (производств, инвестиций) и внешней торговли, с ней сливается военно-промышленный комплекс. Они опираются на негласный союз всех «биологических» меньшинств: wetbacks (мигрантов из Латинской Америки), феминки (радикальных феминисток, движения Ме Тоо, видящих харрасмент в любом общении полов), BLM, сторонников «критической расовой теории», LGBT+, радикальных экологов, «поколения снежинок» и т. п. – в сумме способных стать большинством, несмотря на коллизии, например, между феминистками и LGBT+ в спорте или между «латиносами» и BLM в иных нишах социального пространства. Так, Дж. Байден в 2023 г. официально заявляет, что «американцы-трансгендеры формируют душу нашей нации» [9], что является ударом не только по традиционным семье и браку, но и по феминизму. В целом растет разрыв между индигенизирующей частью населения и глобализированными группами, и исход их противостояния не определен.

На первый взгляд, расклад идейно-политических сил в *России* опирается на сходные страты. Так, национальная буржуазия, чьи взгляды отражают «силовики», МИД и все больше – премьер-министр и президент, вынужденно выбрали патриотический лагерь для защиты безопасности страны и ее развития, отказа от стагнации и полукOLONиального статуса страны. Происходит типичная индигенизация лидеров первого поколения в силу необходимости развития страны и давления народа. Поэтому ее поддерживают все: занятые реальным производством (те же отрасли, особенно ВПК, люди, работающие в частном секторе, и бюджетники), верующие основных религий и большинство неверующих.

С другой стороны, активно работает ориентированная до сих пор на встраивание в глобалистский мировой порядок компрадорская буржуазия (финансовая олигархия, либералы, как системные (социальноэкономический блок правительства, стремящийся «сидеть на двух стульях», отдельные вузы и редколлегии ряда научных журналов), так и антисистемные (отдельные блогеры и деятели шоу-бизнеса), открыто выступающие против интересов большинства). Такую же позицию заняли стремящиеся «ловить рыбку в мутной воде» экстремисты-исламисты и неонацисты (имеющиеся в каждом этносе). Однако компрадоры неизбежно стремятся не к «западничеству Петра I», стремившегося к развивающим страну заимствованиям, а к колониалистскому «западничеству Смердякова», ненавидевшего Россию и мечтавшего, чтобы «нас покорили», поскольку надежды на приглашение к столу «цивилизованного Запада» возможно воплотить лишь на правах пищи, а не равноправных и уважаемых гостей.

Сходная конфигурация социальных сил с некоторой спецификой имеется и в *Китае*, где сначала компрадоры были вытеснены на Тайвань, а теперь и «новые» компрадоры лишены представительства в правящих кругах КПК.

Место *Европы* в «пищевой цепочке» Запада снижается, у власти почти везде (кроме Венгрии и Сербии) компрадоры, а на *Украине* неокOLONиальная власть одновременно является откровенно неонацистской по своему социальному характеру.

В *остальных странах* («развивающихся») налицо поднимающийся по экспоненте процесс «индигенизации второго поколения» [10; 11], что чревато все большим дистанцированием этих стран от Запада.

Таким образом, во всех странах нарастает борьба между слоями, ориентирован-

ными на индигенизацию и на глобализацию (правда, последняя в успешной форме возможна лишь в США, но даже не в Европе). Новая внешняя политика России ориентирована на индигенизацию, которая понимается в большинстве стран как стремление к цивилизационной независимости и культурно-ценностному оппонированию Западу. В связи с поляризацией интересов социальных страт в США, России и иных странах встают вопросы: как меняют эти социальные интересы мировую конфигурацию, на что будет опираться мировой порядок в будущем полицентрическом мире: на принципы Вестфалья, их модификации в последующие эпохи, или же это все будет сметено с мировой политической сцены.

О чем идет речь? Начиная с Древнего Рима, особенно с трудов Г. Гроция (начало XVII века), сформулированы основные законы мировой системы и международных отношений. Многие из них были внедрены *Вестфальской системой* в 1648 г. (до которой отношения в мире не были всемирными), другие принципы международных отношений реализованы Лигой наций, и особенно ООН, с 1945 г. (см. табл. 1).

Таблица 1

Системы международных отношений

Системы	Начало	Конец	Стабильность	Причина распада	Число центров силы	Другие черты
Вестфальская (1648 г. – 1815 г., 167 лет)	30-летняя война (150 лет религиозных войн)	Великая Французская революция	Высокая	Стремление Франции к гегемонии	5-7-4 (Испания, Португалия, Швеция), Англия, Франция, (Россия, Пруссия)	- закрепление принципов современных международных отношений; - национальные государства и государства-цивилизации (морские-континентальные) вместо династических государств; - история народов вместо истории королей
Венская (1815 г. – 1918 г., 103 года)	Наполеоновские войны и победа России	Промышленная революция	Высокая	Стремление Германии к переделу мира	4-6 Россия, Австро-Венгрия, Британия, Пруссия, Франция, Турция	- имперский принцип контроля пространства; - до сер. XIX в. Священный союз с противостоянием континентальной России и морской Англии; с Крымской войной, где все против России, а она – против появления 1 лидера; - 1901: конец раздела мира. Рост США, Германии – 2 блока

Окончание таблицы 1

Системы международных отношений

Системы	Начало	Конец	Стабильность	Причина распада	Число центров силы	Другие черты
Версальская (1918 г. – 1945 г., 27 лет)	Первая мировая война и победа Франции, Англии, США	Пролетарская революция	Низкая	Стремление Германии к гегемонии	3-5 Франция, Англия, США, затем Германия, СССР, Япония	- слом 4-х империй (Германской, Австро-Венгерской, Османской, Российской); много мелких государств (полукolonий Англии–Франции); - исключение и санитарный кордон Германии, СССР, Китаю; - национально-освободительное движение Азии; фашизм Европы; союз континентального СССР и морских держав США–Англии
Потсдамская (1945 г. – 1991 г., 46 лет)	Вторая мировая война и победа СССР (и союзников)	Технологическая революция	Средняя	Стремление США к гегемонии (успешно)	2: морские США, континентальный СССР	- мощный континентальный блок ОВД СССР и буферы); - освобождение при помощи СССР св. 100 государств, друживших с СССР
Беловежская (1991 г. – 2014 г., 23 года)	Победа Запада в холодной войне	Отказ США от Вестфалья	Низкая	Стремление США к гегемонии (провал)	1 - США	- слом СССР; изоляция и лишение жизненного пространства РФ; - борьба Запада против иных цивилизаций
Крымская (с 2014 г.)	Войны в постсоветском и ближневосточном пространстве	Реинкарнация Вестфалья	Противоречивая стабилизация	Стремление США к реваншу (провал)	Много	- постепенная политическая изоляция Запада иными цивилизациями; - экономическое доминирование КНР; - арьергардные колониальные войны НАТО–ЕС, терроризм, неонацизм

А. Анпилогов пишет: «Тридцатилетняя война была для тогдашней Европы цивилизационной катастрофой, сравнимой с Первой и Второй мировыми войнами XX века. Демографические потери в результате войны в... Германии составляли до 80 % населения – многие области тогда опустели на десятилетия. Тридцатилетняя война была, пожалуй, последней религиозной войной в Европе, в которой окончательно были выкованы те самые государства-нации, которые мы знаем и до сих пор. Именно Вестфальский мир 1648 г. привнес в международное право такие непререкаемые сегодня положения, как приоритет национального интереса, принцип баланса сил, приоритет интереса государств-наций, принцип государственного суверени-

тета, право государства требовать невмешательства в свои дела, равенство прав государств в международной политике и обязательство выполнять подписанные международные договоры... Несколько раз во время катастрофических изменений и революций, и во время Великой французской революции, и во время Великой Октябрьской революции, здание вестфальской системы мира шаталось и *трескалось*, но оба раза призывы к «свободе, равенству, братству» или же к «мировой пролетарской революции» упирались именно в положения Вестфальского договора.

...Условием любого суверенитета, суверенитета государства-нации является *его внешнее признание*, наличие определенного баланса сил, который и определяет существование любой общности людей, объединенных в государство. Часто в современном мире для этого достаточно признания лишь одного из участников международного права» [12]. А. Анпилов приводит в пример Северный Кипр и Крым. Однако автор считает затяжку с признанием Донбасса из-за «резко негативного отношения всего мирового сообщества» к действиям России причиной осторожной в случае с Донбассом политики РФ, опиравшейся на «вестфальский» статус Украины как действительного государства-нации в 2014 г. Но на деле вряд ли можно называть Украину и Донбасс нацией даже в этатистском смысле. Одновременно А. Анпилов признает, что США давно отошли от положений Вестфальской системы с ее опорой на государства-нации и достаточно успешно действуют в рамках иной парадигмы, напоминая действия участников Тридцатилетней войны, заставлявших жителей Германии сражаться друг с другом по религиозным основаниям.

А. Анпилов утверждает: «Существующий на Украине сегодня русофобский, антироссийский и антирусский конструкт создан США во многом в обход существовавших на Украине структур официальной власти... Практически от ситуации, когда антирусские и антироссийские настроения по результатам референдумов 1991 г. имели только три западные области Украины (Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская), Россия скатилась к ситуации, когда четкую пророссийскую позицию имели уже только Крым и Донбасс. Кроме того, ...ставка на «нерушимые границы» и «невмешательство во внутренние дела» Украины привели российскую политику на Украине к тому, что инструментарий России на украинском направлении оказался критически ограничен» [12]. Выйти из порочного круга можно лишь по аналогу действий августа 2008 г., которые Запад считал хоть и ответом на агрессию Грузии, но нарушением Вестфали. А. Анпилов справедливо приводит в пример и расчленение СФРЮ и СССР, и прецедент Косово, поправившие принцип нерушимости послевоенных границ в Европе, зафиксированный в Хельсинки. Добавим и аншлюс ГДР со стороны ФРГ. Все эти деяния не только нарушали законы, но и прошли недемократично. Ни по Вестфалю, ни по Хельсинки не было никакой Украины как государства.

А. Анпилов считает, что Россия, апеллируя к Вестфалю, постоянно будет в ситуации проигравшего и догоняющего, пытающегося инструментами XVII века регулировать события XXI века. Поэтому и от России требовалось не признавать ЛДНР, а США, отойдя от Вестфали, находились в выгодном положении. Запад использует Вестфаль инструментально и избирательно, лишь в своих интересах. В силу этого Россия вслед за США вынуждена была также отойти от отдельных принципов Вестфали, сохранив верность важнейшим его постулатам и принципам между-

народного права [12]. К этим постулатам отнюдь не относится нерушимость границ (тем более что границы Украины не демаркированы и не делимитированы) – достаточно посмотреть на карты Европы 1648 и 2023 гг.: на Скандинавию и Италию, на Ирландию и Россию, на Германию и Бельгию. Если мы наконец признаем, что Вестфальская система основана не на охране границ, а на стремлении мировой системы к гомеостазу, т. е. к равновесию, то поймем, что она опирается на изменчивый баланс внутренних (социальных) и внешних сил с отказом от тотальной войны «всех против всех».

Последующие мировые системы в большей степени сохраняли принципы Вестфалия в их последующей антироссийской деградации (хотя ряд авторов считает, что Вестфальская система вообще сошла на нет через полвека [13]). Так, *Венская система 1815 г.* была следующей попыткой союза России с Европой. Д. Лысков отмечает: «Священному союзу, созданному Россией после освобождения Европы от Наполеона, исполняется двести лет. Его целью было не допустить новых войн и подрывающих развитие стран революций, на практике же Петербург столкнулся с предательством европейских союзников и клеймом «главного жандарма Европы». К сожалению, этот урок был выучен нами плохо.

От провозвестника ООН или хотя бы Лиги Наций до замешанного на религиозном мистицизме реакционного альянса монархов, подавляющих любые ростки свободы, – так трактуется сегодня Священный союз... который они сами же с удовольствием и в кратчайшие по историческим меркам сроки расчленили, ополчившись, как водится, на Россию. В то время Российской империи не удалось объединить европейский мир на принципах братства, фактического стирания границ и христианской добродетели в отношениях между державами... Какой-либо угрозы в создании Священного союза никто не увидел. ...на полях Священного союза возникла, выражаясь современным языком, дискуссионная площадка, быстро ставшая центром принятия решений европейского масштаба... Несмотря на то, что с 1820-х годов Священный союз был раздираем противоречиями, Французская революция 1830 г., революции в Бельгии и Варшаве вдохнули в объединение новую жизнь... Россия (*одна Россия* – из всех участников Священного союза и всех участников подавления европейских революций) и получила прозвище жандарма Европы. Еще раз «отблагодарили» Николая I во время Крымской войны 1853 года. Англия, Франция и Сардинское королевство выступили против России на стороне Турции, а Австрия и Пруссия, возглавляемые братскими монархами, предпочли нейтралитет, угрожая, впрочем, ближе к концу войны выступить против Петербурга.

...Так бесславно закончился для России Священный союз – не первый и не последний в истории нашей страны союз с европейскими державами, имеющий громкое название, неясную суть и печальные последствия... Дальше – хуже: «сердечное согласие» Антанты в начале XX века обернулось дележом российских ресурсов и территорий во время революции 1917 года и прямой военной интервенцией. В конце XX века мы вновь пытались упасть в объятия Европы, «вернуться на столбовую дорожку цивилизации», «в общий европейский дом»... Французы, англичане, немцы, австрийцы – все в разной степени делали Россию орудием для достижения своих эгоистических целей» [14]. Тем самым Венская (как и последующие) система, разрушаясь, обнажила антироссийскую направленность политики Запада.

Обоснованно венгр М. Дьондьёши в своей сильной статье задается вопросом: «Какой это будет новый мировой порядок, и где мы можем найти его корни? На протяжении истории человечества мир, как правило, был организован по многополюсному принципу. Однако XX век привнес совершенно новую ситуацию: политическое и военное доминирование двух супердержав создало новую, двухполюсную систему, и гегемоны каждого полюса разделили мир на две части. ...оба подхода, т. е. коммунизм и либеральная демократия, были весьма схожими: оба характеризовались сильным присутствием мессианства» [15].

Позже начался переход к однополярности. М. Дьондьёши оценивает это так: «Однако существовавшая форма коммунизма отмерла к началу 1990-х, что привело к крушению той части коммунистического блока, которая напрямую контролировалась Советским Союзом. На короткий исторический промежуток казалось, что либеральный Запад выиграл, и может быть установлен монополярный мировой порядок. Заносчивость либерально-демократического блока вдохновлялась марксистской концепцией линейной истории и классовой борьбы. Однако... религиозные и этнические конфликты, которые возникли на руинах коммунистического блока, и экономические провалы посткоммунистических стран были первыми признаками того, что значительная часть мира не может воспринять неолиберальные доктрины». Такие новые центры силы, как страны БРИКС, продемонстрировали, что они не только не в состоянии подчиняться монополизму США, но они и не хотели этого делать.

В итоге к началу XXI века однополярная система начала деградировать. Как пишет М. Дьондьёши, «мы сталкиваемся с конфликтом двух мировых порядков. ...мы также наблюдаем существенную концептуальную разницу между США и их европейскими союзниками, отстаивающими «либеральную демократию», и их соперниками, которые отстаивают традиционные ценности. Становится понятным, что эти два подхода не могут далее сосуществовать друг с другом внутри их сфер влияния – вскоре произойдет переходный период и будет установлен новый мировой порядок... Причины упадка евро-атлантического мира и либеральной демократии не состоят исключительно в неспособности США и их близких союзников продолжать финансировать свою роль как мировых жандармов, но также и в глубоком интеллектуальном кризисе Запада. Западная философия, которая отказалась от средневекового традиционализма и все более и более полагалась на англосаксонский империализм, по мере того как развивался глобальный процесс колониализма, всегда пренебрежительно относилась к другим цивилизациям. ...она установила систему верований эго- и западоцентризма, согласно которой империалистические европейские державы не только устраивали войны за материальные ценности, но также вели мессианскую цивилизационную борьбу за привнесение культуры «варварским народам».

...Тирания самовлюбленного западного мира достигла своего пика при крушении колониальной системы. Поднимая знамя либеральной демократии и отрицая свое собственное националистическое прошлое и национальное «величие», возникшее благодаря эксплуатации других, бывшие колонизаторы снова «разложили карты», на этот раз скрываясь за ширмой «прав человека». Предлагая ложные обещания свободы, они создали нежизнеспособные религиозно и этнически разделенные

страны с нереалистичными, произвольно нарисованными границами». Добавим, что лишь 22 % границ в Африке (до сепарации Эритреи и Южного Судана) проходили по рекам, морям и горам, способным служить этническими и религиозными границами, что ведет к непрерывным войнам. Всегда руководствуясь принципом *divide et impera*, империалисты посеяли семена войны в Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Азии, одновременно навязывая свои ценности, все более отходящие от принципов гуманизма в силу борьбы против семьи и в поддержку девиантов.

Стратегия Запада мало изменилась, а вот тактика заместила вторжения, как отмечает М. Дьондьеши, работой СМИиК, НКО и фондов как агентурой по организации переворотов и «цветных революций». «Но результат тот же самый: растаптывание суверенитета государств, поглощение стран и подчинение их своей сфере влияния... Как проблемы иммиграции, так и деградация широко разрекламированного «мультикультурализма» во внутреннюю войну цивилизаций вытекают из того факта, что западноевропейские и североамериканские общества являются неустойчивыми без иммигрантов, но отсутствие многих моральных ценностей у этих обществ не дает им возможности интегрировать иностранцев. Другой причиной [упадка Запада] является то, что новые игроки ... понимают, что отличительная черта их собственного роста состоит в конфронтации с западной культурой, которая поставила себя на грань уничтожения из-за лишения самой себя всех высоких ценностей.

...Европа и Россия принадлежат друг другу. Европа не является полноценной без России, в то время как Россия как европейская держава не может отворачиваться от Европы. Особенно потому, что Европа находится в беде! Западная часть европейского континента контролируется Европейским Союзом – конгломератом, обслуживающим интересы Вашингтона. Эта организация усердно работает над тем, чтобы лишить наш континент всех ценностей, которые создали из Европы то, чем она является сейчас. Европа... теряет свои корни и деградирует от сообщества национальных государств в набор безродных потребителей, не имеющих прошлого и будущего, отрекающихся от своих собственных стран... Из всех европейских стран только лишь Россия имеет необходимые экономические, военные и политические рычаги для этого [противостояния разрушению]. Следовательно, историческая миссия России состоит в том, чтобы вернуть Европу обратно на путь своих традиций... В то время как идея Европы без Соединенных Штатов является вероятной» [15]. Эти идеи автор развивает в другой статье [16].

На наш взгляд, однополярная система в принципе не способна быть стабильной, любая монополизация власти сразу рождает оппозицию. Как запрет и разгром Компартии СССР в 1991 г. уже через полгода раскололи победителей, так и развал и унижение «большой России», победа либерализма в том же 1991 г. привели и к расколу внутри любой страны, и к оппозиции «мировому жандарму» со стороны тех стран, где индигенисты при поддержке народа восстанавливают институциональные ценности, одолевая глобалистов-компрадоров в XXI веке. В итоге Российская Федерация становится лидером в установлении нового мирового порядка в силу победы над НАТО.

Исходя из этого, стоит различать *сферы интересов* цивилизации, включающие внутренние и внешние силы, позволяющие ей развиваться (иначе – сферы безопасности), *сферы влияния*, всегда охватывающие саму цивилизацию, часто – межцивилизационный пояс, а ныне – все цивилизации, чьи интересы противоречат интере-

сам Запада, и *сферы контроля*, ограниченные границами государств, входящих в данную цивилизацию, и прямо контролируемой ядром цивилизации ее периферии. В рамках последних сфер консолидируются *центры силы*: с одной стороны – НАТО и AUKUS, с другой – БРИКС, ШОС и ОДКБ (прежде всего Союзное государство России и Белоруссии).

Для возрождения Вестфальской системы мирового гомеостаза необходимо восстановить все эти сферы, прежде всего у России и Китая, нейтрализуя неокOLONиалистские («глобалистские») интенции США и поддерживая индигенистские силы в каждой из стран мира. Процесс индигенизации большинства стран мира очень длителен, не похож на «тротуар Невского проспекта», чреват зигзагами и попятными движениями, новыми коллизиями и обострениями, но все же «крот истории роет» неуклонно, и на пути реального прогресса его движителем оказалась российская цивилизация с ее аксиологией.

Заключение. Из проделанного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Мировая система более стабильна при таких условиях: а) когда она полицентрична (нет одного гегемона и нет стремящихся к доминированию в мире); б) когда у каждой из сильных цивилизаций не отсекается жизненное пространство, а тем более – часть территории самой цивилизации, и не запрещаются ее институциональные (традиционные) ценности; в) когда Запад не претендует на контроль за любыми иными цивилизациями.

2. Исходя из интересов трудящихся большинства стран, стремящихся к реальной деколонизации, индигенизации, единственный рациональный выбор для России – это полная оккупация Украины на многие годы. Это будет аналогом Германии 1945–1949 гг. и Австрии 1945–1955 гг., а также Вьетнама до 1975 г., что не нарушало Вестфальскую систему, в основе закреплённую в Уставе ООН. С Кореей несколько иное положение.

3. В любом случае кейс Украины не только не является уникальным и не нарушает Вестфальскую систему, а напротив, восстанавливает ее как нарушенную гегемонизмом Запада, элиминировавшим гомеостаз мировой системы. Остальные (незападные) цивилизации (в лице национальной буржуазии и трудящихся) также заинтересованы в многополярном мире, а не в диктате США.

4. Практически исследователями редко замечается, что Россия побеждает на идейном поприще, используя «мягкую силу» в лице отстаиваемых институциональных ценностей (суверенитета государства, традиционных семьи и брака, ориентации на коллективизм и пр.), что является залогом грядущего объединения всех индигенистских сил мира.

Список литературы

1. Беляев В. А. Украина и Турция: поддержка нацизма либерализмом // Россия в пространстве глобальных трансформаций в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике: Междунар. междунауч. конф. «XIX Вавиловские чтения». Йошкар-Ола: ПГТУ, 3-4 дек. 2015 г.

2. Беляев В. А. Генетическое и субстанциональное родство либерализма и нацизма как фактор угрозы безопасности в современном мире // Россия в пространстве глобальных трансформаций в фокусе

наук о человеке, обществе, природе и технике: Междунар. междисц. науч. конф. «XIX Вавиловские чтения». Йошкар-Ола: ПГТУ, 3-4 дек. 2015 г.

3. Беляев В. А. Конвергенция либерализма и нацизма // SocioTime / Социальное время. 2015. № 2 (2). С. 78–83.

4. Беляев В. А. Социальные основы политического режима // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 1 (48). С. 4–11.

5. Беляев В. А., Ахметшина А. А., Сibaева Г. Р. Институциональные ценности демократии vs феминизма, social justice warriors, BLM и «поколения снежинок» // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 3 (54). С. 12–18. DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.12-18

6. Беляев В. А., Ахметшина А. А., Сibaева Г. Р. Социальные ценности демократии и их измерители // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 3 (54). С. 19–25. DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.19-25

7. Беляев В. А., Сibaева Г. Р., Малышева Е. В. Fraternité как один из критериев демократии vs cancel-culture // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 3 (54). С. 26–33. DOI: 10.26907/2079-5912.2022.3.26-33

8. Беляев В. А. Историко-религиозные противоречия между западной и российской цивилизациями // История в движении: воображая, констатируя и управляя (философские и антропологические аспекты): коллективная монография. Казань, 2023. С. 45–53.

9. Biden J. R. A Proclamation on Transgender Day of Visibility. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/03/30/a-proclamation-on-transgender-day-of-visibility/> (дата обращения: 30.03.2023).

10. Беляев В. А., Максимова О. А. Специфика процесса индигенизации поколений полиэтноконфессионального общества // Динамика реальных и условных поколений в информационном, поликонфессиональном обществе. Казань: Бук, 2019. С. 41–58.

11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2017. 640 с.

12. Анпилогов А. Фантомы Вестфальского мира // LiveJournal. 24 июля 2015. URL: <https://alex-anpilogov.livejournal.com/73363.html> (дата обращения: 23.01.2023).

13. Кобзарева Е. И. Россия и Вестфальская система (1648–1686 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 144–165.

14. Лысков Д. История учит Россию не заключать союзов с Европой // ВЗГЛЯД.РУ. 26 сент. 2015. URL: <https://vz.ru/politics/2015/9/26/768832.html> (дата обращения: 23.01.2023).

15. Дьондьёши М. Будущее Европы: на пересечении «Восточных отношений» и упадка Запада // LiveJournal. 6 сент. 2015. URL: <https://peterk2008.livejournal.com/79160.html> (дата обращения: 23.01.2023).

16. Дьондьёши М. Исторические времена Европы // LiveJournal. 12 сент. 2015. URL: <https://novijmir.livejournal.com/444364.html> (дата обращения: 23.01.2023).

Авторская справка

БЕЛЯЕВ Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А. Н. Туполева, г. Казань, Россия. E-mail: vlad_belyaev@list.ru

СИБАЕВА Гульназ Рашитовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры информатики и информационно-управляющих систем, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия. E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

ВОЛКОВ Владимир Русланович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет – КАИ им. А. Н. Туполева, г. Казань, Россия. E-mail: vozt@bk.ru

UDC 316.34; 327

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.67

INDIGENIZATION VS GLOBALIZATION: ELIMINATION OR HOMEOSTASIS OF THE WESTPHALIAN SYSTEM

V. A. Belyaev¹, G. R. Sibaeva², V. R. Volkov¹

¹Kazan National Research Technical University – KAI named after A. N. Tupolev, Kazan (Russia)

²Kazan State Power Engineering University, Kazan (Russia)

Introduction. The purpose of the article is to identify the prospects for the current crisis in international relations, based on an analysis of the social forces interested in overcoming it.

Methods. The main research methods are both general scientific approaches: historical, logical, comparative, nomothetic, method of causal explanation, and specific sociological methods: idiography, qualitative analysis, *Verstehen* method, linguistic method, hermeneutics, methodological subjectivism.

Results. The article highlights the social base of globalization (in the USA - "biological" minorities: wetbacks, femi-Nazi, BLM, LGBT+, radical environmentalists etc.) and the socio-stratification basis of traditionalism (in the USA - WASP, rust-belt residents, rednecks, traditional believers and others), shows the gradual revenge of the "second generation's indigenists" in most countries. Accordingly, Westernism comes in two orientations: "Petrovsky" and "Smerdyakov", i.e. national-oriented and comprador. The authors substantiate the thesis that the Vienna, Versailles, Potsdam, Belovezhskaya and Crimean systems, changing the borders and number of states, do not cancel the Westphalian principles. It is shown that all world systems degraded when the West aspired to monopolarity and pursued an anti-Russian policy.

Conclusion. The world system is more stable under such conditions: a) when it is polycentric; b) when each of the strong civilizations are not cut off the living space, and even more so - part of the territory of civilization itself, and their institutional values are not prohibited; c) when the West does not claim to control any other civilizations. Stabilization of the world system requires a long process of the most important civilizations' indigenization, in which Russia is able to play a leading role.

Key words. Traditionalists. "Biological" minorities. Indigenization vs globalization. Westphal principles. New world order, balance of powers, homeostasis.

References

1. Belyaev V.A. Ukraina i Turtsiya: podderzhka natsizma liberalizmom [Ukraine and Turkey: support for Nazism by liberalism]. Rossiya v prostranstve global'nykh transformatsiy v fokuse nauk o cheloveke, obshchestve, prirode i tekhnike. Mezhdunarodnaya mezhdistsiplinarnaya nauchnaya konferentsiya «XIX Vavilovskie chteniya». Yoshkar-Ola: Povolzhskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet, 3-4 dekabrya 2015.
2. Belyaev V.A. Geneticheskoe i substantional'noe rodstvo liberalizma i natsizma kak faktor ugrozy bezopasnosti v sovremennom mire [Genetic and substantive kinship of liberalism and Nazism as a factor in the threat to security in the modern world]. Rossiya v prostranstve global'nykh transformatsiy v fokuse nauk o cheloveke, obshchestve, prirode i tekhnike. Mezhdunarodnaya mezhdistsiplinarnaya nauchnaya konferentsiya «XIX Vavilovskie chteniya». Yoshkar-Ola: Povolzhskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet, 3-4 dekabrya 2015.
3. Belyaev V.A. Konvergentsiya liberalizma i natsizma [Convergence of liberalism and Nazism]. SocioTime, Sotsial'noe vremya, 2015, no 2(2), pp. 78-83.
4. Belyaev V.A. Sotsial'nye osnovy politicheskogo rezhima [SOCIAL BASICS OF THE POLITICAL REGIME]. The Kazan Social and Humanitarian Bulletin, 2021, no1(48), pp. 4-11.
5. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Institutsional'nye tsennosti demokratii vs feminatsi, social justice warriors, BLM i «pokoleniya snezhinok» [Institutional values of democracy vs feminazi, social justice warriors, BLM and "snowflake generations"]. The Kazan Social and Humanitarian Bulletin, 2022, no 3(54), pp. 12-18. DOI 10.26907/2079-5912.2022.3.12-18

6. Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Sotsial'nye tsennosti demokratii i ikh izmeriteli [SOCIAL VALUES OF DEMOCRACY AND THEIR MEASURERS]. The Kazan Social and Humanitarian Bulletin, 2022, no 3(54), pp. 19–25. DOI 10.26907/2079-5912.2022.3.19-25
7. Belyaev V.A., Sibaeva G.R., Malysheva E.V. Fraternité kak odin iz kriteriev demokratii vs cancel-culture [Fraternité as one of the criteria of democracy vs cancel-culture]. The Kazan Social and Humanitarian Bulletin, 2022, no 3(54), pp. 26–33. DOI 10.26907/2079-5912.2022.3.26-33
8. Belyaev V.A. Istoriko-religioznye protivorechiya mezhdru zapadnoy i rossiyskoy tsivilizatsiyami. Istorija v dvizhenii: voozbrazhaja, konstatirujaja i upravljaja (filosofskie i antropologicheskie aspekty). Kollektivnaja monografija [Historical and religious contradictions between Western and Russian civilizations. History in motion: imagining, ascertaining and managing (philosophical and anthropological aspects). Collective monograph]. Kazan', 2023. С.45-53.
9. Biden J. R. A Proclamation on Transgender Day of Visibility, available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/03/30/a-proclamation-on-transgender-day-of-visibility/> (accessed 30 March 2023).
10. Belyaev V.A., Maksimova O.A. Spetsifika protsessa indigenizatsii pokoleniy polietnokonfessional'nogo obshchestva [Specifics of the process of indigenization of generations of a multi-ethnic confessional society]. Dinamika real'nykh i uslovykh pokoleniy v informatsionnom, polikonfessional'nom obshchestve, Kazan', Buk, 2019, pp. 41-58.
11. Huntington S. Clash of civilizations. M.: Publishing House of AST, 2017. 640 p.
12. Alexey Anpilogov. Phantoms of the World of Westphalia, available at: <https://alex-anpilogov.livejournal.com/73363.html> (accessed 23 January 2023).
13. Kobzareva, E.I. Russia and the Westphalian system (1648-1686). New and Recent History, 2014, no 2, pp. 144-165.
14. Dmitry Lyskov. History teaches Russia not to make alliances with Europe, available at: <https://vz.ru/politics/2015/9/26/768832.html> (accessed 23 January 2023).
15. Marton Diondyoshi. The future of Europe: at the intersection of "Eastern Relations" and the decline of the West, available at: <https://peterk2008.livejournal.com/79160.html> (accessed 23 January 2023).
16. Marton Diondyoshi. Historical times of Europe, available at: <https://novijmir.livejournal.com/444364.html> (accessed 23 January 2023).

Author's Bio

BELYAEV Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University – KAI named after A. N. Tupolev, Kazan, Russia. E-mail: vlad_belyaev@list.ru
 SIBAEVA Gulnaz Rashitovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia. E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru
 VOLKOV Vladimir Ruslanovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kazan National Research Technical University – KAI named after A. N. Tupolev, Kazan, Russia. E-mail: vozzr@bk.ru

Библиографическая ссылка

Беляев В. А., Сibaева Г. Р., Волков В. Р. Индигенизация vs глобализация: элиминация или гомеостаз Вестфальской системы // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 67–79. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.67

УДК 316.346.32-053.6:330.123:330.544

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.80

МОЛОДЕЖНЫЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ: ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

А. Н. Гостев¹, К. П. Ботвиньев^{2,3}, А. А. Бельшев^{2,3}, Э. В. Мосин^{2,4}, А. А. Назимкина^{2,5}

¹Московский государственный лингвистический университет, г. Москва (Россия)

²Московский педагогический государственный университет, г. Москва (Россия)

³Школа № 338, г. Москва (Россия)

⁴Школа № 1573, г. Москва (Россия)

⁵Школа № 2044, г. Москва (Россия)

Введение. В статье представлены результаты конкретного социологического исследования поведения молодежи в сфере потребления общественных благ. Выявлены особенности современного потребления молодежью общественных благ, ее предпочтения и ожидания. Исследование проводилось в 2023 году на эмпирической базе Белгородского государственного национального исследовательского университета, Московского государственного лингвистического университета, слушателей заочного обучения Академии управления МВД России. Применялись теоретические методы (содержательный анализ документов, синтез, моделирование) и эмпирические (опрос экспертов, наблюдение, беседа). Цель исследования – процессуальное обоснование путей регулирования поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-экономической неопределенности, разработка практических рекомендаций федеральным органам исполнительной власти по их реализации.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Потребительское поведение молодежи – процесс, зависящий от множества внутренних и внешних факторов, часть из которых делает его трудно регулируемым. Часть современной молодежи обладает уже сложившейся сознательной системой ценностей, которая уже ограниченно соответствует вековым традициям российского общества, где духовные начала всегда превалировали над материальными потребностями. Большая страта молодежи основным показателем жизненного успеха считает материальные ценности, принимает значение морально-нравственного ресурса. Эти факторы для обеспечения национальной безопасности и становления России как геополитического центра мира должны быть нивелированы.

Заключение. Поведение молодежного потребителя общественных благ обусловлено конкретными социально-экономическими условиями и может быть как рациональным, так и иррациональным. Действенными путями совершенствования потребительского поведения молодежи должны стать: воссоздание, укрепление в образовательных, производственных и иных организациях воспитательных структур; развитие сил и средств общественного контроля работы средств массовой информации, пропаганда здорового образа жизни, ценности семьи, духовности, инициирование создания общественных структур патриотической направленности.

Ключевые слова: молодежь, потребительское поведение, регулирование, общество потребления, социально-экономическая неопределенность, общественно-политические и военные угрозы, идеальные и материальные потребности молодежи, правовое обеспечение, воспитание, общественный контроль.

Введение. Актуальность проблемы состоит в том, что в российском и мировом сообществе наблюдаются хаос, неопределенность перспектив. В общественном сознании – катастрофа, панические настроения, ожидание войны с приме-

нием ядерного оружия. Становится все больше сторонников учения о конце света или конце человечества. Начинают сбываться прогнозы Н. А. Бердяева, изложенные в книге «Судьба человека в современном мире» (1934), который призывал Россию выбрать собственный путь развития, не ориентируясь ни «на капитализм, ни на большевизм». Оказались пророческими его утверждения о том, что у России нет «среднего скромного» пути развития. Россия может быть или великой, или «ничтожеством», небытием. Патриоты начинают продвигать идеи особенности России, которые были сформулированы в древней теории инок Филофея: «Москва – Третий Рим»; «Весь мир во зле и тьме лежит. Одна Русь – царство добра и света!». Оказались неверными теории современных западных «авторитетов» гуманитарной науки Ф. Фукуямы, С. Хантингтона и И. Валлерстайна, предсказывавших «конец истории» и «глобальную катастрофу», если мир после поражения фашизма и коммунизма не встанет на путь либерализма для формирования «постиндустриального общества». Но оказалось, что универсализация западной либеральной демократии как окончательной формы правления – очередная авантюра, новая форма колонизации мира, против которой выступили возродившиеся страны древних цивилизаций.

Результаты анализа научных трудов показывают, что часть авторов убеждена в правильности следующего положения: «сегодня спор идет не между идеологиями, религиями или мировоззрениями, а между различными стратегиями устройства эффективного потребительского общества». Другие ученые уверены в том, что мир не стал свободен от опасности реализации теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона (1927–2008), основанной на факторах культурного характера как источниках конфликтов в мире. Этот исследователь утверждал, что универсальная цивилизация западного типа ни сейчас, ни в обозримом будущем невозможна. В этой связи возникает необходимость по-новому посмотреть на устоявшиеся мнения о соотношении идеального и материального в потребностях современной молодежи.

Известно, что молодые люди (специфическая социально-возрастная группа людей в возрасте от 14 до 30 лет, в некоторых случаях до 35 лет – см. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ), обладая значительной жизненной энергией, но, не имея достаточного жизненного опыта, часто допускают системные ошибки в стратегическом планировании своей деятельности в сфере потребления, поэтому вынуждены рисковать, подвергать себя опасностям, находиться в состоянии готовности к реагированию на многочисленные социально-экономические и иные угрозы. И самое опасное – в молодежных организациях легко провоцируются, организуются и проводятся протестные мероприятия, что является объектом пристального внимания сил и средств цветных революций.

Особенность современного периода развития России заключается в том, что большая часть молодежи, которой априори принадлежит будущее страны, идеализирует показатели жизненного успеха, заключающегося в приобретении исключительно материальных ценностей, не учитывая перспективные жизненные возможности морально-нравственного ресурса как запаса социальной прочности. Это яв-

ление представляет собой стратегическую угрозу национальной безопасности страны, так как молодежь в России – это 24,3 млн человек в возрасте от 15 до 30 лет, что составляет 16,5 % всего населения страны [1]. Другими словами, в ближайшее (тактическое) время – это почти весь мобилизационный ресурс страны для отражения внешней военной агрессии, вероятность которой сейчас высокая.

Априори молодежь отличается высоким уровнем общественно-трудовой активности, что обуславливает возрастание уровня количества и качества их потребностей. Очевидно, что ограничение таких возможностей приводит к росту числа противоправных деяний [2]. Этот факт затрудняет решение проблем патриотического воспитания молодых людских ресурсов государства.

Последние события, обусловленные проведением российскими силовыми структурами специальной военной операции на Украине, состоянием общественной стратегической неопределенности, указали на факт скрытой (давней) переориентации молодежи на предпочтение материальных ценностей. Это опасный путь, так как успеха на нем без психологической направленности молодежи на эгоистическое поведение, следствием которого являются правовые нарушения, не добиться. Результаты наблюдения общественной практики показывают, что установка в жизни на достижение материального благополучия любым путем, пропаганда этого феномена нивелируют как «достойное социальное положение», так и радость от «культурного досуга». Опасность для молодежи заключается в том, что она всегда ищет новое, является противником всего консервативного, мотивирована на перемены. Именно этот факт и становится объектом ведения противником информационной психологической войны. К сожалению, Россия в постсоветское время на этом фронте общественного сознания терпит одно поражение за другим. В структуре сознания большей части молодежи получило приоритеты потребительское материальное поведение.

Исследование проводилось с 15 января по 30 марта 2023 года. **Объект исследования** – молодежь как потребитель общественных благ. **Предмет** – поведение молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-политической неопределенности.

Методы исследования. Применены методы теоретические (содержательный анализ документов, синтез, моделирование), эмпирические (опрос экспертов, наблюдение, беседа). Опрашивались профессорский состав Белгородского государственного национального исследовательского университета, Московского государственного лингвистического университета, слушатели заочного обучения Академии управления МВД России, осуществляющие профессиональную деятельность в различных регионах России. Эксперты ($N = 216$ чел.).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Результаты анализа научных трудов, наблюдений практики позволяют утверждать, что смысл деятельности человека – это обеспечение собственной биологической жизни, то есть организация, производство, приобретение, потребление, сбыт мате-

риальных и идеальных продуктов труда. В настоящее время идеалом жизни нового поколения граждан России становится общество потребления, то есть отношения, основанные на нормах индивидуального стимулирования [3]. Априори активность, эффективность, качество, длительность, прилежность деятельности человека в основном зависят от потребностей организма, наличия разнообразных материальных и моральных ресурсов, спроса. Очевидно, что поведение молодежного потребителя общественных благ обусловлено конкретными социально-экономическими условиями и может быть как рациональным, так и иррациональным [4]. Оно бывает обусловлено правом, модой, престижем, статусом, возрастом, местом проживания, национальностью, религией, традициями и многими другими культурными показателями, стимулами внешней среды [5]. Развитие цифровых информационных технологий приводит к частичной унификации потребления благ молодежью, обусловленной, например, глобализацией моды на жизненные ценности [6].

Новым содержанием феномена «регулирование потребления» в условиях национальной рыночной экономики является его институционализация [7, с. 167]. Например, множатся формальные и неформальные институты производства, сбыта, социологические, маркетинговые организации, занимающиеся исследованием поведения потребителей общественных благ, особенностей пропаганды, агитации (рекламы), жизненных потребностей различных групп и слоев населения, влияния средств массовой коммуникации, сознательного и спонтанного поведения покупателя услуг [8].

Виды, формы, способы, особенности регулирования (управления) потребления общественных благ молодежью в различных ситуациях объективно являются системными направлениями экономических, социологических и других гуманитарных исследований. Так, С. А. Абакумов, А. А. Гостев исследовали особенности регулирования потребления общественных благ молодежью в контексте осуществления контроля различными институтами, силами и средствами гражданского общества [9, 10]; М. С. Шалаев исследовал обеспечение справедливого удовлетворения образовательных потребностей молодежью в контексте профилактики коррупции [11]; А. Н. Гостев, В. А. Черных – стимулирование потребностей молодежи к труду по защите Отечества в войнах XXI в. [8, 12]; Т. С. Демченко, Д. В. Чистяков, А. Н. Гостев – обеспечение потребностей в информационно-психологической защите жизнедеятельности молодежи [13]; Р. Х. Кадыров, О. В. Петрова – удовлетворение потребностей труда молодежи в правоохранительной сфере [14, 15]; М. А. Савина – удовлетворение потребностей труда молодежи в сфере культуры [16]; В. П. Серикова – потребности молодежи в знаниях российских образовательных традиций [17]; И. В. Гайдামашко, А. Н. Гостев, С. Л. Кандыбович, Л. Г. Лаптев – потребности молодежи в совершенствовании эффективности труда [18].

Другими словами, разработка и принятие стратегических решений по регулированию поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-экономической неопределенности – это многосторонний, системный, комплексный управленческий феномен.

Результаты исследования процесса регулирования поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-экономической неопределенности показали, что в нем есть системные проблемы правового, организацион-

ного, пропагандистского, образовательного, воспитательного, методического, научного обеспечения.

По итогам анализа нормативных правовых документов можно утверждать, что в России технологии государственной молодежной политики регулируются комплексом законов, претендующих на статус правового кодекса. В него могли бы войти положения Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», Федеральных законов «О молодежной политике в Российской Федерации», «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [19]. С 2014 г. реализуется государственная правительственная программа «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

В федеральных законодательных органах власти созданы структуры по государственной молодежной политике. Так, в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации работает Комиссия Совета Федерации по делам молодежи и туризму; в Государственной Думе – Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам молодежи.

В структурах исполнительной власти России координацию деятельности в этой сфере осуществляют Министерство образования и науки Российской Федерации и Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Часть таких функций выполняет Министерство спорта, туризма и молодежной политики. На региональном уровне – органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления.

В настоящее время в условиях социально-экономической неопределенности в сфере регулирования поведения молодежного потребителя общественных благ активизировалась деятельность институтов гражданского общества, которые представляют собой систему сил и средств, осуществляющих свою работу в рамках правового поля, но относительно независимо от государственных структур удовлетворяющих специфические потребности различных социальных групп и кругов населения. Такими структурами являются: молодежные объединения, благотворительные организации, женские движения, некоммерческие организации, культурно-просветительные и спортивные общества, воспитательно-педагогические организации, оборонно-патриотические общественные организации, детские и молодежные общественные организации, объединение граждан по месту жительства, общественные органы местного самоуправления и др.

В России создана значительная нормативная правовая база, обеспечивающая регулирование общественных молодежных отношений [19]. Опрос экспертов показал, что проблема регулирования поведения молодежного потребителя общественных благ в условиях настоящей социально-экономической неопределенности регулируется правом на высоком уровне качества (*рис. 1*).

Рис. 1. Оценка экспертами качества нормативного правового обеспечения процесса регулирования потребительского поведения молодежи
 Fig. 1. Assessment by experts of the quality of regulatory legal support for the process of regulating youth consumer behavior

Как известно, одно из главных благ человека – это мирные общественные отношения. В условиях неопределенности в них учащаются конфликты. Анализ результатов опроса экспертов показал, что в поведении части молодежных потребителей общественных благ стали наблюдаться проявления агрессии, неуважение к власти, государству, старшему поколению, институту семьи, нравственности (рис. 2).

Рис.2. Виды опасностей в потребительском поведении молодежи
 Fig. 2. Types of dangers in the consumer behavior of young people

В ходе бесед эксперты свидетельствовали, что «становится больше молодежи, которая напоминает чертополох (колючий сорняк). Корни этого растения находятся в неблагополучных семьях, где у молодежи с раннего возраста деформируется система жизненных потребительских ценностей». Этот чертополох прорастает в коллективах и подавляет все здоровое вокруг, то есть дезорганизует работу. Такой «сорняк» используют в своей деятельности деструктивные силы. Для них он является хорошим «медоносом», т. е. благодатной почвой для создания оппозиционных сил и эффективных средств нанесения поражения оппонентам.

Особую опасность в поведении молодежного потребителя общественных благ в условиях социально-экономической неопределенности представляет показатель «неуважение к государству, власти». Очевидно, что, «потребляя общественные блага», человек обязан защищать тех, кто их создает, организует преумножение, распределение, защиту.

Часть молодых людей уезжает из страны. Считается, что с начала объявления мобилизации страну покинули от 355 000 до 1 000 000 наших сограждан [20].

Из духовных (идеальных) общественных благ, как показали результаты исследования, значительная часть современной молодежи предпочитает свободу, самостоятельность, образование, престиж, работу, отдых, досуг, общение, спорт, здоровье, творчество (рис. 3).

Рис. 3. Оценка экспертами моральных ценностных предпочтений потребительского поведения молодежи

Fig. 3. Evaluation by experts of the moral value preferences of youth consumer behavior

Как видно на рисунке, в перечне духовных ценностей молодежи эксперты не увидели такие ценности, как патриотизм, политика, семья, взаимопомощь. Нет популярности семейных ценностей и творчества.

Наблюдения общественной практики показывают, что в этом нет большой вины молодежи, так как большинство людей всех возрастов стали оценивать своих граждан по объему и качеству потребления (по доходу), а не по духовным качествам. Мораль здесь такова: добиться благ любой ценой, не следуя этическим или нравственным нормам. Люди начинают жить по правилу «заплати, тогда я тебе помогу». Безусловно, есть молодые люди, которые воспитаны на истинно российских традициях. Сегодня они занимают патриотическую жизненную позицию, инициативно решают проблемы страны: добровольно соглашаются участвовать в военной защите государства, работают в добровольных (волонтерских) движениях по реализации социально-значимых проектов [21]. Несомненно, эта часть молодежи является сторонником таких рациональных вечных ценностей, как любовь к людям, вера, семья, трудолюбие, ответственность, прилежность, добро, справедливость, милосердие, уважение к старшим.

Опрос экспертов показал, что в настоящее время наиболее действенными путями совершенствования потребительского поведения молодежи должны стать: воссоздание, укрепление в образовательных, производственных и иных организациях воспитательных структур; развитие сил и средств общественного контроля работы средств массовой информации, пропаганда здорового образа жизни, ценности семьи, духовности, инициирование создания общественных структур патриотической направленности и др. (рис. 4).

Рис. 4. Мнение экспертов о путях совершенствования потребительского поведения молодежи
 Fig. 4. Expert opinion on ways to improve the consumer behavior of young people

Закключение

Основные выводы. Потребительское поведение молодежи – процесс, зависящий от множества внутренних и внешних факторов, часть из которых делает его трудно регулируемым. Исследование показало, что часть современной молодежи обладает уже сложившейся сознательной системой ценностей. К сожалению, она

частично уже не соответствует вековым традициям российского общества, в которых духовные начала всегда превалировали над материальными потребностями. Эти факторы для обеспечения национальной безопасности и становления России как геополитического центра мира должны быть нивелированы.

Практические рекомендации

1. Структурам, обладающим правом законодательной инициативы, предложить:

- разработать систему воссоздания в образовательных, производственных и иных организациях воспитательных структур для работы с молодежью с целью возрождения и укрепления лучших отечественных традиций потребительского поведения;
- совершенствовать правовые условия развития сил и средств институтов гражданского общества по патриотической работе с молодежью.

2. Министерству науки и образования России предложить:

- в ходе государственной аттестации выпускников вузов рекомендовать образовательным организациям повысить уровень требований к качеству воспитания молодежного потребителя;
- организовать информационное обеспечение популяризации участия молодежи в работе организаций общественного контроля;
- обеспечить повышение уровня активности молодежи с патриотической направленностью в работе средств массовой информации, пропаганде здорового образа жизни, ценностей семьи, духовности.

3. Гуманитарным вузам предложить организовать социологические исследования по направлениям:

- особенности потребительского поведения городской молодежи: угрозы национальной безопасности государства;
- правовое обеспечение потребительского поведения молодежи в духовной сфере;
- ценности семьи в потребительском поведении молодежи: инновации и традиции;
- общественный контроль традиций в потребительском поведении молодежи;
- стимулирование позитивного потребительского поведения молодежи;
- институты гражданского общества в системе контроля потребительского поведения молодежи;
- показатели оценки работы федеральных органов исполнительной власти в системе обеспечения позитивного потребительского поведения молодежи.

Список литературы

1. Российская молодежь глазами статистики. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3100470> (дата обращения: 21.02.2023).

2. Гостев А. Н. Совершенствование условий труда сотрудников полиции: социолого-управленческий аспект // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 95–104. DOI: 10.47629/2074-9201_2021_2_95_104
3. Качество столичного образования в оценках основных субъектов образовательного процесса: монография / А. Я. Касюк [и др.]. М.: Русайнс, 2016. 456 с. DOI: 10.15216/978-5-4365-1422-2
4. Гостев А. Н. Отбор граждан на службу в ОВД РФ: социолого-управленческое представление // Вестник Академии права и управления. 2022. № 2 (67). С. 97–106. DOI: 10.47629/2074-9201_2022_2_97_106
5. Кочетов В. В., Гостев А. Н. Социальное проектирование дополнительного образования молодежи в крупном городе. М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2013. 187 с.
6. Семенова В. Г., Гостев А. Н., Хованская О. Н. Трудоустройство молодежи: проблемы, место в системе социальных ценностей // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 1. С. 185–201. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-1-17
7. Иванова О. А., Гостев А. Н., Демченко Т. С. Российские образовательные организации: традиции инновационной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 164–169.
8. Гостев А. Н. Теоретико-методологические основы исследования феномена гибридной войны и проблемы безопасности: результаты анализа цифровых документов // Человеческий капитал. 2019. № 12 (132), ч. 2. С. 126–147.
9. Абакумов С. А. Развитие гражданского общества как фактор оптимизации социального контроля над деятельностью государства в условиях глобализации (Социологический аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 26 с.
10. Гостев А. А. Уголовно-правовые проблемы охраны земли // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2009. № 8 (63). С. 89–96.
11. Шалаев М. С., Гостев А. Н., Демченко Т. С. Бюрократия в системе государственной службы: социолого-управленческий взгляд // Вестник Академии права и управления. 2021. № 3 (64). С. 61–75. DOI: 10.47629/2074-9201_2021_3_61_75
12. Черных В. А. Совершенствование государственного управления подготовкой людских мобилизационных ресурсов в интересах обеспечения военной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. политич. наук. М., 2003. 27 с.
13. Демченко Т. С., Гостев А. Н. Управление информационно-психологической защитой социальной организации: монография. М.: СГА, 2013. 198 с.
14. Кадыров Р. Х., Гостев А. Н., Демченко Т. С. Общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции // Вестник Академии права и управления. 2020. № 4 (61). С. 44–54. DOI: 10.47629/2074-9201_2020_4_44_54
15. Петрова О. В., Гостев А. Н., Демченко Т. С. Внешняя образовательная миграция: проблемы, практика межкультурной коммуникации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 134–145.
16. Савина М. А. Совершенствование системы социального управления учреждениями культуры: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. 27 с.
17. Серикова В. П., Гостев А. Н. Управление высшим образованием: российские традиции. М.: Современная гуманитарная академия, 2016. 189 с.
18. Психология эффективного труда в социальной сфере / А. Я. Анцупов, Т. Н. Березина, В. Б. Бокарева, Е. А. Володарская, И. В. Гайдамашко, А. Н. Глушко, Г. В. Гнездилов, А. Н. Гостев, С. М. Григорьев, М. А. Григорьева, Р. В. Ершова, А. В. Золотухин, С. Л. Кандыбович, В. М. Крук, Л. Г. Лаптев, Н. Д. Лысаков, О. И. Миронова, Г. И. Письменский, Т. В. Разина, Т. В. Смирнова, А. Н. Та-

расов, В. А. Толочек, А. И. Шипилов, В. Н. Ярская-Смирнова. М.: Объединенная редакция, 2019. 621 с.

19. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 20.07.2022).

20. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (дата обращения: 20.07.2022).

21. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный закон от 28 июня 1995 года № 98-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8019> (дата обращения: 20.07.2022).

22. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7877> (дата обращения: 20.07.2022).

23. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11 мая 1995 года № 135-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/8212> (дата обращения: 20.07.2022).

24. О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики: Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1992 года № 1075. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2028> (дата обращения: 20.07.2022).

25. Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2021 года № 3581-р. URL: <http://government.ru/docs/44122/> (дата обращения: 20.07.2022).

26. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р. URL: <http://government.ru/docs/18312/> (дата обращения: 20.07.2022).

27. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р. URL: <http://government.ru/docs/15965/> (дата обращения: 20.07.2022).

28. Кремль оценил число бежавших от мобилизации россиян в миллион человек. Мнение автора об этой цифре. URL: https://dzen.ru/a/YxrpzL2J_CW8rOWq (дата обращения: 31.03.2023).

29. Бодрикова А. В., Гостев А. Н. Социальное управление общественными объединениями инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы. М.: СГА, 2015. 195 с.

Авторская справка

ГОСТЕВ Александр Николаевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры информационной культуры цифровой трансформации Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Россия. E-mail: Gostevan@inbox.ru

БОТВИНЬЕВ Константин Петрович – соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры теоретической и специальной социологии им. М. А. Будановой Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия. E-mail: B.konstant@bk.ru

БЕЛЫШЕВ Александр Александрович – соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры теоретической и специальной социологии им. М. А. Будановой Московского педагогического государственного университета; учитель истории и обществоведения Школы № 338, г. Москва, Россия. E-mail: belyshev.aleksan@mail.ru

МОСИН Эрнест Владимирович – соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры теоретической и специальной социологии им. М. А. Будановой Московского педагогического государственного университета; учитель Школы № 1573, г. Москва, Россия.

E-mail: mosin.ernest@yandex.ru

НАЗИМКИНА Альбина Анатольевна, соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры теоретической и специальной социологии им. М. А. Будановой Московского педагогического государственного университета; методист Школы № 2044, г. Москва, Россия. E-mail: 191180@rambler.ru

UDC 316.346.32-053.6:330.123:330.544

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.80

THE YOUNGEST CONSUMER OF PUBLIC GOODS: BEHAVIOUR IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL UNCERTAINTY

A. N. Gostev¹, K. P. Botviniev², A. A. Belyshev^{2,3}, E. V. Mosin^{2,4}, A. A. Nazimkina^{2,5}

¹*Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)*

²*Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia)*

³*SBEI School No. 338, Moscow (Russia)*

⁴*SBEI School No. 1573, Moscow (Russia)*

⁵*SBEI School No. 2044, Moscow (Russia)*

Introduction. The article presents the results of a specific sociological study of the behavior of young people in the sphere of consumption of public goods.

The features of modern consumption of public goods by young people, their preferences and expectations are revealed. The study was conducted in 2023 on the empirical basis of the Belgorod State National Research University, Moscow State Linguistic University, students of correspondence courses of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Theoretical methods (meaningful analysis of documents, synthesis, modeling) and empirical (expert survey, observation, conversation) were used. The purpose of the study is to provide a procedural justification for ways to regulate the behavior of a youth consumer of public goods in conditions of socio-economic uncertainty, to develop practical recommendations for federal executive bodies on their implementation.

Results. Consumer behavior of young people is a process that depends on many internal and external factors, some of which make it difficult to regulate. Some of today's young people have an already established conscious system of values, which already corresponds to the age-old traditions of Russian society, where spiritual principles have always prevailed over material needs. A large stratum of young people considers material values to be the main indicator of life success, belittles the importance of moral and ethical resources. These factors must be leveled in order to ensure national security and the formation of Russia as the geopolitical center of the world.

Conclusion. The behavior of the youth consumer of public goods is determined by specific socio-economic conditions and can be both rational and irrational. Effective ways to improve the consumer behavior of young people should be: recreation, strengthening of educational structures in educational, industrial and other organizations; development of forces and means of public control over the work of the media, promotion of a healthy lifestyle, family values, spirituality, initiation of the creation of public structures of a patriotic orientation.

Keywords: youth, consumer behavior, regulation, consumer society, socio-economic uncertainty, socio-political and military threats, ideal and material needs of young people, legal support, education, public control.

References

1. *Rossiyskaya molodozh glazami statistiki* [Russian youth through the eyes of statistics]. Available at: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3100470> (accessed 21 February 2023).

2. Gostev A.N., Demchenko T.S., Orlov A.A. Improving the working conditions of police officers: social and managerial aspect. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2021, no. 2 (63), pp. 95–104. In Rus.EDN: SHSXIB. DOI: 10.47629/2074-9201_2021_2_95_104.
3. Kasyuk A.Ya., Anderzhanova G.V., Demchenko T.S., Demchenko M.V., Gostev A.N., Melnichuk A.V., Obratsov I.V., Vinichenko M.V., Polovnev A.V., Primakov V.L., Sablukov A.V., Makushkin S.A., Solovyev S.S., Shalupenko V.V. *Kachestvo stolichnogo obrazovaniya v otsenkakh osnovnykh subyektov obrazovatel'nogo protsessa* [The quality of education in the capital in the assessments of the main subjects of the educational process]. Moscow, Rusayns Publ., 2016. 456 p.
4. Gostev A.N., Demchenko T.S., Lavrov S.S. Selection of citizens for service in the department of internal affairs of the Russian federation: social and managerial representation. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2022, no. 2 (67), pp. 97–106. In Rus. EDN: UEZELK. DOI: 10.47629/2074-9201_2022_2_97_106.
5. Kochetov V.V., Gostev A.N. *Sotsialnoe proyektirovanie dopolnitelnogo obrazovaniya molodezhi v krupnom gorode* [Social design of additional education for youth in a large city]. Moscow, Publishing House of the Modern Humanitarian University, 2013. 187 p. EDN: UEUUYL.
6. Gostev A.N., Semenova V.G., Khovanskaya O.N. Employment of youth: problems, place in system of social values. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2016, no. 1, pp. 185–201. EDN: VOIFEH. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-1-17.
7. Gostev A.N., Demchenko T.S., Ivanova O.A., Demchenko M.V. Russian educational organizations: traditions of innovation activity. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2018, no. 2, pp. 164–169. In Rus.EDN: XUJWBV.
8. Gostev A.N. Theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of hybrid warfare and security problems: the results of the analysis of digital documents. *Human capital*, 2019, no. S12-2 (132), pp. 126–146. EDN: PSSILH.
9. Abakumov S.A. *Razvitie grazhdanskogo obshchestva kak faktor optimizatsii sotsialnogo kontrolya nad deyatel'nostyu gosudarstva v usloviyakh globalizatsii (Sotsiologicheskii aspekt)*. Avtoref. dis. ... kand. nauk [The development of civil society as a factor in optimizing social control over the activities of the state in the context of globalization (Sociological aspect). Author. dis. ... cand. sociological Sciences]. Moscow, 2006. 26 p.
10. Gostev A.A. Ugolovno-pravovye problemy okhrany zemli [Criminal-legal problems of land protection]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo"*, 2009, no. 8 (63), pp. 89–96. EDN: ORMCTP.
11. Gostev A.N., Demchenko T.S., Shalaev M.S. Bureaucracy in the public service: social and managerial view. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2021, no. 3 (64), pp. 61–75. In Rus.EDN: HKPPNG. DOI: 10.47629/2074-9201_2021_3_61_75.
12. Chernykh V.A. *Sovershenstvovanie gosudarstvennogo upravleniya podgotovkoy lyudskikh mobilizatsionnykh resursov v interesakh obespecheniya voennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii*. Avtoref. dis. kand. nauk [Improving the state management of the preparation of human mobilization resources in the interests of ensuring the military security of the Russian Federation: author. dis... cand. political Sciences]. Moscow, 2003. 27 p.
13. Demchenko T.S., Gostev A.N. *Upravlenie informatsionno-psikhologicheskoy zashchitoy sotsialnoy organizatsii* [Management of information and psychological protection of a social organization]. Moscow, SGA Publ., 2013. 198 p.
14. Kadyrov R.Kh., Gostev A.N., Demchenko T.S. Community incentive mechanisms for police officers. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2020, no. 4 (61), pp. 44–54. EDN: PURKSS. DOI: 10.47629/2074-9201_2020_4_44_54.

15. Gostev A.N., Demchenko T.S., Petrova O.V. External educational migration: problems, intercultural communication practices. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 3 (89), pp. 134–145. In Rus. EDN: BRPPGM.

16. Savina M.A. *Sovershenstvovanie sistemy sotsialnogo upravleniya uchrezhdeniyami kultury*. Avtoref. dis.kand. nauk [Improving the system of social management of cultural institutions: Ph.D. dis. ... cand. sociological Sciences]. Moscow, 2007. 27 p.

17. Serikova V.P., Gostev A.N. *Upravlenie vysshim obrazovaniem: rossiyskie traditsii* [Management of higher education: Russian traditions]. Moscow, Modern Humanitarian Academy Publ., 2016. 189 p. EDN: XGTHCR.

18. Antsupov A.Ya., Berezina T.N., Bokareva V.B., Volodarskaya E.A., Gaydamashko I.V., Glushko A.N., Gnezdilov G.V., Gostev A.N., Grigorev S.M., Grigoreva M.A., Ershova R.V., Zolotukhin A.V., Kandybovich S.L., Kruk V.M., Laptev L.G., Lysakov N.D., Mironova O.I., Pismenskiy G.I., Razina T.V., Smirnova T.V., Tarasov A.N., Tolochek V.A., Shipilov A.I., Yarskaya-Smirnova V.N. *Psikhologiya effektivnogo truda v sotsialnoy sfere* [Psychology of effective work in the social sphere]. Moscow, United edition Publ., 2019. 621 p. EDN: SKIVHG.

19. *O molodezhnoy politike v Rossiyskoy Federatsii* [About the youth policy in the Russian Federation]. Federalny zakon ot 30 dekabrya 2020 goda no. 489-FZ [Federal Law of December 30, 2020 no. 489-FL]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (accessed 20 July 2022).

20. *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii* [On education in the Russian Federation]. Federalny zakon ot 29 dekabrya 2012 goda no. 273-FZ [Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FL]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (accessed 20 July 2022).

21. *O gosudarstvennoy podderzhke molodezhnykh i detskikh obshchestvennykh obedineniy* [About the state support of youth and children's public associations]. Federalny zakon ot 28 iyunya 1995 goda no. 98-FZ [Federal Law of June 28, 1995 No. 98-FL]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8019> (accessed 20 July 2022).

22. *Ob obshchestvennykh obedineniyakh* [About public associations]. Federalny zakon ot 19 maya 1995 goda no. 82-FZ [Federal Law of May 19, 1995 No. 82-FL]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7877> (accessed 20 July 2022).

23. *O blagotvoritelnoy deyatel'nosti i dobrovolchestve (volonterstve)* [On charitable activities and volunteering (volunteering)]. Federalny zakon ot 11 maya 1995 goda no. 135-FZ [Federal Law of May 11, 1995 No. 135-FL]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/8212> (accessed 20 July 2022).

24. *O pervoocherednykh merakh v oblasti gosudarstvennoy molodezhnoy politiki* [About priority measures in the field of the state youth policy]. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 16 sentyabrya 1992 goda no. 1075 [Decree of the President of the Russian Federation of September 16, 1992 No. 1075]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2028> (accessed 20 July 2022).

25. *Dolgosrochnaya programma sodeystviya zanyatosti molodezhi na period do 2030 goda* [Long-term program to promote youth employment for the period up to 2030]. Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 14 dekabrya 2021 goda no. 3581-r [Decree of the Government of the Russian Federation of December 14, 2021 No. 3581-r]. Available at: <http://government.ru/docs/44122/> (accessed 20 July 2022).

26. *Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [On the approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025]. Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 29 maya 2015 goda no. 996-r [Decree of the Government of the Russian Federation dated May 29, 2015 No. 996-r]. Available at: <http://government.ru/docs/18312/> (accessed 20 July 2022).

27. *Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025]. Rasporyazhenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 29 noyabrya 2014 goda no. 2403-r

[Decree of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2014 No. 2403-r]. Available at: <http://government.ru/docs/15965/> (accessed 20 July 2022).

28. *Kreml otsenil chislo bezhavshikh ot mobilizatsii rossiyan v million chelovek. Mnenie avtora ob etoy tsifre* [The Kremlin has estimated the number of Russians fleeing the mobilization at one million people. The author's opinion about this figure]. Available at: https://dzen.ru/a/YzxpzL2J_CW8rOWq / (accessed 31 March 2023).

29. Bodrikova A.V., Gostev A.N. *Sotsialnoe upravlenie obshchestvennymi obedineniyami invalidov vsledstvie boevykh deystviy i voennoy travmy* [Social management of public associations of disabled people due to military operations and military trauma]. Moscow, SGA Publ., 2015. 195 p.

Author's Bio

GOSTEV Alexander Nikolaevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Culture of Digital Transformation, Moscow State Linguistic University, Moscow. E-mail: Gostevan@inbox.ru

BOTVINIEV Konstantin Petrovich – applicant for the degree of Candidate of Sociological Sciences, Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova of the Moscow State Pedagogical University. E-mail: B.konstant@bk.ru

BELYSHEV Alexander Alexandrovich – applicant for the degree of Candidate of Sociological Sciences of the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, teacher of history and social science of school No. 338. E-mail: belyshev.aleksan@mail.ru

MOSIN Ernest Vladimirovich – applicant for the degree of Candidate of Sociological Sciences of the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, SBEI School No. 1573, teacher. E-mail: mosin.ernest@yandex.ru

NAZIMKINA Albina Anatolyevna – applicant for the degree of Candidate of Sociological Sciences of the Department of Theoretical and Special Sociology named after M.A. Budanova, SBEI School No. 2044, methodologist. E-mail: 191180@rambler.ru

Библиографическая ссылка

Гостев А. Н., Ботвиньев К. П., Бельшев А. А., Мосин Э. В., Назимкина А. А. Молодежный потребитель общественных благ: поведение в условиях социально-политической неопределенности // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 80–94. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.80

УДК 316.023.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.95

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ФРУСТРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПЛЮРАЛИЗМА

Л. И. Грошева¹, И. Л. Грошев¹, И. А. Грошева²

¹Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень (Россия)

²Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры», г. Тюмень (Россия)

Введение. В статье рассмотрена проблема восприятия молодыми людьми перспективы конструирования межличностных отношений. Анализ феномена обусловлен устойчивым снижением продолжительности брака в молодёжной среде, а также ростом востребованности одиночества в качестве предпочитаемого образа жизни. Предмет анализа представлен проблематикой конструирования системы межличностных отношений, которые реализуются в значительной мере посредством дистанционных технологий, деформирующих установки, которые могут быть сформированы только в ходе непосредственного взаимодействия. С другой стороны, рассматривается воздействие высоко рискованной социальной среды, которая в совокупности с геополитическими угрозами формирует предпосылки для асоциальности.

Методы. Исследование феномена производилось посредством системного подхода. Для оценки количественных параметров был применён метод контент-анализа (по методике А. Н. Алексеева), в рамках которого были проанализированы востребованные источники данных, посвящённые различным типам межличностных отношений. Единицы анализа были отобраны посредством привлечения экспертов в области социальной психологии. Метод анкетирования позволил произвести оценку реакции молодёжи на систему цифрового информирования, степень усвоения данных и присвоения стороннего опыта и знаний. Для уточнения ряда параметров была применена методика фокус-группового интервью, предоставившего качественные параметры системы восприятия исследуемой совокупности.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В ходе исследования, проведённого методом контент-анализа, фокус-групп и массового опроса, авторы статьи демонстрируют основные тренды, побуждающие молодых людей отказываться от длительных форм межличностного взаимодействия в пользу личного комфорта и социальной тишины. В связи с этим предлагается несколько вероятных трендов развития современной молодёжи.

Заключение. Полученные данные позволили диагностировать наличие фрустрации в установках молодых людей относительно взаимодействия, требующего эмоционального участия и включения. Перегруженность социальными контактами в рамках трудового процесса, системы обучения и виртуальной коммуникации сформировала установки на отторжение близких социальных контактов, необходимость реализации самозащиты путём увеличения личных границ.

Ключевые слова: гендерные установки, межличностное взаимодействие, планирование жизни, социальная среда семьи, ожидания молодёжи.

Введение. Современное общество предоставляет молодым людям условия широкого выбора допустимых моделей поведения. Если азиатские традиции в значительной мере остаются номинально консервативными, то европейские нормы претерпели ряд изменений, существенно расширивших возможные пути построения

межличностных интеракций. Несмотря на позиционирование увеличения степени свободы самореализации молодёжи, в том числе в их межличностном взаимодействии, фактическое многообразие содержит в себе ряд рисков, обусловленных недостаточным объёмом накопленного жизненного опыта и навыков, обеспечивающих наиболее оптимальный выбор.

Вторым необходимым к рассмотрению аспектом является дестабилизация самой социальной среды, которая происходит в условиях геополитической поляризации, дивергенции доходов и материального благополучия, идеологического противостояния ценностных суперсистем европейского и азиатского сообществ [1, с. 97]. Острота столкновения в значительной мере проявляется ввиду глобализационных процессов, активизирующихся в виртуальном информационном пространстве, которое не только формирует условия перманентного выбора, но и создаёт необходимость периодического переосмысления выбранной жизненной траектории.

Предполагается, что указанные тенденции формируют у молодых людей повышенную тревожность и ощущение постоянного риска не только для реализации собственных планов, но и для существования как такового. Ввиду невозможности долгосрочного планирования их ожидания от межличностного взаимодействия приобретают всё более дискретный и кратковременный характер [2, с. 568]. Результирующий фактор взаимодействия рассматривается в наиболее очевидном и моментном проявлении. По этой причине авторы рассматривают высокую вероятность разрушения традиционных форм взаимоотношений и их трансформацию в поляризованные формы интеракций с минимизацией психоэмоциональной включённости и социальных усилий. Изучение данной проблемы необходимо для определения перспектив социально-демографических процессов, обусловленных как снижением мотивации молодёжи к созданию длительных форм отношений (в том числе брака), так и высокой склонностью к миграции ввиду уменьшения фактора самоидентификации с определённым сообществом или локацией.

Трансформация традиционных форм межличностного взаимодействия, выраженного в форме дружбы, товарищества, семьи, группы по интересам, в значительной мере характеризуется социальным отчуждением, обусловленным развитием информационного общества с превалированием дистанционных форм коммуникации [3, р. 82].

Сторонники теории общества сетевых структур рассматривают процесс социального отчуждения как побочный эффект чрезмерного взаимного проникновения культурных кодов ввиду их слияния в рамках единого цифрового пространства. Идея глобальной деревни М. Маклюэна представляла межличностное взаимодействие в цифровом пространстве как возможность ощущения единства, реализуемое через условное сжатие мирового пространства до доступного для анализа цифрового массива. Имитация непосредственной близости происходящих явлений (благодаря широкому использованию графических и видеоматериалов) формирует расширен-

ный формат межличностных отношений, когда у молодёжи создаётся ощущение включённости в жизнь территориально отдалённых людей (блогеров или иных медиа-инфлюэнсеров) и событий, характерных для сообществ иного культурного кода [4, с. 5]. По этой причине предполагался рост толерантности, взаимной информированности и активной социальной включённости. Однако на практике зачастую реализовывался обратный эффект, который был обозначен исследователем как «абсолютное несогласие по всем вопросам», что представляет для молодёжи массив противоречивой информации, в условиях которой затруднительно реализовывать стратегические решения [5, р. 26]. Таким образом, столкновение молодых людей со множеством антагонистически настроенных сообществ может стимулировать как выбор определённой позиции (по субъективным предпочтениям или объективной оценке), так и оппортунистический принципиальный отказ от него, даже при очевидном негативном исходе подобной позиции.

М. Кастельс в теории общества сетевых структур определил техничность и отчуждение настоящих эмоций собеседников, которые усиливаются ввиду отсутствия возможности компенсировать недостаток содержательности текстового выражения позиции невербальными ресурсами [6, с. 73]. По этой причине молодые люди в построении межличностных отношений в большинстве случаев ограничены виртуальной коммуникацией, депривирующей эмоциональную близость и формирование навыков контактного взаимодействия, либо подсознательно осуществляют трансфер наиболее актуализированных моделей взаимодействия в реальную жизненную практику.

Указанную проблему на примере современных социальных феноменов выявили также М. М. Скибицкий и Л. А. Бобова. Первый исследователь определил возрастающую роль экономических критериев и подходов в реализации межличностного взаимодействия, которые являлись непосредственным результатом цифровизации взаимодействия [7, с. 64]. По этой причине основными трендами в трансформации отношений, по его мнению, должны быть: кратковременность, высокая субъективная выгода, перспективность в гипотетическом выражении (возможность использования в личных целях). Л. А. Бобова, в свою очередь, отмечала проблему постепенной деградации навыков социального взаимодействия в разрезе молодёжной среды. В её исследованиях отмечалось интенсивное сокращение социального капитала молодёжи, что, в свою очередь, фактически снижало не только текущее качество жизни молодых людей, но и сокращало доступ к ресурсам и перспективным вариантам карьерной и профессиональной стратегии [8, с. 214].

Снижение способности к длительным устойчивым социальным контактам также подтверждается современными европейскими и азиатскими исследователями. Следует отметить, что между европейской и восточноазиатской научными парадигмами, относительно специфики развития современного межличностного взаимодействия в молодёжной среде, наблюдается ряд принципиальных различий.

К. Костениус и Е. Алерби отмечают значительное снижение эмоциональных форм проявления в ходе межличностной коммуникации ввиду актуализации дистанционных методов обучения. Специфическими аспектами в рассмотрении остаются способы и методы компенсации дисфункциональности содержательного общения. Согласно данным исследователей объём социальной контактности в среднем для молодого человека в цифровой среде в 2,25 раза превышает показатели реального взаимодействия. Однако в то же время на 15–20 % (в зависимости от гендерной идентичности) снижается глубина контактов – количество и интимность поднимаемых к обсуждению вопросов. Также сокращается средний уровень продолжительности поддержания стабильных контактов (не реже трёх раз в неделю) – у погружённых в цифровую среду молодых людей эта способность ниже на 16 % [9, р. 123]. Таким образом, статистически обосновано снижение уровня эмоциональной включённости в общение как по причине многочисленности контактов, так и ввиду отсутствия возможности непосредственного контакта.

Сообщество исследователей азиатского региона рассматривает плюралистическую дистанцированную коммуникационную среду как источник базовых социально-демографических рисков: падения рождаемости, снижения количества семей, увеличения частоты перманентной миграции и распространения суицидального поведения [10, р. 201]. Группа исследователей университета Чэнду по результатам серии социально-психологических исследований определила высокий уровень фрустрации молодых людей в определении предпочтительных форм социального взаимодействия, а также снижение эмпатии в общении в рамках первичных и малых групп [11, р. 495]. Позиция учёных опирается на непосредственную корреляцию вовлечённости молодёжи в цифровое пространство и предпосылок к выбору одиночества, максимизации сокращения эффективных социальных контактов. В рамках причин подобного феномена определены социальная усталость от интенсивного общения, а также недостаточная мотивация к межличностному взаимодействию ввиду доступности иных, бесконтактных форм достижения успеха или планируемых действий (удалённые формы работы, доставки продуктов, обучения и пр.).

Представители научного сообщества Малайзии дополняют совокупность негативных факторов проблемой превалирования рискованного контента в информационном пространстве [12, р. 141]. Одним из главных вызовов для современного общества они предполагают наличие включённости разного рода агентов влияния, которые осознанно конструируют информационное пространство с целью формирования ряда социальных установок. Указанная проблема может усугубляться тем фактом, что позиции подобных заинтересованных субъектов могут носить противоположный характер. По этой причине поле данных наполняется комплексами и массивами, антагонистичными по содержанию, но равноценными по силе аргументации и манипулятивному воздействию, что имеет фрустрирующее воздействие на неопределившихся с позицией читателей.

Таким образом, анализ классических и современных подходов к проблемам межличностных отношений в условиях цифровизации позволяет утверждать наличие ряда тенденций.

1. Молодые люди в значительной мере склонны рассматривать отношения и межличностное взаимодействие с точки зрения практической пользы и применимости для их субъективных целей.

2. Отношения рассматриваются преимущественно в краткосрочной перспективе, что депривирует формирование установок на создание семьи, рождение детей и иные действия, обусловленные необходимостью построения стратегического плана.

3. В структуре отношений снижается эмоциональная составляющая, что обуславливается повышением доли удалённых форм взаимодействия, а также затруднительностью в определении рациональной модели допустимого поведения.

4. Молодые люди в условиях многочисленных вариантов социального поведения могут не только ощущать свободу и широкий выбор возможностей, но и испытывать ощущение фрустрации или протеста, стимулирующее отказаться от выбора и включённости в феномен (семью, дружеский коллектив) в целом.

Методы исследования. Проведённый теоретический анализ определил цель исследования, которая заключалась в выявлении ожиданий и установок в сфере межличностных отношений в молодёжной среде. Для сужения предмета исследования было отобрано несколько форм отношений: семейные, дружеские, деловые, нейтрально-поверхностные (стихийные). Учитывая комплексный характер формирования феномена, изучение реализовывалось посредством трёх методов.

В рамках контент-анализа (N=247 источников объёмом не менее 2 000 знаков) были рассмотрены статьи, публикуемые в социальных сетях и сообществах, ориентированных на молодёжную аудиторию с охватом читателей не менее 300 тыс. человек (Пикабу, Злой психолог и пр.). При отборе не рассматривались специализированные сообщества, посвящённые вопросам материнства, воспитания детей, т. к. подавляющая доля их участников обладает специфическим опытом, который должен учитываться дифференцированно.

Единицами счёта были обозначены слова и устойчивые словосочетания. В качестве смысловых единиц анализа выступили маркеры, характеризующие устойчивое межличностное взаимодействие (семья, семейные узы, любовь, партнёрские отношения, дружба, дружеская помощь и пр.). Отбор единиц анализа осуществлялся посредством двух методик: анализа экспертным сообществом (12 экспертов) и качественного контент-анализа научных статей, опубликованных в течение 2020–2022 гг. (N=64 статьи).

Изучение позиции молодёжи в количественном выражении было реализовано на основе анкетирования, в котором приняли участие 844 человека в возрасте 18–35 лет. В качестве критериев отбора выступили следующие параметры: включение в виртуальную среду на ежедневной основе не менее 4 часов; наличие опыта взаимо-

действия с партнёром в рамках дружеских, любовных и деловых отношений (не менее 10 взаимодействий на каждую группу отношений).

Для выявления качественных аспектов проблемы были проведены уточняющие фокус-группы (N=27 групп по 5–7 человек). Для участия в фокус-группах были отобраны молодые люди в возрасте 18–35 лет с соблюдением тех же критериев отбора, которые предъявлялись в ходе анкетирования. По возможности привлекались в том числе участники массового опроса.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Проблема формирования взаимоотношений оптимальной структуры рассматривается молодыми людьми как одна из наиболее острых проблем современного общества. Этот факт подтверждается не только непосредственными результатами исследования, но и высоким уровнем отклика респондентов на участие в исследовательской работе и последующим ознакомлением с её результатами.

Оценка различных видов межличностного взаимодействия молодыми людьми производится дифференцированно. Так, семейные формы отношений оцениваются, как находящиеся на деструктивной стадии развития (34,7 %). Среди оценок участников фокус-групп превалировало мнение о низких шансах создать семью на длительное время. Причины данной проблемы рассматриваются в разрезе диспропорций личностных ожиданий, в рамках которых каждый предполагает приоритет личного удовольствия над компромиссом и консенсусом. Также молодые люди склонны недооценивать функции морально-психологической поддержки в рамках данного социального института. 23,4 % высказались в пользу вероятного отказа от семьи как таковой ввиду увеличения проблем, связанных с обеспечением совместного проживания, разрешением конфликтов и поиска общих целей и интересов. 32,8 % опрошенных заявили о невозможности подбора партнёра, так как большое количество вариантов их поиска и самих вариантов (к примеру, в рамках сайтов знакомств) вызывает у них ощущение фрустрации и апатии. Недостаточный уровень понимания собственных интересов и потребностей блокирует их поисковые запросы и когнитивную активность в данном направлении.

Заслуживает внимания тот факт, что соотношение молодых людей, имевших ранее опыт семейных отношений и не имевших такового, находится в статистически равных долях. Подобные ожидания во многом поддерживаются информационной средой. В среднем в течение месяца соотношение статей положительной и негативной коннотаций составляет 1:4. За исследуемый период информационные сводки, представляющие семью исключительно с отрицательной стороны (без указания положительных свойств), составляют 19,2 %, в то время как статьи, содержащие только достоинства семейных отношений, составили лишь 8,3 % от изучаемой совокупности. Подобное соотношение объяснимо двумя причинами. Во-первых, негативно окрашенная информация привлекает больший объём целевой аудитории (ввиду ес-

тественных биологических установок). Во-вторых, описание негативных ситуаций в 1,5–2 раза превышает по объёму положительные статьи, а также содержит больше эмоциональных конструкторов, что увеличивает долю просмотров.

Системной проблемой являются размывание понимания границ семейных отношений и смешивание их с другими формами. Треть молодых людей по-прежнему не рассматривает в качестве семьи конкубинат и по этой причине оценивает так называемые гражданские браки как форму любовных или деловых связей. Вторая особенность обусловлена размыванием ролей и гендерной структуры в семейном взаимодействии. Следует подчеркнуть тот факт, что у тех молодых людей, которые рассматривали отсутствие распределения ролей в семье (абсолютная эгалитарность или полная взаимозаменяемость), наблюдалась большая доля сторонников внесемейного существования (диагностирована разница на 16,3 %). В качестве причин упадка семьи молодые люди рассматривают отсутствие желания иметь детей, риски корыстного интереса со стороны партнёра, а также вероятность конфликтов с партнёром или его родственниками. Последний компонент присутствует в равных долях как среди тех, кто имеет негативный опыт взаимодействия с ближайшим окружением партнёра, так и среди тех, кто с подобным не сталкивался. Полученный результат возможно объяснить высокой популярностью подобного вопроса среди информирования в сообществах коллективного авторского типа (блогосфера и микроблогосфера).

Определение границ и критериев дружеской формы отношений вызывает у молодых людей наибольшие затруднения. В качестве критериев дружбы молодые люди определили: взаимопомощь, регулярное общение, возможность откровенных разговоров и сохранение личной информации. Однако сам факт существования дружбы в современном обществе подвергается сомнению. 42,7 % респондентов утверждали, что дружба как феномен прекратила своё существование. 18,1 % отметили невозможность факта женской дружбы, 29,3 % указали отсутствие вероятности дружеских отношений между мужчиной и женщиной. В описании феномена в рамках фокус-групп дружеское взаимодействие либо сводилось к деловому партнёрству, либо включало в себя компоненты любовной связи. В чистой форме молодые люди не смогли чётко сформулировать границы понятия. Тем не менее респонденты утверждают, что в большинстве случаев сталкивались с негативными для себя последствиями дружбы (41,4 %), в то время как исключительно положительные эмоции высказали лишь 18,2 %. В целом молодые люди самокритичны к собственным возможностям поддерживать дружбу. 39,4 % признались, что не могут поддерживать регулярное общение с друзьями по субъективным причинам (эмоциональное выгорание, зависть, низкая приоритетность в системе ценностей), каждый пятый сообщил, что стремился ориентироваться более на личный интерес, чем на поддержание дружеских отношений. 9,2 % признались в поступках, которые в рамках дружбы не являются социально одобряемыми. При этом молодые люди полагают, что отсутст-

вие дружбы не повлияет существенным образом на качество жизни, так как, по их мнению, многие социальные функции заменены другими институтами и в некотором роде – искусственным интеллектом.

Оценивая качество информационного массива, следует отметить, что существует гендерная дивергенция в описании опыта дружеских отношений. При сравнении текстов, описывающих мужскую дружбу, соотношение положительного и негативного контентов составляет 39,2 % к 60,8 %, в то время как описание женской системы взаимодействия характеризуется соотношением 15,3 % к 84,7 %. При этом положительная оценка женской дружбы представлена только у авторов-женщин (оцениваются массивы, где гендерная идентификация была определена). В целом частота встречаемости описания феномена дружбы заметно уступает другим формам отношений. Доля феномена в системе информирования составляет 14,1 %.

В качестве причин утраты дружбой своей привлекательности молодые люди отметили отсутствие чёткого понимания системы данных взаимоотношений. Таким образом, в ходе бесед чётко определялась разница в ожиданиях не только по гендерному, но и возрастному признаку (различия наблюдались между работающей молодёжью и учащимися вузов). Второй проблемой разрушения института дружбы был обозначен рост затрат на её поддержание в условиях высокой занятости и интенсивности обучения. Молодые люди отмечают, что в значительной доле случаев по мере выхода на работу их друзья были заменены на коллег, с которыми присутствует граница формальных отношений (отсутствие или ограниченность контактов вне работы, ориентация на профессиональное общение или оценку внутренней и внешней среды компании-работодателя). Молодые люди старшей категории (после 23 лет) сталкиваются с проблемой поиска друзей. При этом данный факт характерен и для тех, кто по роду деятельности занят на должностях, сопряжённых с большим объёмом социальных контактов.

Нейтральные формы отношений, характеризующиеся случайным столкновением, стечением обстоятельств, являются разновидностью кратковременного взаимодействия. Если в изначальной гипотезе данная форма не включалась в исследуемый феномен, то в ходе пилотажного контент-анализа и беседы с экспертами было определено, что в современной коммуникативной практике она имеет достаточное значение для целевой аудитории молодёжных сообществ.

В информационном поле нейтральные отношения описываются преимущественно с конструктивной стороны (44,2 % статей характеризуются положительной коннотацией). Наиболее распространённой темой является случайная или осознанная помощь стороннего человека (51,5 %). В 27,3 % статей отмечается отсутствие какой-либо информации об источнике помощи, по этой причине статьи сопровождаются одобрительными высказываниями в отношении неизвестного. 14,9 % статей раскрывают феномен помощи, оказанной автором публикации незнакомым людям. Исходя из большого количества комментариев под подобными новостными сводка-

ми, потребность в данном контенте среди молодёжи достаточно высока. Если рассматривать соотношение положительных и негативных комментариев, то подобные сведения характеризуются самым высоким показателем положительных отзывов. Если в оценке семейных форм наблюдается высокая доля отрицательной рефлексии (от 32,4 % до 71,4 % в зависимости от содержательной структуры статьи), то нейтральные формы взаимодействия характеризуются превалированием положительных или нейтральных (позиционных) оценок. Таким образом, подобные факты рассматриваются опрошенными как вера в человечество в целом в отрыве от личностно-ориентированного взаимодействия.

Оценка деловых отношений характеризуется более паритетным соотношением в разрезе системы информирования. Тексты, позиционирующие положительные и отрицательные аспекты деловых интеракций, находятся примерно в равном соотношении (перевес в сторону негативной коннотации составляет 2,8 %). Конструктивный взгляд на реализацию взаимовыгодного партнёрства высказали и респонденты. 42,5 % опрошенных имели положительный опыт реализации делового взаимодействия, и лишь 13,2 % сталкивались исключительно с отрицательной стороной вопроса. Основными направлениями подобных отношений выступили: ретранслирование опыта, обучение, финансовая помощь, расширение социального капитала (эффективных контактов). При этом каждый третий опрошенный в ближайшие 3–5 лет предпочитает расширение и углубление деловых связей. Причиной востребованности данного типа взаимодействия участники фокус-групп посчитали наличие непосредственной пользы относительно краткосрочного наступления положительного эффекта или результата. Также молодые люди отметили, что в рамках взаимовыгодного партнёрства в большинстве случаев отсутствуют ожидания относительно характеристик личности партнёра, а в меньшей степени привлекают внимание моральные обязательства, превышающие условия установленного сотрудничества. В целом молодые люди продемонстрировали готовность расширения взаимодействия, которое не предполагает эмоционального включения или длительного поддержания контакта.

Заключение. Исследование позволило определить высокую востребованность контактов, которые минимизируют уровень эмоционального включения и ориентируются на краткосрочный период. Изоляция при удалённой работе также негативно сказывается на возможности поиска друзей, партнёров, как и излишне насыщенная контактная деятельность. Усталость от контактирования в рамках трудового процесса или обучения существенно сокращает интенции укрепления морально-психологического взаимодействия с близким окружением, что в целом разрушает эффективность первичных групп в процессе социализации и адаптации человека в рамках малых групп и сообществ по интересам.

Особенность оценки делового взаимодействия заключалась в частотности упоминания молодёжью невозможности поддержания более тесных и эмоционально насыщенных контактов. Если в рамках опроса молодые люди не смогли опреде-

литься с базовыми предпосылками указанного выбора, то работа в фокус-группах позволила выявить несколько базовых положений.

Молодые люди испытывают на себе повышенную информационную нагрузку. Ввиду разнородности и интенсивности обновления виртуального пространства они не успевают сформировать собственную позицию или дать оценку конкретному явлению. Этот факт подтверждается высоким уровнем смещения в их восприятии событий политической, социальной и экономической жизни общества за последние 10 лет. Гипернасыщенность данными приводит к внутреннему протесту и отказу от их анализа. По этой причине молодые люди склонны выбирать «социальную тишину» для восстановления морально-психологического равновесия. Этот факт стимулирует сокращать взаимодействие, требующее эмоциональной отдачи.

Кумулятивный опыт молодых людей основан не только на собственном опыте и практиках ближайшего окружения, но и на совокупном переживании анонимных информационных сообществ. Молодые люди сознательно (или в ряде случаев неосознанно) присваивают себе опыт взаимодействия, взятый из системы информирования. Проблема процесса присвоения заключается в том, что сами данные формируются анонимными пользователями и могут выступать в качестве исключительно авторского вымысла. По этой причине происходят учёт и анализ ложных результатов взаимодействия. Также отсутствие собственных эмоций и рефлексии по поводу анонимного опыта не формирует у молодёжи каузальных связей, позволяющих решать проблему и избегать подобных последствий, то есть формируется дисфункциональный фантомный опыт.

Установка на сокращение эмоционально насыщенных контактов в среднесрочном периоде может привести к массовой эксклюзии молодых людей из социально-активной жизни. Также указанные установки характеризуют устойчивый тренд разрушения первичных групп и расширение влияния больших неперсонифицированных сообществ. С одной стороны, данный факт обусловлен естественными причинами виртуализации социальных контактов. С другой стороны, отсутствие у молодёжи достаточных навыков саморегуляции и самоконтроля может привести к актуализации феномена одиночества с вероятными негативными результатами его распространения.

Список литературы

1. Двое в обществе: интимная пара в современном мире / В. И. Ильин [и др.]; под науч. ред. И. В. Ломакина. М.: ВЦИОМ, 2020. 640 с.
2. Панкратова Л. С. Романтические отношения современной российской молодежи в цифровую эпоху // материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «XIII Ковалевские чтения «Молодежь XXI века: образ будущего». Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г. / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 568–569.
3. House-Peters, L., Del Casino, V., Brooks, C. Dialogue, inquiry, and encounter: Critical geographies of online higher education // Progress in Human Geography. 2019. Vol. 43 (1). Pp. 81–103. DOI: 10.1177/0309132517735705

4. Швецова А. В. Виртуализация приватности как элемент нового гендерного порядка // Цифровая социология. 2022. № 5 (3). С. 4–13.
5. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Front Cover. University of Toronto Press, 1966. 293 p.
6. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
7. Скибицкий М. М. Информационная эпоха и новая экономика в трудах Мануэля Кастельса // Мир новой экономики. 2015. № (4). С. 62–68.
8. Бобова Л. А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 213–220.
9. Kostenius C., Alerby E. Room for interpersonal relationships in online educational spaces – a philosophical discussion // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2020. Vol. 15, sup. 1. Pp. 123–134. DOI: 10.1080/17482631.2019.1689603
10. Lou N. M., Li L. M. W. Interpersonal relationship mindsets and rejection sensitivity across cultures: The role of relational mobility // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 108. Pp. 200–206. DOI: 10.1016/j.paid.2016.12.004.
11. Hao Q, Peng W, Wang J, Tu Y, Li H, Zhu T. The Correlation Between Internet Addiction and Interpersonal Relationship Among Teenagers and College Students Based on Pearson's Correlation Coefficient: A Systematic Review and Meta-Analysis // Front. Psychiatry. 2022. Vol. 13. Pp. 494–501. DOI: 10.3389/fpsy.2022.818494
12. Ades A., Omar S. Z., Binti W. A. Taxonomy, motivation, open challenges and future recommendations // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research (IJSBAR). 2018. Vol. 42 (4). Pp. 131–143.

Авторская справка

ГРОШЕВА Любовь Игоревна – кандидат социологических наук, доцент, Тюменское высшее военное инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия. E-mail: malivia@rambler.ru

ГРОШЕВ Игорь Львович – кандидат социологических наук, доцент, профессор, Тюменское высшее военное инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия. E-mail: grosh@nextmail.ru

ГРОШЕВА Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой, Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры», г. Тюмень, Россия. E-mail: grosh@nextmail.ru

UDC 316.023.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.95

THE NEW REALITY OF CONTEMPORARY INTERPERSONAL RELATIONS: FRUSTRATION IN THE CONDITIONS OF PLURALISM

L. I. Grosheva¹, I. L. Groshev¹, I. A. Grosheva²

¹Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov, Tyumen (Russia)

²Branch of the Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Institute of Business Career", Tyumen (Russia)

Introduction. The article deals with the problem of young people's perception of the prospect of constructing interpersonal relationships. The analysis of the phenomenon is due to a steady decrease in the duration

of marriage among young people, as well as an increase in the demand for loneliness as a preferred way of life. The subject of analysis is presented by the problems of designing a system of interpersonal relations, which are implemented to a large extent through remote technologies that deform the actual image of a partner, as well as attitudes that can only be formed in the course of direct interaction. On the other hand, the impact of a high-risk social environment is considered, which, in combination with geopolitical threats, forms the prerequisites for asocial behavior.

Methods. The study of the phenomenon was carried out through a systematic approach. To assess the quantitative parameters, the content analysis method was applied (according to the method of A.N. Alekseev), within the framework of which the demanded data sources devoted to various types of interpersonal relationships were analyzed. The units of analysis were selected through the involvement of experts in the field of social psychology. The method of questioning, which covered young people included in the digital space, made it possible to assess the reaction of young people to the digital information system, the degree of assimilation of data and the appropriation of third-party experience and knowledge. To clarify a number of parameters that demonstrated a lack of understanding or clear attitudes among young people, the technique of focus group interviews was used, which provided qualitative parameters of the position and perception system of the studied population.

Results. In the course of a study conducted by the method of content analysis, focus groups and a mass survey, the authors of the article demonstrate the main trends that encourage young people to abandon long-term forms of interpersonal interaction in favor of personal comfort and social silence. In this regard, several probable trends in the development of modern youth are proposed.

Conclusion. The data obtained made it possible to diagnose the presence of frustration in the attitudes of young people regarding interaction that requires emotional participation and inclusion. The overload of social contacts within the framework of the labor process, the system of training and virtual communication has formed attitudes towards the rejection of close social contacts, the need to implement self-defense by increasing the parameters of personal boundaries.

Keywords: gender attitudes, interpersonal interaction, life planning, family social environment, youth expectations.

References

1. Il'in V.I. Dvoe v obshchestve: intimnaja para v sovremennom mire [Two in society: an intimate couple in the modern world] / pod nauch. red. I. V. Lomakina. M.: VCIOM, 2020. 640 p. (in Russian).
2. Pankratova L.S. Romanticheskie otnoshenija sovremennoj rossijskoj molodezhi v cifrovuju jepohu [Romantic Relations of Modern Russian Youth in the Digital Age] // Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «XIII Kovalevskie chtenija "Molodezh' XXI veka: obraz budushhego" [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation "XIII Kovalev Readings "Youth of the 21st Century: Image of the Future]. Sankt-Peterburg, 14-16 nojabrja 2019 g. Otv. red. N. G. Skvorcov, Ju. V. Asochakov. Sankt-Peterburg: Skifija-print. 2019. pp. 568-569 (in Russian).
3. House-Peters, L., Del Casino, V., Brooks, C. Dialogue, inquiry, and encounter: Critical geographies of online higher education // Progress in Human Geography. 2019. vol. 43(1), pp. 81-103. DOI:10.1177/0309132517735705
4. Shvecova A.V. Virtualizacija privatnosti kak jelement novogo gendernogo porjadka [Privacy Virtualization as an Element of the New Gender Order] // Cifrovaja sociologija/Digital Sociology. 2022. no. 5(3). pp. 4-13 (in Russian).
5. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Front Cover. University of Toronto Press, 1966. 293 p.
6. Kastel's M. Vlast' kommunikacii. per. s angl. N. M. Tylevich; pod nauch. red. A. I. Chernyh; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki» [The power of communication. trans. from English. N. M. Tylevich;

under scientific ed. A. I. Chernykh; National research University "Higher School of Economics]. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2016. 564 p. (in Russian).

7. Skibickij M.M. Informacionnaja jepoha i novaja jekonomika v trudah Manujelja Kastel'sa [The Information Age and the New Economy in the Works of Manuel Castells] // Mir novoj jekonomiki. 2015. no. (4). pp. 62-68 (in Russian).

8. Bobova L.A. Manujel' Kastel's: vlijanie setevogo obshhestva na karakter social'nyh kommunikacij [Manuel Castells: the impact of the network society on the nature of social communications] // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. no. 5(32). pp. 213-220 (in Russian).

9. Kostenius C., Alerby E. Room for interpersonal relationships in online educational spaces – a philosophical discussion // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2020. vol. 15, sup1, pp. 123-134. DOI: 10.1080/17482631.2019.1689603

10. Lou N.M., Li L.M.W. Interpersonal relationship mindsets and rejection sensitivity across cultures: The role of relational mobility // Personality and Individual Differences. 2017. vol. 108, pp. 200-206. DOI:10.1016/j.paid.2016.12.004.

11. Hao Q, Peng W, Wang J, Tu Y, Li H, Zhu T. The Correlation Between Internet Addiction and Interpersonal Relationship Among Teenagers and College Students Based on Pearson's Correlation Coefficient: A Systematic Review and Meta-Analysis // Front. Psychiatry. 2022. vol. 13, pp. 494-501. DOI:10.3389/fpsyt.2022.818494

12. Ades A., Omar S.Z., Binti W.A. Taxonomy, motivation, open challenges and future recommendations // International Journal of Sciences: Basic and Applied Research (IJSBAR). 2018. vol. 42(4), pp. 131-143.

Authors' Bio

Grosheva Lyubov Igorevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen, Russia. E-mail: malivia@rambler.ru

Groshev Igor Lvovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen, Russia. E-mail: grosh@nextmail.ru

Grosheva Irina Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of Department, Branch of the Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Institute of Business Career", Tyumen, Russia. E-mail: grosh@nextmail.ru

Библиографическая ссылка

Грошева Л. И., Грошев И. Л., Грошева И. А. Новая реальность современных межличностных отношений: фрустрация в условиях плюрализма // SocioTime / Социальное время. 2023. № 1 (33). С. 95–107. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.95

ИСТОРИЯ

УДК 902/904

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.108

РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ФИННО-УГРОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ XIX-XX ВВ.

А. О. Печников

Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола (Россия)

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена исторической связью в развитии финской и отечественной археологии по вопросам изучения финно-угорских народов. В силу исторических процессов финно-угорские этносы, одни из древнейших на территории Евразии, на протяжении тысячелетий сохраняли общие элементы материальной и духовной культуры. Различные аспекты этого феномена привлекали внимание финских и российских исследователей, между которыми сохранились тесные связи, что позволяло раскрывать новые аспекты древней материальной культуры финно-угров.

Методы. Для решения поставленных задач и проверки исходных предположений автором использован комплекс методов, адекватных природе изучаемого явления: проблемно-хронологический, согласно которому исследуемая проблематика рассматривается во временной последовательности; историко-сравнительный, положенный в основу оценки научного вклада разных поколений ученых в разработку проблем археологического изучения финно-угров; историко-биографический, позволяющий показать роль лидеров, ученых-первопроходцев в становлении и развитии научного направления.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В настоящей работе автором дается краткий анализ истории изучения финскими учеными материальной культуры финно-угорских народов Европейской России в XIX-XX вв. (по археологическим источникам). Первые археологические исследования финно-угров России финскими учеными в первой половине XIX века совпали со становлением археологии как науки в Финляндии и Российской Империи. Важную роль в изучении материальной культуры финно-угорских народов Европейской России играли основные институты финской и отечественной археологической науки (XIX-XX вв.), музеи и международные конгрессы финно-угроведов (вторая половина XX в.).

Заключение. Полученные выводы об основных периодах изучения древностей финно-угров Европейской России XIX-XX вв. позволяют рассмотреть развитие научного сотрудничества между российскими и финляндскими археологами в начале XXI в., когда важное место стали занимать совместные исследовательские проекты с участием крупных археологических, музейных и академических центров.

Ключевые слова: финно-угры, археология, финская археология, древняя история финно-угров, археологические раскопки, материальная культура.

Введение. Проблема изучения древней истории финно-угорских народов представляет несомненный интерес для исследователей в настоящее время. Изучение древней истории финно-угров затрагивает широкий спектр исторических дисциплин – этнографию, археологию, антропологию.

Среди зарубежных исследователей значительный вклад в развитие археологии финно-угорских народов внесли финские ученые, что ощутимо выражается как в количестве авторов и объеме их публикаций, так и в разнообразии тематики исследований. В XX в., когда финская археология стала развиваться отдельно от отечественной науки, между ними сохранились тесные связи, что привело к новому этапу исследований материальной культуры финно-угров.

Методы исследования. Автором использован комплекс теоретических и экспериментальных методов и методик исследования, адекватных природе изучаемого явления. Общеисторические методы:

- проблемно-хронологический, согласно которому исследуемая проблематика рассматривается во временной последовательности;
- историко-сравнительный, положенный в основу оценки научного вклада разных поколений ученых в разработку проблем археологического финно-угроведения;
- историко-биографический, позволяющий показать роль лидеров, ученых-первопроходцев в становлении и развитии научного направления.

Важную роль играет междисциплинарный подход. Данные дисциплин – лингвистики, истории, антропологии, топонимики и этнографии – привлекаются как вспомогательные источники для более полного понимания тех или иных историко-культурных или этнических аспектов проблемы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Археологические исследования древней истории финно-угров во многом опирались на результаты экспедиций первопроходцев А. Шегрена и М. А. Кастрена в XIX в. Их исследования продолжил Й. Р. Аспелин. В своих ранних работах он касался преимущественно этнографии финно-угорских народов, но в 1868 году получил ряд книг русских авторов, где имелись сведения о древностях финно-угров. С этого момента призванием ученого становится археология [11, с. 13–23]. Теория М. А. Кастрена об исторической прародине финно-угров в горах Алтая была популярна в научной среде во второй половине XIX века, что нашло в дальнейшем отражение в исследованиях Й. Р. Аспелина.

В русскоязычной литературе сведений о жизни и деятельности Й. Р. Аспелина практически нет. Отдельная информация о его исследованиях присутствует в энциклопедических изданиях [8]. Часть исследований Й. Р. Аспелина затронута в работах А. Н. Бернштама [1], И. Л. Кызласова [4; 5], И. Л. Спасского [13], А. Х. Халикова [17; 18; 19], В. С. Патрушева [26], А. В. Збруевой [3], А. А. Тишкина [15; 16] и др.

В зарубежной литературе информация о жизни и деятельности И. Р. Аспелина представлена более обширно на немецком, финском и английском языках, в частности, существует ряд публикаций финских авторов: Т. Салминена [30], Матти Хурре [8], Э. Кивикоски [23] и др.

Во время своих экспедиций И. Р. Аспелин несколько раз посещал Россию в период с 1871 по 1874 год. В 1872 году одним из наиболее важных объектов исследования ученого стал могильник у села Ананьино. Й. Р. Аспелин дважды побывал там

по пути в Пермь и обратно в конце лета 1872 года. Ученый предполагал, что, возможно, Ананьинский могильник является тем звеном, которое свяжет Алтайско-Уральский бронзовый век и древности финского железного века в Восточной Европе [20].

После знакомства с материалами П. Алабина данной точки зрения стал придерживаться археолог Э. И. Эйхвальд [22]. Говоря о раскопках Ананьинского могильника, Й. Р. Аспелин указывал, прежде всего, на бессистемность раскопок и отсутствие четкого плана ранее проводившихся исследований. Он считал, что внутренний порядок в могильнике, как в целом на объекте, был большей частью навсегда нарушен. Исследуя работы предшествующих археологов, исследовавших Ананьино, Й. Р. Аспелин приводит данные о поспешности и неаккуратности раскопок Алабина, но, с другой стороны, находит его работу вполне успешной. Впоследствии вслед за Й. Р. Аспелиным подобное отмечали П. А. Пономарев [10] и А. А. Спицын [14].

Й. Р. Аспелин также отмечал, что в значительной степени могильник разоряли жители окрестных сел, добывая предметы для продажи. От рук жителей пострадали раскопки самого Й. А. Аспелина: во время отсутствия ученого раскоп был перекопан местными жителями, и целостность его была нарушена [20]. Тем не менее, несмотря на неудачные раскопки, Й. Р. Аспелин приобрел у местных крестьян значительное количество предметов с Ананьинского могильника. Как предполагал исследователь, древности Ананьино должны были составить основную часть коллекции Финно-угорского музея.

Важные материалы, собранные Й. Р. Аспелиным во время исследований Ананьинского могильника, были им включены в его докторскую работу и в большой археологический атлас, вышедший в период с 1877 по 1884 год на двух языках в пяти выпусках «Древностей финно-угорского Севера» [21]. Выход атласа сделал Й. Р. Аспелина широко известным ученым. Данный атлас содержал 2 200 рисунков древних предметов со всей территории расселения финно-угров: от Северного моря до Средней Волги и от Балтийского моря до Енисея.

В 1878 году Й. Р. Аспелин вновь посетил Ананьинский могильник во время участия в Российском археологическом съезде в Казани. В этом же году Й. Р. Аспелиным был опубликован каталог с комментариями выставки археологических коллекций в Университете города Хельсинки. До 1885 года Й. Р. Аспелин занимал пост профессора Хельсинского университета, а в 1885 году исследователь возглавил Археологическое бюро и был избран президентом Финского Общества древностей.

С конца 70-х годов научные интересы Й. Р. Аспелина были большей частью ориентированы на исследования Сибири, особенно верховий Енисея, одной из целей которых был поиск прародины древних финно-угров.

Следующий этап в изучении древностей финно-угров приходится на научные исследования Арне Михаэля Тальгрена в начале XX века. Данный период стал переходным для финской археологической науки. Если в XIX веке основным фактором изучения древнего прошлого служила идеология – стремление финнов узнать о

своей истории, дать основу финно-угорского родства, то к началу XX века вперед начали выходить археологические проблемы. Вместе с тем в начале XX века, кроме национальных, появляются интернациональные вопросы, связанные с древней историей Евразии [12].

В 1900-е годы формируются основные научные взгляды А. М. Тальгрена. В своих исследованиях он интересуется вопросами происхождения финского народа и финно-угорского родства. На начало XX века приходятся его первые экспедиции по территории России. Всего с 1908 по 1935 год А. М. Тальгрэн совершил семь продолжительных экспедиций по территории Российской Империи и затем Советского государства. Область интересов исследователя – изучение бронзового и раннего железного веков в Восточной Европе. Фактически А. М. Тальгрэн продолжил исследования Й. Р. Аспелина по изучению древностей бронзового периода на территории России и ближнего зарубежья [29].

Как и предшественник, большую роль в своих исследованиях А. М. Тальгрэн уделял изучению ранее накопленных материалов в музеях и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и др. В 1909 году А. М. Тальгрэном была организована его первая экспедиция по исследованию Ананьинского некрополя. К началу XX века Ананьинский могильник, расположенный недалеко от города Елабуги, был широко известен среди археологического сообщества. При исследовании Ананьина А. М. Тальгрэн важную роль отвел результатам работ Й. Р. Аспелина [21] в 1870-х годах XIX века и П. А. Пономарева – в 1882 году [10].

А. М. Тальгрэном с Ананьинского могильника была собрана обширная коллекция древностей. Часть предметов он обнаружил в результате непродолжительных раскопок, основное количество древностей было приобретено у крестьян. Многочисленные находки Ананьинского некрополя составили богатейшую коллекцию древностей купца В. И. Заусайлова, которая была приобретена Национальным музеем Финляндии по рекомендации А. М. Тальгрэна в 1909 году. Всего в ходе экспедиций 1909, 1917 годов А. М. Тальгрэном был собран богатый материал, а 190 предметов дополнили Ананьинскую коллекцию археологических находок Й. Р. Аспелина в Национальном музее Финляндии [11, с. 13–23].

Ананьинскому некрополю был посвящен второй том докторской диссертации А. М. Тальгрэна «Ананьинская эпоха в Восточной России», который был опубликован в 1919 году [33]. А. М. Тальгрэн выдвинул гипотезу относительно связи Ананьинской культуры и культур Кавказа и Причерноморья, что противоречило теории Й. Р. Аспелина относительно ее Сибирского происхождения. В вопросе формирования Ананьинской культуры А. М. Тальгрэн, как и Й. Р. Аспелин, придерживался мнения, что она складывалась на местной основе [31].

В 1923 году А. М. Тальгрэн был назначен профессором археологии в Университете города Хельсинки. С этим периодом жизни А. М. Тальгрэна связано издание научной серии по российской археологии «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» (ESA), важную роль в организации которой сыграл финский этнограф Уно-Тарви Сирелиус (1872–1929). Издание подобной научной серии, с одной стороны, позволяло объединить усилия археологов, этнографов и лингвистов по изучению древней истории

народов Восточной Европы. А. М. Тальгрэн полагал, что объединение усилий разных ученых создало бы полную картину изучения древностей с опорой на этническую историю, топонимику и археологические находки. С другой стороны, создание серии ESA продвинуло бы финскую науку на шаг вперед по сравнению с другими странами, так как изначально серия задумывалась как международная с привлечением иностранных ученых [12].

Создание ESA отняло много времени и сил у А. М. Тальгрена. В 30-е годы XX века основная деятельность исследователя была сосредоточена на редактировании научной серии и изучении бронзовых культур юга России и Кавказа. Тем не менее в своих поздних работах он продолжал изучать вопросы относительно связи древних культур Урала, Северной Европы и Фенноскандии и их возникновения [32]. С 1930-х годов издание серии ESA фактически было сведено на нет политическими факторами. Происходило изменение политического курса в Советской России, что воспрепятствовало выходу многих публикаций по ранней истории финно-угров и археологических культур Восточной Европы. Также уменьшилось научное сотрудничество между СССР и Финляндией.

В настоящее время археологические коллекции А. М. Тальгрена составляют основной фонд Национального музея Финляндии наряду с коллекциями его предшественника Й. Р. Аспелина. В послевоенный период (с 1960-х годов) в политической ситуации в СССР произошли значительные перемены, наладилось научное сотрудничество в международном плане, наступил новый, современный этап его развития.

В 1958 году в Хельсинки состоялась конференция исследователей финно-угорских языков, посвященная 75-летию Финно-угорского общества, на которой было принято решение о проведении регулярных международных научных конгрессов по финно-угорскому языкознанию. В том же году подобное решение было принято на совещании советских финно-угроведов в Ленинграде.

В 1960 году в Будапеште состоялся первый Международный конгресс финно-угроведов. Он ознаменовал собой начало широкого международного научного движения по всестороннему изучению родственных народов. Крупные научные форумы стали проводиться регулярно с интервалом в пять лет.

На первых порах и международные конгрессы, и всесоюзные конференции финно-угроведов носили односторонне-лингвистическую направленность. Постепенно их тематика стала расширяться за счет привлечения фольклористов, археологов, а затем и культурологов, историков, искусствоведов, социологов.

В 1960–1980-х годах финно-угорские исследования развивались и количественно, и качественно, что отражалось и в программах научных конгрессов и конференций, и в научных публикациях.

С конца 1980-х годов современный этап развития финно-угроведения приобретает новые черты – наступило время переоценки многих ценностей.

На примере Марийского государственного университета (далее – МарГУ) есть возможность проследить новый этап сотрудничества российских и финских архео-

логов и историков в научных исследованиях древней истории волжских финно-угров в современных условиях.

Началом научных контактов можно считать встречи доктора исторических наук, профессора Валерия Степановича Патрушева с профессором Университета Турку, известным финским археологом Унто Сало во время работы VI Международного конгресса финно-угроведов в г. Сыктывкаре в 1985 году. При содействии эстонского археолога Велло Лыугас Унто Сало через Академию Финляндии организовал пересылку книг по финно-угроведению из Финляндии в МарГУ для археологической лаборатории. Впоследствии обмен научной литературой становится постоянным. В 1991 году в Музейном управлении Финляндии В. С. Патрушеву удалось собрать значительные материалы по «текстильной» керамике Финляндии и познакомиться с коллекцией В. И. Заусайлова, содержащей значительные материалы по археологии финно-угров Волго-Камья [34]. Результатами научных исследований Центра археолого-этнографических исследований (далее – Центр АЭИ) МарГУ заинтересовались финские ученые, и в Университетах Хельсинки, Турку, Оулу, и в Обществе М. А. Кастрена В. С. Патрушевым проводились курсы лекций по этногенезу финно-угров России, отдельные лекции по проблемам древней истории финно-угров. Проводились также совместные обсуждения ряда научных проблем с археологами Финляндии.

Российско-финское сотрудничество в изучении истории финно-угров в значительной мере расширилось благодаря неугасимому энтузиазму и хорошей организационной работе председателя Международного исторического общества «Фенно-Угрика», профессора Кюести Йулку. По приглашению данного общества в 1991 году В. С. Патрушев принял участие в международном симпозиуме в г. Торнио, где познакомился с министром культуры и образования Тютти Исохоокана-Асунмаа. А в 1993 году общество «Фенно-Угрика» организовало конгресс. На этом конгрессе он был избран Действительным членом правления данного общества от историков России. Одновременно было принято решение опубликовать его книгу «Финно-угры России в эпохи бронзы и железа». На конгрессе выступили с докладами и другие археологи из марийского края (О. В. Данилов, В. В. Никитин, Т. Б. Никитина).

Результатом тесного сотрудничества по различным направлениям истории финно-угров стало заключение в 1994 году договора о сотрудничестве в области научных исследований и образования между Центром АЭИ МарГУ (руководитель – проф. В. С. Патрушев) и департаментами археологии, этнологии, финно-угорских языков, фольклора и теологии Университета Хельсинки. С финской стороны договор подписан руководителями указанных департаментов, профессорами Ари Сийрайнен, Юхани У. Е. Лехтонен, Сеппо Суханен, Лееа Виртанен, Юха Пентикайнен. Согласно договору, были проведены международные конференция и семинар по проблемам методики археологических исследований, совместно изданы сборник научных работ и отдельные статьи по проблемам древней истории финно-угров, проводились совместные полевые работы.

Научные контакты и сотрудничество были установлены также между Центром АЭИ МарГУ и Обществом краеведения Финляндии. По приглашению Центра АЭИ

в обсуждении проблем краеведения в Йошкар-Оле приняли участие руководители Общества краеведения Финляндии Маркку Таннер и Йухани Райло.

Важнейшими направлениями совместных научных исследований стали проблемы этногенеза волжских финнов, определение роли и места древних финно-угров Поволжья среди финно-угорских народов России, исследования экономики, общественных отношений, культурных связей волжских финнов на ранних этапах формирования их этнических особенностей. Отдельное место занимают вопросы методики полевых и лабораторных исследований, проблемы исторической реконструкции на основе археологического материала с использованием новейших естественно-научных методов.

Как признание научных достижений Центра археолого-этнографических исследований МарГУ и результат активного международного сотрудничества, следует рассматривать приглашение В. С. Патрушева выступить с докладом «Уральские народы России: историческое развитие и современное состояние» от имени историков России на пленарном заседании VIII Международного конгресса финно-угроведов в г. Ювяскюля (1995) [35]. А в 1998 году в рамках программы INTAS ученому поручено руководство российской группой исследователей по проблемам единых истоков финно-угорских и индоевропейских народов.

Одним из основных направлений сотрудничества в области исследований древней истории финно-угров является проведение совместных полевых работ археологов Марийского государственного университета и Университетов Хельсинки и Оулу в составе Российско-финских археологических экспедиций под руководством В. С. Патрушева. Основные работы проводились на памятниках с «текстильной» (ниточно-рябчатой) керамикой эпохи финальной бронзы и начала железного века в Костромской области и Марийском Поволжье.

В 1992 году экспедицией продолжены исследования Минского городища. На раскопках с финской стороны принимали участие археологи Университета Хельсинки Мика Лавенто и Пайви Мааранен. В раскопе площадью 36 кв. м вскрыты два разновременных слоя общей мощностью до четырех метров. Нижний слой городища с преобладающей ниточно-рябчатой керамикой датирован VI–III вв. до н. э. Его мощность на некоторых участках доходила до трех метров. Ниточно-рябчатая керамика (992 экз.) из слоя в основном горшковидная, с примесью дресвы и плотной структурой, более 60 % фрагментов имеют рябчатые отпечатки. Узоры в виде горизонтальных линий выполнены неправильными, клиновидными, округлыми ямками, реже оттисками шнура. Гладкостенная керамика (160 экз.), за исключением единичных фрагментов, без орнамента. По примеси к тесту, размерам, толщине стенок она не отличается от «текстильной». Верхний слой городища с предмерянской керамикой с рыхлой структурой, без орнамента, с толстыми плоскими днищами датирован I–III вв. н. э. Во всех слоях довольно много других находок – костей животных, каменных терочников и растиральных плит, довольно редки металлические изделия. Среди них интерес представляют четыре бронзовые круглые подвески с веревочными узорами мерянского облика [34].

В 1993-1994 годах исследовались два поселения XI–IX вв. до н. э. в Марийском Поволжье. На третьем поселении Сосновая Грива в устьевой части р. Большая Кокшага в раскопе площадью более 290 кв. м исследовано жилище подквадратной формы размерами 12 x 10,7 м, углубленное от современного уровня дна жилищной впадины на 0,7 м. У ЮВ угла находился выход в сторону реки, с ЮЮЗ и ССВ прослежены переходы в соседние жилища, в центре и ЮЗ части – пять очажных и одна хозяйственная ямы. В ССВ части выделялся участок с понижением пола максимальными размерами 3,8 x 4,5 м, с темными гумированными включениями, с большим содержанием фосфора – возможно, зимний загон для скота. Находки из раскопок поселения представлены позднеприказанской (191 экз.) и ниточно-рябчатой (98 экз.) керамикой, бронзовым шилом, каменными орудиями. Результаты полевых работ опубликованы в совместных статьях в российских и зарубежных изданиях [6; 24].

На втором поселении (база отдыха Чуваширемстрой) в 1994 году также исследована одна из десяти жилищных впадин. В исследованиях принимали участие сотрудники Центра АЭИ МарГУ А. Н. Павлова, Б. С. Соловьев, Е. Е. Петрова, Т. С. Патрушева и др., сотрудники и студенты Университетов Хельсинки и Оулу Мика Лавенто, Кристиан Карпелан, Эва-Рийтта Майойнен, Эйя Ояллатва, Мари Мяки-Петяус. Жилище размерами около 11 x 8,5 м также оказалось с переходами в соседние жилища, выходом к реке, с очажными, хозяйственными и столбовыми ямами, пристройкой. В раскопе частично исследованы еще две постройки. Находки в основном представлены фрагментами приказанской (более 1500 экз.) и ниточно-рябчатой (около 600 экз.) керамики, 33 каменными орудиями [9].

Раскопки данного поселения совместной экспедицией были продолжены в 1997 году. В исследованиях приняли участие 16 зарубежных участников Международного семинара по методике составления банков данных и статистической обработке источников по материальной культуре финно-угров. Работы финансировались Российским фондом фундаментальных исследований и финской стороной. Финские археологи, во главе с сотрудником Музейного управления Финляндии, доктором Пирьо Уйно, познакомились с археологическими памятниками и материалами финно-угров Поволжья и совместно с археологами Поволжья обсудили вопрос о дальнейшем сотрудничестве в области исследований древней истории коренного населения края.

В 1995 году совместные исследования проводились в экспедициях Университетов Хельсинки и Оулу под руководством Мика Лавенто и Пентти Койвунен в Южной и Северной Финляндии. Знакомство с материалами широкого региона расселения древних финноязычных народов позволяет решать важнейшие проблемы этногенеза и культурных связей волжских финнов.

Заключение. Первое десятилетие XXI века внесло свои изменения в российско-финское сотрудничество по вопросам изучения истории финно-угорских народов. Наряду с участием в международных финно-угорских конгрессах и конференциях важное место стала занимать организация совместных исследовательских проектов и проектов, финансируемых финской стороной. Инициаторами проведения археологических проектов в Финляндии становятся крупные археологические цен-

тры – Музейное Ведомство Финляндии, Университет Хельсинки, Общество М. А. Кастрена.

В 2003 году была опубликована обобщающая работа финского исследователя Т. Салминена, посвященная исследованиям финских археологов финно-угорских древностей в Европейской России и Сибири в 1870–1935 годы [29]. Работа Т. Салминена вышла на финском языке и явилась монументальным трудом, содержащим исторические факты истории изучения и ее связи с идеологическими тенденциями в финском обществе.

В настоящее время важную роль играют международные конференции с участием финских археологов. В 2008 году прошла Международная научно-практическая конференция, организованная Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, Институтом археологии РАН и Елабужским государственным музеем-заповедником. Конференция была приурочена к 150-летию открытия Ананьинского могильника. В составе участников были представители Археологического общества Финляндии, сотрудники музейного Ведомства Финляндии. Кристиан Карпелан и Пирьо Уйно представили доклад о коллекции археологических древностей по древней истории финно-угров России, включая древности, обнаруженные в ходе экспедиций Й. Р. Аспелина и А. М. Тальгрена [11, с. 276].

Значительный вклад в изучение финно-язычного населения внесли Мика Лавенто [7; 25], Пирьо Уйно [27]. Продолжается сотрудничество в исследованиях населения с «текстильной керамикой» М. Лавенто и В. С. Патрушева [2; 9]. В 2009–2011 годах продолжалось изучение «текстильной» керамики М. Лавенто. В фондах Археологического музея МарГУ им были взяты образцы нагара с фрагментов «текстильной керамики» десятка памятников и получены радиоуглеродные даты, изменившие представление о развитии финноязычного населения. Таким образом, в последнее десятилетие XX – первое десятилетие XXI века сотрудничество российских и финских археологов по изучению финно-угорских древностей Европейской России значительно расширяется.

Список литературы

1. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы // Труды института востоковедения. М.-Л., 1946. Т. XLV.
2. Патрушев В. С. Финноязычные племена с «текстильной» керамикой как этнический феномен. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород–Старая Русса. СПб., М., Великий Новгород, 2011. Т. I.
3. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, 1952. № 30.
4. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
5. Кызласов И. Л. Древняя письменность саяно-алтайских тюрок. М., 1994.
6. Лавенто М., Патрушев В. С. Исследования на Сосновой Гриве // Археологические открытия 1994 года. М., 1995.
7. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (25–29 марта 2003 г.). Тверь, 2006. Т. 1.
8. Матти Х. Финно-угры и славяне. Л., 1979.

9. Павлова А. Н., Патрушев В. С., Патрушева Т. С. Полевые исследования российско-финской археологической экспедиции Марийского университета (1992–1995 гг.) // XIII Уральское археологическое совещание: тез. докл. Уфа, 1996. Ч. II.
10. Пономарев П. А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. Ананьинский могильник // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. Казань, 1882.
11. У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология Евразийских степей». Елабуга, 2009. Вып. 8.
12. Салминен Т. Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. № 1 (29).
13. Спасский Г. О древних сибирских начертаниях и надписях // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. I.
14. Спицын А. А. Могильники и отдельные находки предметов бронзового века // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1893. Т. I.
15. Тишкин А. А. И.-Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири: краткий библиографический очерк // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2000.
16. Тишкин А. А. Аспелин Иоганн Рейнгольд // Исследователи Алтайского края XVIII – начала XX века: Библиографический словарь. Барнаул, 2000.
17. Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
18. Халиков А. Х. Финно-угорское общество и его роль в изучении языка, фольклора, археологии и этнографии народов Среднего Поволжья // Древние этнические процессы Волго-Камья АЭМК. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 9.
19. Халиков А. Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья // Происхождение финноязычных народов. Казань, 1991. Ч. I.
20. Aspelin J.R. Suomalais-ugrilaisen muinaistutkimnon alkeita. Helsinki, 1875.
21. Aspelin J.R. Antiquités du nord finno-ougrienne. Helsinki, 1875.
22. Eichwald, Ed. von. Ueber die Sauegthierfauna der neuern Molasse des südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde // Bulletin de la Societe Imperiale des naturalistes de Moscou. 1860. XXXIII.
23. Kivikoski E. Finland. Ancient Peoples and Places, 53. London, 1967.
24. Lavento, M. Sosnovaya Griva 3 - a dwelling site complex in the Mari Republic, in the Middle Volga region / M. Lavento, V. Patrushev // Fennoscandia archaeologica XIII. Helsinki, 1996.
25. Lavento M. Textile Ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Nine Variations and Fugue on a Theme of C. F. Meinander. Helsinki. 2001.
26. Patrushev V. The Early History of the Finno-ugric Peoples of European Russia. Oulu, 2000.
27. Pirjo U. Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki. 1997.
28. Salminen T. Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 110. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 2003.
29. Salminen T. 2003. National and international influences in the Finnish archaeological research in Russia and Siberia // Fennoscandia archaeologica. XX. 2003.
30. Salminen T. In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s. Helsinki // The Quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society. 258. Helsinki, 2009.
31. Tallgren A. M. Die bronzecelte vom sog. Ananino-typus. Berührungen zwischen den bronzekulturen Skandinaviens und des Wolga-Kamalandes // Finnisch-Ugrische Forschungen. XII. 1912. S.
32. Tallgren A. M. The Arctic Bronze Age in Europe // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1937.
33. Tallgren A. M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXI. Helsinki, 1919.
34. Textile-impressed pottery in Russia // Fennoscandia archaeologica. IX. Helsinki, 1992.
35. Uralic nations of Russia: historic development and present condition // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10–15.08.1995. Pars 1: Orationes plenariae et conspectus quinquennales. Juvaskyla, 1995.

Авторская справка

ПЕЧНИКОВ Андрей Олегович – старший преподаватель, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия. E-mail: pechnikovao@volgatech.net

UDC 902/904

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.108

***RUSSIAN-FINNISH STUDY OF THE ANCIENT FINNO-UGRIANS
HISTORY OF EUROPEAN RUSSIA (XIX – XX CENTURIES)***

A. O. Pechnikov

Volga State Technological University, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. The relevance of the research is due to the historical connection in the development of Finnish and Russian archeological study of the Finno-Ugric peoples. By historical processes, the Finno-Ugric ethnic groups, one of the oldest in Eurasia, have preserved common elements of material and spiritual culture for thousands of years. Various aspects of this phenomenon attracted the attention of Finnish and Russian researchers, between whom close ties have been preserved, which made it possible to reveal new aspects of the ancient material culture of the Finno-Ugric peoples.

Methods. The author used a set of methods that are adequate to the nature of the study: problem-chronological, according to which the problem under study is considered in time sequence; historical and comparative, which is the basis for assessing the scientific contribution of different generations of scientists to the development of problems of the archaeological Finno-Ugric study; historical and biographical, allowing to show the role of leaders, pioneer scientists in the formation and development of a scientific direction.

Results. In this paper, the author gives a brief analysis of the history of the study by Finnish scientists of the material culture of the Finno-Ugric peoples of European Russia in the 19th – 20th centuries. (according to archaeological sources). The first archaeological studies of the Finno-Ugric peoples of Russia by Finnish scientists in the first half of the 19th century coincided with the formation of archeology as a science in Finland and the Russian Empire. An important role in the study of the material culture of the Finno-Ugric peoples of European Russia was played by the main institutions of Finnish and Russian archaeological science (XIX-XX centuries), museums and international congresses of Finno-Ugric studies (second half of the XX century).

Conclusion. The conclusions about the main periods of studying the antiquities of the Finno-Ugric peoples of European Russia in the 19th-20th centuries, allow us to consider the development of scientific cooperation between Russian and Finnish archaeologists at the beginning of the 21st century, when important part had research projects with the participation of major archaeological, museum and academic centers.

Keywords: Finno-Ugric peoples, archeology, Finnish archeology, ancient history of the Finno-Ugric peoples, archaeological excavations (works), material culture.

References

1. Bernshtam A.N. Social'no-jekonomicheskij stroj orhono-enisejskih tjurok VI-VIII vv. [Socio-economic structure of the Orkhon-Yenisei Turks of the VI-VIII centuries.] // *Trudy instituta vostokovedenija*, vol. XLV. M.-L.: 1946.
2. Patrushev V.S. Finnojazychnye plemena s "tekstil'noj" keramikoj kak jetnicheskij fenomen. [Finnish-speaking tribes with "textile" ceramics as an ethnic phenomenon] // *Trudy III (XIX) Vserossijskogo*

arheologicheskogo s#ezda. Velikij Novgorod — Staraja Russa. T. I. // St. Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod: 2011.

3. Zbrueva A.V. Istorija naselenija Prikam'ja v anan'inskuju jepohu [The history of the population of the Kama region in the Ananyin era] // MIA. 1952. No. 30.

4. Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evrazijskih stepej [Runic scripts of the Eurasian steppes]. M., 1994.

5. Kyzlasov I.L. Ancient writing of the Sayano-Altai Turks. M., 1994.

6. Lavento, M. Issledovanija na Sosnovoj Grive [Research on Pine Mane] // *Arheologicheskie otkrytija 1994 goda.* - M., 1995.

7. Materialy III Tverskoj arheologicheskoy konferencii i 8-go zasedanija nauchnogo seminar "Tverskaja zemlja i sopredel'nye territorii v drevnosti" [Materials of the III Tver Archaeological Conference and the 8th meeting of the scientific seminar "Tver land and adjacent territories in antiquity", vol. 1] / *Tver. arheolog. konf. (25-29 marta 2003 g., g. Tver')*, 2006.

8. Matti H. Finno-ugry i slavjane. [Finno-Ugrians and Slavs]. L., 1979.

9. Pavlova, A.N. Polevyje issledovanija rossijsko-finskoj arheologicheskoy jekspedicii Marijskogo universiteta (1992-1995 gg.) [Field studies of the Russian-Finnish archaeological expedition of the Mari University (1992-1995)] / A.N. Pavlova, B.C. Patrushev, T.S. Patrushev // *XIII Ural'skoe arheologicheskoe soveshhanie: tez. dokl.* - Ufa, 1996.

10. Ponomarev P.A. Materialy dlja harakteristiki bronzovoj jepohi Kamsko-Volzhsokogo kraja. Anan'inskij mogil'nik [Materials for the characterization of the Bronze Age of the Kama-Volga region. Ananyinsk burial] // *Izvestija Obshhestva Arheologija, Istorija i Jetnografija pri Imperatorskom Kazanskom Universitete.* Kazan, 1882.

11. U istokov arheologii Volgo-Kam'ja (k 150-letiju otkrytija Anan'inskogo mogil'nika [At the origins of the archeology of the Volga-Kama region (to the 150th anniversary of the discovery of the Ananyino burial ground)]. *Seriya «Arheologija Evrazijskih stepej».* Issue 8. - Elabuga, 2009.

12. Salminen T. Finskie arheologi v Rossii i Sibiri v 1870-1935 gody [Finnish archaeologists in Russia and Siberia in 1870-1935] // *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii. 1 (29).* Novosibirsk, 2007.

13. Spasskij G. O drevnih sibirskih nachertanijah i nadpisjah [On the ancient Siberian inscriptions and inscriptions] // *Sibirskij vestnik. Ch. I.* St. Petersburg, 1818.

14. Spicyn A.A. Mogil'niki i otdel'nye nahodki predmetov bronzovogo veka [Burial grounds and individual finds of objects of the Bronze Age] // *Materialy po arheologii vostochnyh gubernij Rossii.* I. M., 1893.

15. Tishkin A.A. I.-R. Aspelin — issledovatel' drevnostej Sibiri (kratkij biobibliograficheskij ocherk) [I.-R. Aspelin — researcher of Siberian antiquities (a brief bio-bibliographic essay)] // *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Vtorye nauchnye chtenija pamjati prof. A.P. Borodavkina.* Barnaul, 2000.

16. Tishkin A.A. Aspelin Iogann-Rejngol'd [Aspelin Johann-Reingold] // *Issledovateli Altajskogo kraja XVIII — nachalo XX veka: Bibliograficheskij slovar'.* Barnaul, 2000.

17. Halikov A.H. Drevnjaja istorija Srednego Povolzh'ja [Ancient History of the Middle Volga]. M., 1969.

18. Halikov A.H. Finno-ugorskoe obshhestvo i ego rol' v izuchenii jazyka, fol'klora, arheologii i jetnografii narodov Srednego Povolzh'ja [Finno-Ugric society and its role in the study of language, folklore, archeology and ethnography of the peoples of the Middle Volga] // *Drevnie jetnicheskie processy Volgo-Kam'ja AJEMK.9.* Yoshkar-Ola, 1985.

19. Halikov A.H. Osnovy jetnogeneza narodov Srednego Povolzh'ja i Priural'ja. Ch. 1 [Fundamentals of the ethnogenesis of the peoples of the Middle Volga and Urals. Part 1]. *Proishozhdenie finnojazychnyh narodov.* Kazan, 1991.

20. Aspelin J.R. Suomalais-ugrilaisen muinaistutkimnon alkeita. Helsinki, 1875.

21. Aspelin J.R. Antiquites du nord finno-ougrienne. Helsinki, 1875.

22. Eichwald, Ed. von. Ueber die Sauegthierfauna der neuern Molasse des siidlichen Russlands und die sich an die Mollasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde // *Bulletin de la Societe Imperiale des naturalistes de Moscou.* 1860. XXXIII.

23. Kivikoski E. Finland. Ancient Peoples and Places, 53. London, 1967.

24. Lavento, M. Sosnovaya Griva 3 - a dwelling site complex in the Mari Republic, in the Middle Volga region / M. Lavento, V. Patrushev // *Fennoscandia archaeologica* XIII. - Helsinki, 1996.
25. Lavento M. Textile Ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Nine Variations and Fugue on a Theme of C.F. Meinander. -Helsinki. 2001.
26. Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. Oulu, 2000.
27. Pirjo U. Ancient Karelia. archaeological studies. -Helsinki. 1997.
28. Salminen T. Suomen tieteiliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 110. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 2003.
29. Salminen T. 2003. National and international influences in the Finnish archaeological research in Russia and Siberia // *Fennoscandia archaeologica*. XX. 2003.
30. Salminen T. In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: The Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s. Helsinki.// The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society.258.Helsinki 2009.
31. Tallgren A.M. Die bronzecelte vom sog. Ananino-typus. Berührungen zwischen den bronzekulturen Skandinaviens und des Wolga-Kamalandes //Finnisch-Ugrische Forschungen. HP. 1912.S.
32. Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1937.
33. Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXI. Helsinki, 1919.
34. Textile-impressed pottery in Russia // *Fennoscandia archaeologica*. IX. - Helsinki, 1992.
35. Uralic nations of Russia: historic development and present condition // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum* 10-15.08 1995. Pars 1: Orationes plenariae et conspectus quinquennales. - Juvaskyla, 1995.

Авторская справка

PECHNIKOV Adrey Olegovich – senior lecturer, Volga State Technological University, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: pechnikovao@volgatech.net

Библиографическая ссылка

Печников А. О. Российско-финляндское исследование древней истории финно-угров европейской России XIX-XX вв. // *SocioTime / Социальное время*. 2023. № 1 (33). С. 108–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.1.108

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «**SocioTime / Социальное время**» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписуточные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегель 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегель 9): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusion)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;

- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение:* изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение:* теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. Список материалов, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**).

4. Порядок рассмотрения рукописи. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgattech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgattech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"**SocioTime / Social Time**" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information.** The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 9): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);

- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;
- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;
- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;
- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published).

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgattech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgattech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединенному каталогу.
Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**).